

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»

На правах рукописи

Пешкова Наталия Васильевна

**ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ
КОНФРОНТАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ТОК-ШОУ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЁВА**

10.02.19 – Теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Меликян Вадим Юрьевич

Ростов-на-Дону – 2021

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	
1.1. Языковая игра: подходы к определению и основные характеристики.....	16
1.2. Классификация и функции языковой игры.....	28
1.3. Коммуникативные стратегии и тактики: понятие и классификация.....	35
1.4. Политический дискурс: понятие, функции и жанры.....	48
1.5. Особенности жанровой классификации политического дискурса.....	63
Выводы.....	71
Глава 2. ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В КОНФРОНТАЦИОННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ	
2.1. Фонетические средства репрезентации языковой игры	73
2.2. Реализация языковой игры средствами морфологического и словообразовательного уровней	82
2.3. Метафорические модели, реализующие интенции конфронтационного типа.....	94
2.4. Нарушение законов формальной логики как источник игрового эффекта.....	118
2.5. Приёмы речевой игры.....	135
Выводы.....	162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	165
ЛИТЕРАТУРА	173
СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ	205

ВВЕДЕНИЕ

Языковая игра как форма человеческой деятельности исследовалась в философии, педагогике, культурологии, психологии и других науках. Соответственно изучение языковой игры как сложного и многогранного явления в лингвистике велось в различных направлениях: философском, культурологическом, психологическом, собственно лингвистическом и др.

Языковая игра и в современной лингвистике рассматривается в качестве одного из самых значимых для различных дискурсивных практик объектов исследования: «весьма актуальным является определение юрислингвистического статуса текстов, ориентированных на комический эффект. Научная разработка этой проблемы сегодня находится на нулевом уровне и кажется настолько сложной, что исследователи предпочитают ее вообще не замечать» [Доронина 2002: 77-78]. Такое положение дел, к сожалению, сохраняется до сих пор. При этом языковая игра представляет собой один из самых сложных объектов исследования: «Игровое всегда связано с нарушением норм и потому с трудом поддается прямому анализу, исходящему из презумпций формальной логики и элементарной, жестко прописанной нормативности» [Голев 2005: 179-180].

Языковая игра активно используется в различных сферах коммуникации, в том числе в политике, массмедиа и др. По мнению С.И. Сметаниной, «вирус» игры проник сегодня «во многие информационные и аналитические материалы телевидения и печатных средств массовой информации» [Сметанина 2002: 177]. Это обусловлено, в том числе, тем, что «политика, как и поэзия, относится к регистру вымысла и игры, ибо в ней присутствуют признак ирреальности» [Маслова 2008: 46].

Средства массовой информации играют заметную роль в жизни общества и в формировании языка, отражают современные тенденции его развития: «СМИ дают поистине впечатляющую картину пользования языком, что вызывает противоречивые суждения и оценки происходящего.

Одни скрупулезно собирают грубые ошибки в речи, ориентируясь на традиционную литературную норму прошлого; другие – приветствуют и безоговорочно принимают «вербальную свободу», отбрасывая всякие ограничения в пользовании языком – вплоть до допустимости печатного использования в языке грубого просторечия, жаргонов и нецензурных слов и выражений» [Валгина 2001: 3].

В наше время все бóльшую важность приобретает один из жанров политического массмедийного дискурса – теледискуссия. Ведущий и её участники для достижения своих профессиональных и политических целей активно используют возможности языковой игры. Такая модель общения позволяет сформировать необходимое отношение к фактам, событиям и личностям, в конечном итоге – общественное сознание с изначально заданными параметрами.

При этом современная коммуникация становится всё более агрессивной. Речевая агрессия «оценивается общественным сознанием как менее опасная и разрушительная, чем агрессия физическая» [Михальская 1996: 159], поскольку она не содержит прямой угрозы. Однако, по справедливому замечанию А.К. Михальской, речевая агрессия – это первый шаг на пути агрессии физической, т.к. порождает агрессивную социальную среду [Михальская 1996: 160]. При этом «в современном обществе в целом и в средствах массовой информации, в частности, речевая агрессия сдерживается крайне слабо» [Чернышова 2000: 212].

Многие учёные-лингвисты отмечают ничем не оправданный рост уровня конфронтационности коммуникации, прежде всего, в публичной сфере, в том числе в политическом массмедийном дискурсе. По мнению заместителя директора института психологии РАН А.В. Юревича, «россияне стали конфликтнее, злее, наглее и во многом потеряли способность к самоконтролю» [Владыкина 2013: Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/12/10/portret.html>]. Это детерминировано, в первую очередь, тем, что публицистика всегда была связана с реализацией двух

функций – информационной и воздействующей, что обусловило активное задействование обоих каналов коммуникации – рационального и эмоционального. Однако в последние десятилетия акцент неуклонно смещается в сторону воздействующей функции, что и приводит к росту эмоциональности коммуникации, в том числе конфронтационного типа. При этом «именно в политическом медиадискурсе, который является особой частью медиадискурса, речевая агрессия, как правило, приобретает обдуманый и целенаправленный характер» [Лисюткина 2021: 4].

Кроме того, современный мир живёт в условиях информационной войны. В этой связи возрастает роль журналиста, который ретранслирует определенную идеологию. В моменты кризисов события интерпретируются на основе архетипических категорий «свой» – «чужой», которые формируют общественное сознание, а также национальный вариант толкования истории. По мнению Ю.М. Лотмана, культура вообще начинается с разделения мира на внутреннее («свое») и внешнее («чужое») пространства [Лотман 2004: 257].

Вполне естественно, что деструктивность коммуникации усиливается подбором соответствующих языковых ресурсов, которые изначально предрасположены к общению в условиях конфронтации. К таким ресурсам можно отнести языковую игру, характеризующуюся двойственной иллюкутивностью, в том числе конфронтационной: «игровая ситуация – весьма частотный источник острых межличностных конфликтов» [Голев 2005: 179]. Этому способствует и специфика некоторых сфер коммуникации. Так, политика всегда связана с острым противостоянием мнений, взглядов, идей, людей. Кроме того, жанр ток-шоу относится к агональным, т.е. состязательным, что также усиливает противостояние.

Таким образом, **актуальность настоящего исследования** обусловлена растущим уровнем речевой агрессии и необходимостью обеспечения информационной безопасности общества. Актуальным также представляется изучение языковых ресурсов, в том числе языковой игры,

как определённого типа речевого поведения, основанного на интенциональных нарушениях норм языка, лингвистическая природа которых обуславливает их эффективность в различных дискурсивных практиках подобного рода.

Степень разработанности темы. Изучение языковой игры в современной лингвистике имеет давние традиции. Активный этап её исследования в зарубежной лингвистике начинается с середины XX века, в отечественной – с 80-90 годов XX века. Языковая игра описывалась преимущественно на материале художественной литературы, фольклорного юмора, а в XXI веке эмпирическая база расширилась за счёт рекламных текстов и разговорной речи. Лишь в начале XXI века наблюдается интерес к функционированию языковой игры в современных дискурсивных практиках: в деловой прессе [Илтубаева 2016], в теледискурсе, точнее – в комедийном телесериале [Первак 2018] и некот. др. С.К. Лохова [2007] исследует языковую игру в аспекте компьютерного анализа политической метафоры, В.А. Маслова [2008] в своей статье обозначает актуальность проблемы, при этом рассматривает политический дискурс широко, отмечает единичные случаи языковой игры, преимущественно манипуляции с семантической стороной слова. Чуть позже Т.Р. Бочарова [2013] исследовала имя политика как объект языковой игры, Н.Е. Булгакова [2013] – словесные ярлыки в политическом дискурсе как средство языкового насилия, а Е.В. Бастун [2020] – некоторые формы непрямой коммуникации в политическом дискурсе на материале новостных и аналитических статей английского языка.

При этом сам политический дискурс активно и разноаспектно изучается в последние десятилетия: семантика, семиотика, прагматика, когнитивные аспекты, коммуникативные стратегии и тактики, убеждение, манипулирование, речевая агрессия, речевое насилие, ирония, жанровая специфика (к примеру, предвыборный дискурс, интервью), концептуальная метафора, афоризмы, актуализация имиджа политика и др. Стали

появляться исследования, посвящённые одному из наиболее популярных в последнее время жанров политического массмедийного дискурса – ток-шоу. К примеру, А.Ю. Кудрявцева [2017] посвятила свою работу изучению речевых реализаций стратегии доминирования в официальном полилоге на материале ток-шоу. В диссертации М.С. Ковериной [2015] исследуются языковые средства реализации различных коммуникативных стратегий и тактик на примере ток-шоу «Пусть говорят», в диссертации А.Ю. Салихова [2016] – лингвопрагматические особенности дискурса ток-шоу на материале русского и английского языков в сопоставительном аспекте. Анализу дискурса американского ток-шоу посвящены работы А.В. Капишниковой [1999] (лингвистические средства управления дискурсом на материале американских радиопередач ток-шоу) и Е.Г. Лариной [2004] (лингвопрагматические особенности американского дискурса ток-шоу).

Таким образом, языковая игра применительно к политическому ток-шоу до сих пор не рассматривалась учёными-лингвистами.

Объект исследования – языковая игра в системе конфронтационных стратегий и тактик политического медиадискурса.

Материалом для исследования послужил дискурс политического ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» (2018-2021 гг.). Общий объем эмпирического материала составил 42 выпуска программ общей продолжительностью 3420 минут.

Предмет исследования – функционирование языковой игры как источника конфронтационности в политическом медиадискурсе.

Цель работы – исследование роли языковой игры в современном политическом массмедийном дискурсе.

В соответствии с целью поставлены следующие **задачи исследования:**

1) выявить «игровые» ресурсы языка, активно используемые для реализации коммуникативных действий деструктивного типа в политическом медиадискурсе;

2) исследовать конфронтационный политический медиадискурс с точки зрения нарушения правил коммуникации (принципов кооперации и вежливости);

3) установить актуальные для данного типа дискурсивного пространства коммуникативные тактики и стратегии;

4) установить причины активного использования языковой игры в политическом массмедийном дискурсе, в том числе ток-шоу;

5) описать особенности функционирования языковой игры в политическом массмедийном дискурсе.

Методологической базой работы являются основные положения материалистической диалектики о соотношении языка и действительности, языка и мышления, языка и сознания, а также представления о языке как динамической, развивающейся системе.

Общенаучными предпосылками диссертации послужили теоретические исследования по дискурсу, в том числе политическому и массмедийному, А.Г. Алтуняна [1993, 1999], Н.Д. Арутюновой [1990], А.Н. Баранова [1990, 1991], А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [1994], Е.В. Бастун [2020], Н.Д. Бессарабовой [2012], Р.М. Блакар [1987], В.Г. Борботько [2009], Э.А. Бочаровой [2006], Т.А. Булыгиной и А.Д. Шмелева [1997], Н.В. Веселовой [2003], М.Н. Володиной [2003], О.И. Воробьевой [2011], О.В. Гайковой [2003], В.З. Демьянкова [2003, 2012], Е.С. Кара-Мурзы [2009], В.И. Карасика [2002], Е.И. Куманициной [2006], В.А. Масловой [2008], В.Ю. Меликяна [2016], В.Ю. Меликяна и В.В. Посиделовой [2016], Е.О. Менджеричкой [2006], О.Л. Михалевой [2004], А.А. Негрышева [2010], М.Р. Проскурякова [1999], Г.Я. Солганика [2003], Г.Г. Хазагерова [2002], А.П. Чудинова [2006], Е.И. Шейгал [2000] и других; коммуникативной лингвистике Е.Ю. Баженовой [2015], А.Н. Баранова и Б.П. Паршина [1986],

Ю.В. Вознесенской [2010], Д. Гордона и Дж. Лакоффа [1985], В.З. Демьянкова [1982], Г.А. Золотовой, Н.К. Онипенко, М.Ю Сидоровой [1998], О.С. Иссерс [2006], В.В. Красных [2001], И.А. Стернина [2012], Ю. Хабермаса [2002], А.Е. Ярославцевой [2007] и других.

Частнонаучная методология диссертационной работы основывается на лингвистических исследованиях по юридической лингвистике А.Н. Баранова [2013], И.В. Беляевой [2008], К.И. Бринева [2009], Н.Д. Голева [2005 а)], Г.В. Кусова [2012], О.Н. Матвеевой [2004], В.Ю. Меликяна [2019, 2020], Понятие чести... [2004], Е.В. Секретаревой и О.А. Чернущенко [2004], Цена слова... [2002], Т.В. Чернышовой [2002] и других; речевой агрессии, речевому воздействию и речевому конфликту Л. Берковиц [2002], О.Н. Быковой [1996], Т.А. Воронцовой [2006], С.В. Дорониной [2002], В.И. Жельвис [2004], А.В. Карякина [2010], В.Ю. Меликяна [2011, 2013, 2014, 2015], В.Ю. Меликяна и В.А. Трофимовой [2019], Л.М. Месропян [2014], Речевая агрессия... [1997], А.П. Сквородникова [1997], В.С. Третьяковой [2003], В.А. Трофимовой [2021], Б.Я. Шарифуллина [2004], Е.В. Шелестюк [2009], Ю.В. Щербининой [2004, 2008] и других; языковой игре, языковым аномалиям и эстетике языка Н.Д. Арутюновой [1987], А.И. Баранова [1994], М.М. Бахтина [1986, 1988], В.П. Белянина [1995], Н.Д. Бессарабовой [2015], Т.Р. Бочаровой [2013], Т.А. Букиевой [2000], Н.Д. Голева [2005 б)], Т.А. Гридиной [1996], К. Детеринга [1985], М.А. Естафьевой [2006], О.В. Журавлевой [2002], А.Г. Илтубаевой [2016], С.В. Ильясовой и Л.П. Амири [2009], Н.Е. Ковыляевой [2015], А.Ю. Кудрявцевой [2017], Ю.Н. Кучерявых [2019], С.К. Лохова [2007], Т.В. Первак [2018], Л.П. Раскоповой [2003], Г.Ф. Рахимкуловой [2004], В.З. Санникова [2002], О.П. Симутовой [2008], Н.Л. Уваровой [1986], Б.Я. Шарифуллина [2004], Т.И. Шатровой [2006], G. Grümer [1995] и других.

Методы исследования. В работе использовались описательный метод, метод компонентного анализа семантической структуры слова, логического, морфологического, словообразовательного, синтаксического,

стилистического и коммуникативного анализа, а также контекстуально-интерпретационный метод исследования медиадискурса. Значения единиц уточнялись по толковым, фразеологическим, синонимическим, антонимическим словарям, по словарям ненормативной лексики и другим лексикографическим источникам.

Положения, выносимые на защиту:

1. Для реализации коммуникативных интенций деструктивного типа в «игровом» дискурсе политического ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» используется ограниченный набор фонетических ресурсов языка, более широкий арсенал морфологического и словообразовательного уровней, а также очень разнообразный спектр лексико-семантических средств языка (обыгрывание как формы языковой единицы, так и её содержания).

Особенностью политического медиадискурса является регулярное нарушение законов формальной логики, позволяющее производить любые манипуляции с фактологическим материалом: чаще всего нарушается закон тождества, гораздо реже – законы достаточного основания и противоречия.

Активно используются и более сложные формы языковой игры – речевые приёмы: «анализ-«минус», отсрочки реализации коммуникативного смысла высказывания, создания «черно-белого» мира, сближения далёких или диаметрально противоположных понятий, актуализации пресуппозиций, гиперболизации, генерализации и некот. др.

2. В конфронтационном дискурсе политического ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» регулярно нарушаются различные правила коммуникации: чаще всего – постулаты качества (в связи с репрезентацией большого количества недостоверной информации) и максима одобрения (в связи с агональным характером ток-шоу). Предпочтение отдаётся переходу на личности как более эффективному инструменту коммуникативного противоборства. Остальные принципы кооперации и вежливости

нарушаются реже. Максимумы симпатии и скромности нерелевантны в исследуемом конфронтационном дискурсивном пространстве в силу его жанровой специфики.

3. Коммуникативное поведение участников исследуемого ток-шоу примерно на 70% связано с реализацией агрессивного речевого воздействия, направленного преимущественно на эмоциональное подавление оппонента, что обусловило доминирование коммуникативных тактик конфронтационного типа. Наибольшей агрессивностью отличается коммуникативное поведение самого ведущего ток-шоу. Коммуникативные тактики кооперационного типа встречаются крайне редко. При этом активно применяются метакоммуникативные тактики, призванные управлять острой политической дискуссией.

Данные тактики реализуют две основные коммуникативные стратегии: дискредитации (инструментальная) и формирования общественного мнения (содержательная). В результате превышения меры допустимого законами жанра политического ток-шоу агрессивного речевого воздействия вспомогательная коммуникативная стратегия дискредитации трансформируется в доминирующую.

4. Активное использование языковой игры в политическом массмедийном дискурсе, в том числе ток-шоу, обусловлено её спецификой, прежде всего, двойственной иллокутивностью. С одной стороны, языковая игра обладает высоким деструктивным потенциалом, с другой – в силу отнесённости к непрямым формам коммуникации способна замаскировать конфронтационные интенции адресанта и разрушительный характер применяемых ресурсов, придать речи игровой, несерьёзный, даже эстетический характер, снизить эмоциональное напряжение, придать коммуникации в целом «приличную» форму, соответствующую законам жанра общественно-политического ток-шоу.

Кроме того, следует отметить агональный (состязательный) характер жанра самого политического ток-шоу, природа которого уже изначально

предполагает дозированное использование агрессии по отношению к оппонентам и предмету речи, необходимость активного воздействия на реципиента и формирования заданного общественного мнения, а также устную форму коммуникации, острую тематику дискуссии, конфронтационность самой политической сферы, предполагающей острое противостояние политических идей и подходов, недоверие граждан к политической сфере в целом, а потому неэффективность инструментов коммуникативного убеждения.

Всё это и обуславливает чрезвычайную «популярность» языковой игры в различных конфронтационных (деструктивных) коммуникативных практиках. Симбиоз массмедийного политического дискурса и языковой игры представляет собой идеальное сочетание формата коммуникации (ток-шоу), коммуникативных стратегий и тактик, а также «тонкого» инструментария их реализации.

5. Языковая игра в дискурсе политического ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьёвым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым», несмотря на исходную позитивную заданность (формирование общественного мнения), в целом продуцирует высокий уровень речевой агрессии. В политическом ток-шоу доминирует установка на конфликт. Коммуникативное поведение участников ток-шоу, в первую очередь, самого ведущего В. Соловьёва, воспринимается реципиентом как превышение допустимого уровня речевой агрессии. В результате иллюкативная двойственность языковой игры нейтрализуется, актуальной остаётся лишь её деструктивная природа, а изначально непереходная агрессия ток-шоу трансформируется в переходную.

В. Соловьёв является участником конфликта в отличие от А. Малахова (ток-шоу «Пусть говорят»), который, по мнению М.С. Ковериной [2015], в основном провоцирует конфликтную ситуацию между участниками программы. В этом проявляется специфика исследуемой коммуникативной личности.

Лишь в исключительных случаях языковая игра используется в позитивном ключе – с целью нейтрализации деструктивных последствий коммуникативных действий оппонента. Это позволяет выделить еще одну функцию языковой игры наряду с инвективной (конфронтационной) и метаязыковой (эстетической – кооперационной) – нейтрализующую (конфронтационно-кооперационную). Нейтрализующая функция деструктивна по форме, но конструктивна по интенции, т.к. направлена на созидание в рамках острой политической дискуссии.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые языковая игра как определённый тип речевого поведения, основанный на интенциональном нарушении норм языка, исследована в аспекте конфронтационного потенциала через призму дискурса политического ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым»: выявлены «игровые» средства языка, а также типичные нарушения законов формальной логики и речевые приёмы, активно используемые в политическом ток-шоу для реализации деструктивных интенций; описаны правила коммуникации (принципы кооперации и вежливости), чаще всего подвергающиеся нарушению, а также те из них, которые нерелевантны в данном жанровом формате; установлено, что в коммуникативном плане доминируют коммуникативные тактики и стратегии конфронтационного типа, а также агрессивное речевое воздействие, направленное на эмоциональное подавление оппонента, что приводит к деформации стратегического аспекта коммуникации; выявлены причины активного использования языковой игры в различных конфронтационных коммуникативных практиках, а также наличие корреляции между её языковой природой, а также жанром политического ток-шоу; исследованы особенности функционирования языковой игры в политическом массмедийном дискурсе (нейтрализация иллюкативной двойственности, превышение допустимого уровня речевой агрессии, а также порождение переходной агрессии и др.).

Теоретическая ценность работы заключается в дальнейшем развитии теории языковой игры, расширении представлений о причинах её особой эффективности в коммуникации, а также активного использования в политическом массмедийном дискурсе; в систематизации средств деструктивного речевого воздействия; в развитии коммуникативной, функциональной, прагматической и юридической лингвистики, медиалингвистики, экологии языка, стилистики; в установлении междисциплинарных корреляций с политологией, социологией, психологией, этикой, правом и журналистикой; в дополнительном обосновании необходимости соблюдения в современной публичной коммуникации норм морали, этики и права, в том числе профессиональной этики журналиста.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования результатов исследования в практике лингвистической экспертизы по делам о защите чести и достоинства, при разработке специальных методик юрислингвистического исследования политического массмедийного дискурса, а также в практике преподавания дисциплин по юридической и коммуникативно-функциональной лингвистике, прагмалингвистике, медиалингвистике, экологии языка, стилистике и некот. др.; в разработке специальных курсов и семинаров по проблемам речевой коммуникации в массмедиа, а также медиабезопасности и медиаграмотности, специализированных учебных пособий для вузов и колледжей.

Апробация работы. Основные результаты исследования докладывались и обсуждались на II-ой международной научной конференции преподавателей, аспирантов, магистров, студентов вузов ЮРГТУ (г. Новочеркасск, 2013 г.), международной научно-методической конференции «Личность, речь и юридическая практика» (г. Ростов-на-Дону, 2015 г.), а также на международной научной конференции «Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы» в

Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва, 5-6 октября 2021 г.). По теме диссертации опубликовано 8 статей, 4 из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

1.1. Языковая игра: подходы к определению и основные характеристики

Термин «языковая игра» на сегодняшний день не получил исчерпывающего определения в науке.

Теоретическое изучение данного феномена в отечественной и зарубежной лингвистике имеет сравнительно недавнюю традицию. Активное его исследования начинается в 60-90-е годы XX века [см., например: Е.Ф. Болдарева 2002; В.Г. Гак 1998; И.А. Каргаполова 2007; Р.А. Киселёва 1970; Л.В. Кияшко 2010; С.А. Колесниченко 1985; Ю.О. Коновалова 2008; Н.Д. Миловская 2010; С.А. Мироненко 2006; С.Ж. Нухов 1997; В.А. Пищальникова 2002; Санников 2002; Е.П. Ходакова, 1974; Т.И. Шатрова 2006; В.И. Шаховский 2003; S. Attardo 2000; T. Augarde 1986; D. Christal 1998; S. Kierkutegaard 1966; E. Piirainen 1999 и др.].

Но, несмотря на большое количество исследований, посвященных данной проблеме, в отношении сущности термина «языковая игра» не выработано однозначного подхода.

Вопрос об игре как о форме человеческой деятельности рассматривался в различных науках: философии, культурологи, психологии, педагогике, лингвистике и др. Так, педагогику игра интересует в аспекте развития творческого потенциала человека (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Ж. Пиаже и др.). В психологии игра исследуется как характеристика поведения личности в различных ситуациях (Э. Берн, И.С. Кон и др.). В социологии игра определяется как модель отношений, существующих в реальности. По мнению Э. Митчелл и Б. Мейсон, вся жизнь современного человечества представляет собой командную игру,

«жизнь – игра, правила игры предоставляют людям свободу действий, только если они усвоили нормы, принятые в данном обществе» [цит. по Коновалова 2008: 26–28]. В философии игра определяется как условно-реальная действительность. Й. Хейзинга [2004] считает, что вся наша культура возникает и развивается в процессе игры и в виде игры, которая рассматривается как фундаментальный вид человеческой деятельности, который определяет развитие общества и отличает человека от животных.

Термин «языковая игра» появился в лингвистике благодаря Л. Витгенштейну: «Наш язык можно рассматривать как старинный город: лабиринты маленьких улочек, старых и новых домов, домов с пристройками разных эпох; и все это окружено множеством новых районов с прямыми улицами регулярной планировки и стандартными домами» [Витгенштейн 1994: 32]; «представить себе какой-нибудь язык – значит представить некоторую форму жизни» [Витгенштейн 1994: 37].

Л. Витгенштейн заложил основу для развития философского подхода к изучению языковой игры, которую он представлял как «язык и действия, с которыми он переплетен» [Витгенштейн 1994: 83], понимая под «действиями» паралингвистические средства. В рамках данного направления, к примеру, Й. Хейзинга, определяет игру как «добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а также сознанием «иного бытия», нежели «обыденная жизнь» [Хейзинга 2004: 112]. Й. Хейзинга также считал, что игра имеет большое значения для формирования языка, а также при интерпретации человеком окружающей действительности: «за каждым выражением абстрактного понятия прячется образ, метафора, а в каждой метафоре скрыта игра слов» [Хейзинга 2004: 8].

В рамках философского подхода языковая игра рассматривается как «практически исчерпывающая форма бытия языка в условиях отказа

культуры от жёстких дискурсов легитимации» [История философии 2002: 1344]. Всё человеческое искусство признавалось игрой [Гегель 1988: 433], в том числе поэзия [Эпштейн 1988: 286], а сам человек – всего лишь игрушкой [Эпштейн 1988: 278].

Языковая игра изучается также в рамках культурологического подхода. Ж.Ф. Лиотар утверждал, что ни одно высказывание не может быть неигровым: «говорить – значит бороться, в смысле играть... Постоянное изобретение фразеологизмов, слов и значений, которые на уровне речи служат фактором эволюции языка, доставляет большое наслаждение. Но, несомненно, это удовольствие не свободно от ощущения победы, вырванной, по крайней мере, у одного, но грозного соперника – общепринятого языка» [Лиотар 1998: 62].

В отечественном языкознании языковая игра как самостоятельный феномен стала изучаться сравнительно недавно. С.В. Ильясова указывает на тот факт, что определение феномена языковой игры отсутствует даже в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» и энциклопедии «Русский язык» [Ильясова 2002: 17].

Следует отметить, что сам термин «языковая игра» имеет самые разнообразные интерпретации: «игра слов» [Ефимов 1961: 86], «словесная игра» [Ходакова 1974: 41], «речевая игра» [Гридина 1996: 7], «нарочитое обыгрывание слов» [Мыркин 1998: 22] и некот. др.

В рамках лингвистического подхода языковая игра системно начала изучаться в начале 80-х годов 20 века. Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова считали, что языковую игру «можно рассматривать как реализацию поэтической функции языка» чаще всего «в виде установки на комический эффект» [Русская разговорная речь 1983: 172-173]. Языковая игра – это «те явления, когда говорящий играет с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более и менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения,

метафоры, перифразы и т.д.)» [Русская разговорная речь 1983: 172]. Таким образом, исследователи определяют языковую игру как творческое использование языковых ресурсов, обуславливающее реализацию эстетического воздействия на реципиента: «Острота обходит ограничения и открывает ставшие недоступными источники удовольствия» [Фрейд 1998: 103]. Данный подход восходит к толкованию языковой игры Ф. де Соссюром, который видел в ней лишь развлечение.

Следует отметить, что о поэтической функции языковой игры, рассматриваемой на материале художественного текста, упоминал и Ю.М. Лотман: «Игровой принцип становится основой семантической организации. Восприятие (и создание) произведения искусства требует особого – художественного – поведения, которое имеет ряд черт общности с игровым...» [Лотман 2005: 394]. «Эта общность заключается в осознании того, что любой элемент текста художественного произведения обладает не одним, а несколькими значениями. Эти значения не существуют неподвижно, а «мерцают», создавая особый «игровой эффект», основанный на накоплении каждым элементом текста памяти о предшествующих и осознании возможного существования будущих значений» [Лотман 1998: 77].

Многие исследователи понимают данный феномен максимально широко. Так, В.З. Санников отмечал, что под него попадает вся художественная литература, так как «нет автора, который не стремился бы к большей языковой выразительности» [Санников 2002: 15].

В таком же ключе трактует языковую игру Г.Ф. Рахимкулова: языковая игра – «совокупность игровых манипуляций с языком – его лексическими, грамматическими и фонетическими ресурсами, целью которых является получение «квалифицированными (посвященными) читателем-эрудитом эстетического удовлетворения от построенного на игровых взаимоотношениях с ним текстом» [Рахимкулова 2004: 52].

Широкого подхода к определению феномена языковая игра придерживается также С.Ж. Нухов. Он определяет данный феномен как «взаимодействие согласно чётко определённым правилам, при котором «делается ставка», которую обе стороны стремятся выиграть» [Нухов 1997: 33]. Такое толкование языковой игры сближает её с другими видами игр и предполагает наличие следующих признаков: 1) необходимо наличие двух игроков, чтобы игра состоялась; 2) любой посторонний человек, услышав языковую игру, может получить предложение поучаствовать в ней; 3) что-то обязательно должно «разыгрываться» и оба игрока стремятся одержать верх; 4) игрока в любой игре отличает индивидуальный стиль и умение изменить его в зависимости от ситуации; 5) правила игры, по которым она происходит, игроки усваивают бессознательно благодаря самому факту принадлежности к определённому языковому коллективу [Нухов 1997: 33-34].

Б.Ю. Норман определяет языковую игру как «использование языка для достижения надъязыкового, эстетического, художественного (чаще всего – комического) эффекта» [Норманн 1994: 79] и относит к ней следующие явления: парадокс, каламбур, аллюзию, метафорический перенос, намеренное обыгрывание словообразовательных элементов, искажение орфографии и произношения и другое.

При узком толковании феномена языковой игры данное явление трактуется как «творческое, свободное отношение к форме речи, неканоническое употребление языка, позволяющее говорящему реализовать способности к языковому творчеству и выделить себя как языковую личность из ряда других говорящих личностей: языковая игра – деканонизированная форма употребления и порождения языковых единиц» [Гридина 1996: 9; см. также: Коновалова 2008: 115].

Другой точки зрения придерживается В.З. Санников, сближая понятия «языковая игра» и «языковая шутка», целью которых является создание комического эффекта [Санников 2002:14-15]. При этом он считает, что

термин «языковая игра» более точно отражает суть данного феномена, чем термин «речевая игра», т.к. языковая игра «основана на знании системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц» [Санников 2001: 15].

В русистике существует еще один подход, обозначенный в работах Л.В. Щербы, в соответствии с которым языковую игру рассматривают как интенциональное нарушение нормы, аномалию. В качестве аномалии языковую игру квалифицируют Т.А. Булыгина и А.Д. Шмелев: аномальными являются те феномены, которые «нарушают какие-либо интуитивно ощущаемые закономерности» [Булыгина, Шмелев 1997: 437]; «простейший случай нарушения языковых правил такого рода – это языковая игра» [Булыгина, Шмелев 1997: 447].

К. Детеринг при определении языковой игры отталкивается от понятия языковой нормы и на основании этого выделяет три вида высказываний: высказывания, отвечающие норме языка; высказывания, содержащие преднамеренные отклонения от нормы; высказывания с ошибками. Исследователь приходит к выводу, что явления языковой игры составляют сознательные отклонения от нормы, однако они не являются ошибками [Детеринг 1985: 31].

Н.Д. Арутюнова несколько расширяет данный подход и считает, что языковую игру как отклонение от семантических и прагматических правил целесообразно рассматривать, во-первых, на фоне языковых стереотипов, во-вторых, в противопоставлении нормы и антинормы в языке [Арутюнова 1987: 35].

Данного подхода придерживается и Н.В. Данилевская, которая определяет языковую игру как «определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и

способность вызывать у слушателя / читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [Данилевская 2003: 657].

В.З. Санников также отмечает нарочитость некоторого нарушения нормы при создании языковой игры. Он дает следующее определение данному феномену – «некоторая языковая неправильность (или необычность) и, что очень важно, неправильность, осознаваемая говорящим (или пишущим) и намеренно допускаемая. При этом читающий также должен понимать, что это «нарочно так сказано», иначе он оценит соответствующее выражение просто как неправильность или неточность» [Санников 2002: 23].

Э. Пиирайнен трактует языковую игру креативную метаязыковую деятельность и обращает внимание на некоторые её особенности: результатом этой деятельности являются окказиональные образования, а потому требуют особых контекстуальных условий декодирования [Piirainen 1999: 264].

В.И. Шаховский же считает, что языковая игра, отклоняясь от определенных правил, всё же остаётся в пределах нормы, что и обуславливает её эффективность [Шаховский 2003: 4]: «На настоящий момент совершенно ясно, что языковая игра не является злокачественным нарушением языковых и речевых норм. Она – результат их оригинального, нестандартного варьирования на базе креативной компетенции коммуникантов в определенном эмотивном дискурсе» [Шаховский 2008: 367]. В.И. Шаховский рассматривает языковую игру с позиции социолингвистики и определяет данный феномен, в том числе, как социальный инструмент, вполне пригодный для борьбы за власть.

С нашей точки зрения граница между сознательным нарушением нормы и ошибкой едва различима. Во-первых, очень часто языковая игра возникает в процессе коммуникации случайно, только потом она начинает восприниматься как продуцентом, так и реципиентом в качестве языковой игры. Во-вторых, участники коммуникации зачастую не обладают точной

информацией о случайности или преднамеренности отклонения от нормы. Можно сказать, что в процессе коммуникации отсутствует возможность разделения сознательно создаваемой языковой игры и неосознанной ошибки.

Данной точки зрения также придерживается С.В. Ильясова, которая отмечает, что исследователи давно пришли к пониманию того, что граница между ошибкой и игрой часто едва различима и относится к области интуиции [Ильясова 2002: 21].

Языковая игра также рассматривается в литературоведческом аспекте как стилистическое средство, выполняющее риторическую функцию (Г.Ф. Рахимкулова, Г.Г. Хазагеров и др.), а также в когнитивном аспекте как механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации (Н.Д. Арутюнова, С. Аттардо, А.Н. Баранов, В.И. Карасик, М. Минский и др.).

Л.В. Лисоченко отмечает три категориальных признака языковой игры: «1) языковая игра как преднамеренное (утрированное) использование средств языковой системы; 2) языковая игра как осознанное нарушение языковой нормы (Л.В. Щерба, И.Н. Горелов, К.Ф. Седов и др.); 3) языковая игра как включение в речь так называемых прецедентных текстов, то есть использование текстовых реминисценций (аллюзий) (Ю.Н. Караулов, В.И. Супрун, Е.А. Земская, Т.А. Гридина и др.)» [Лисоченко 2000: 130-131].

Существует подход, при котором ученые отождествляют понятия языковая игра, игра слов и каламбур, например: «Игра слов – острота или шутка, основанная на однозначности или двусмысленности речений» [Даль 1982, т. 2: 3]; «Игра слов, то же, что каламбур... фигура речи, состоящая в юмористическом (пародийном) использовании разных значений одного и того же слова или двух сходно звучащих слов» [Ахманова 2005: 165].

Однако А.И. Лазарев считает, что каламбур можно назвать игрой слов, но не всякую игру можно назвать каламбуром [Лазарев 1995: 11]. Полисемантический каламбур выделяется как отдельный вид игры слов и

О.Ю. Коноваловой. Под ним понимается речевая деятельность, «возникающая вследствие использования в одном контексте двух или более значений одного и того же слова» [Коновалова 2001: 50].

При этом многие исследователи подчеркивают нетождественность этих понятий. Так, С.К. Лохова под каламбуром понимает «фигуру речи, содержащую нарочитую двусмысленность (нарочитое несоответствие плана выражения и плана содержания), которая возникает благодаря соединению в одном контексте двух или более значений одного и того же слова или использованию сходства в звучании различных слов, приводящих к игре значений и звучаний слов с различными стилистическими целями, чаще всего с целью создания комического эффекта» [Лохова 2007: 17].

Исследователь указывает на основное различие между игрой словом и каламбуром, заключающееся в том, что каламбур создается с помощью разных речевых средств (многозначность, омонимия, фразеология) или возникающих в результате индивидуального парирования каких-либо слов (игра созвучий), игра же слов может реализоваться на разных лингвистических уровнях. Исследователь выделяет также метафору как один из видов игры слов, так как именно она обладает наибольшей экспрессией, выполняет эвристическую и аргументативную функцию и служит средством осмысления, в том числе, политической реальности и средством убеждения аудитории [Лохова 2007: 17].

На различении игры слов и каламбура настаивал и З. Фрейд. Он считал, что каламбур является «низшей разновидностью остроумия, потому что... создается достаточно легко. И, действительно, они предъявляют минимум требований к технике выражения, в то время как настоящая игра слов предъявляет максимум требований» [Фрейд 1998: 217].

Как известно, языковая игра характеризуется двойственной иллюкутивностью. С одной стороны, она направлена на кооперативное, фатическое общение и получение эстетического эффекта от манипуляций с языковыми ресурсами: «Наличие табу и возможность выйти за

табуистические рамки – мощный стимул для игрового отношения к нему, ибо игра всегда предполагает некую оппозицию нормативности, ее разрушение и создание на этой основе второго (эстетико-игрового) плана содержания» [Голев 2005: 186]. С другой – выступает в качестве грозного оружия, способного нанести серьезный урон оппоненту: «игровая парадигма как яркий полюс не прямой коммуникации представляет собой обширный полигон для теоретической и практической инвективологии» [Голев 2005: 181].

В юридической лингвистике активно исследуется именно вторая, конфронтационная (деструктивная) функция языковой игры. При этом «вопрос о степени инвективности шуток сводится к обнаружению условий, при которых «нейтрализуется» второй иллокутивный компонент высказывания, условий, при которых остроумие не в счет, поскольку в этих ситуациях просто нельзя шутить» [Доронина 2002: 81]. К таким условиям С.В. Доронина относит различные дискурсивные факторы: «при определении инвектогенности насмешки основную роль играют тема речи и условия коммуникативного акта. Учет этих речевых факторов дает возможность оценить шуточный тон высказывания как допустимый («приличный») или недопустимый («неприличный»)» [Доронина 2002: 83]. В последствии исследователь расширяет данный список: «... степень инвективности высказывания зависит и от других речевых характеристик: например, референтной определенности / неопределенности, пресуппозитивного фона, специфики гиперконтекста (тип печатного издания, в котором опубликована статья), стиля и жанра, к которому отнесен данный текст, характера социального взаимодействия коммуникантов и т.п. Исчерпывающий список характеристик, влияющих на степень инвективности текста, еще предстоит составить» [Доронина 2005: 24].

Прокомментируем термин «непрямая коммуникация». Деление типов речевых актов на прямые и не прямые основывается на способе

репрезентации коммуникативного смысла и авторской интенции [Серль 1999: 231]. «Термин «непрямая коммуникация» включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата, будучи несводимо к простому узнаванию (идентификации) знака» [Дементьев 2006: 5]. «Отсутствие точности и однозначности языкового знака как в тексте, так и в системе, непредсказуемость результирующего смысла высказывания» [Дементьев 2006: 5] обуславливают дополнительные трудности при интерпретации актуального смысла не прямой коммуникации.

К не прямой коммуникации относят различные формы её проявления: «1) не прямая коммуникация как способ передачи имплицитного содержания: эллиптические и неполные предложения, пресуппозиции, подтекст; 2) не прямая коммуникация как способ этикетизации речи: косвенные речевые акты, эвфемизмы; 3) не прямая коммуникация как способ косвенной речевой агрессии: ирония; 4) не прямая коммуникация как способ создания выразительности речи: образные средства, языковая игра» [Верещагина, Булатова 2014: 20]. Как отмечает Е.И. Шейгал, не прямые формы коммуникации коррелируют со спецификой политического дискурса, т.к. «в политическом дискурсе происходит конфликт двух тенденций – к понятийной точности, с одной стороны, и к смысловой неопределенности – с другой» [Шейгал 2000: 68].

В связи с активным использованием в современной юридической лингвистике термина «деструктивное общение» дадим его определение: «Деструктивное общение представляет собой тип эмоционального общения, направленного на сознательное и преднамеренное причинение собеседнику морального и / или физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы и / или сознанием собственной правоты. Стремление личности возвыситься за счет унижения / морального уничтожения собеседника составляет интенциональную базу деструктивного общения, что предопределяет основные пути его

реализации» [Волкова 2014: 12]. Данный тип коммуникации обусловлен существованием специфической функции языка: «... мы используем наш язык не только как средство передачи некоторой информации, но и как орудие (или оружие?), направленное против нашего собеседника (друга, врага, соседа, супруга или супруги, начальника, подчиненного и пр.)» [Шарифуллин 2005: 117].

Деструктивное общение реализуется, в том числе, при помощи вербальной / речевой агрессии. Ранее исследование вербальной агрессии (*fighting words*) в большей степени осуществлялось в зарубежном языкознании [Infante & Wigley, 1986; Leets & Giles, 1997; Nowak, Rotunda and Young, 1986; Saad 1991; Sedler, 1992]. Так, по мнению американских ученых-юристов (узкое толкование), вербальная агрессия связана, в первую очередь, с провокацией у слушающего немедленной отрицательной реакции [Nowak, Rotunda, Young 1986]. При лингвистической интерпретации (широкое толкование) вербальная агрессия – это любая враждебная по отношению к партнеру речь (*hate speech*), наносящая ущерб [Saad 1991].

Таким образом, в современной лингвистике существуют различные подходы к исследованию языковой игры: философский, культурологический, стилистический, социолингвистический, когнитивный, литературоведческий, юрислингвистический и некоторые другие.

Отметим, что существование такого большого количества различных подходов к исследованию языковой игры повлекло за собой отсутствие её единого определения.

В настоящей работе под языковой игрой мы будем понимать интенциональную, творческую, оригинальную, неканоническую (нарушающую нормы языка) форму порождения и употребления языковых единиц, основанную на знании системы единиц языка, норм использования и способов творческой интерпретации этих единиц, для достижения эстетического, чаще всего комического эффекта. К видам проявления

языковой игры можно отнести незатейливую шутку, каламбур, парадокс, аллюзию, разные виды тропов (сравнение, метафора, перифраз и т.д.), намеренное обыгрывание словообразовательных элементов, искажение орфографии и произношения и другое.

При этом, на наш взгляд, некорректно определять языковую игру как речевую деятельность или тип речевого поведения, т.к. эти феномены гораздо шире понятия языковая игра. В каком-то смысле можно сказать, что между ними гиперо-гипонимические отношения. Использование термина игра слов также неправомерно, т.к. к языковой игре имеют отношение самые разнообразные языковые факты, в том числе, морфологические, синтаксические и другие.

Таким образом, языковая игра – это нетривиальное явление речи. Языковая игра относится к вторичным формам коммуникации. С одной стороны, она позволяет выразить мысль более ярко, точно, лаконично, представить адресанта в более выгодном свете, оказать на адресата более мощное интеллектуально-эмоциональное воздействие. С другой – декодирование сообщения, построенного на языковой игре, представляет собой сложную задачу, в том числе с точки зрения установления конфронтационных интенций говорящего.

1.2. Классификация и функции языковой игры

В современной лингвистике учеными еще не разработана всесторонняя классификация видов языковой игры, которая бы включала все основные способы и приемы её порождения и реализации. Как правило, в работах рассматриваются отдельные способы порождения и формы языковой игры, например, каламбуры, окказионализмы и метафоры [Щербинина 2008; Санников 2002; Нухов 1997; Ходакова 1969].

Одна из таких классификаций принадлежит О.Ю. Коноваловой [Коновалова 2001: 114], которая предприняла попытку разработки всеобъемлющей классификации видов языковой игры на материале современного английского языка. В основу классификации были положены два параметра: способы создания игры слов и структурные уровни языка. Исследователь считает, что языковая игра – это широкое понятие, которое включает в себя игру слов как разновидность языковой игры и выделяют два вида игры слов: каламбур и полисемантический каламбур.

Под игрой слов исследователь понимает «намеренное или невольное употребление слова (слов) в определенном контексте, который лишает однозначности интерпретацию значения этого слова (слов), что придает двусмысленность речевому выражению и может привести к созданию различных художественных эффектов» [Коновалова 2001: 42].

Игра слов является разновидностью языковой игры и обладает двумя свойствами: самонаправленностью (мотив игры заключается в самом процессе игры) и двуплановостью (в сознании играющего присутствует как реальная ситуация, так и вымышленная) [Коновалова 2001: 42]. Кроме того, игра слов чаще всего является средством создания комического эффекта.

Еще одним видом языковой игры, на который указывает О.Ю. Коновалова, является каламбур, который понимается в широком смысле как «фигура речи, включающая намеренную или ненамеренную двусмысленность в речи, которая возникает благодаря обыгрыванию двух различных по значению слов-омонимов» [Коновалова 2001: 49].

С.В. Савельев предлагает свою классификацию типов языковой игры на основании двух критериев: 1) по признаку намеренности / ненамеренности; 2) в соответствии с уровнем языка.

По первому признаку он изучает случаи ошибок (оговорки), приводящие к языковой игре. Ученый отмечает, что оговорки в качестве объекта научного исследования, впервые были рассмотрены З. Фрейдом в работе о связи речевых ошибок с подсознательным и связи этих ошибок с

либидо говорящих [Фрейд 1998: 79]. Стоит отметить, что описки, опечатки и оговорки обычно считаются смешными, но смех реципиентов обычно направлен на того, кто сделал оговорку, нежели на искажение слова, которое является смешным само по себе. В качестве одного из типов оговорки выделяется метатезы, которые часто имитируются в намеренной языковой игре [Савельев 2009: 76].

Малапропизмы относятся к типу ненамеренных ошибок. Данное языковое явление представляет собой использование в речи слов, похожих по звуковой форме, пример – выступление Дж. Буша, когда он перепутал названия международных организаций и вместо ОПЕС [‘eurek] сказал АРЕС [‘eiprek] [Савельев 2009: 86].

По признаку отнесения языковой игры к различным уровням языка С.В. Савельев анализирует ее на фонетическом и фонологическом уровне, морфологическом, лексическом, фразеологическом, синтаксическом уровнях, на уровне стилистики и структуры текста, на графическом уровне.

Представляется не совсем правильным отнесение оговорок и метатез к типу намеренных ошибок. Сам С.В. Савельев отмечал, что оговорки случаются в устной речи, которая вряд ли может быть подготовленной, а значит говорящий, скорей всего, не продумывает свою оговорку. Безусловно, бывают случаи, когда автор намеренно допускает ошибку, но такие случаи не являются частыми. Что касается метатез, то С.В. Савельев отмечает, что они часто встречаются на телевидении, где журналисты вынуждены работать в прямом эфире, то есть в режиме реального времени, и их речь очень часто является неподготовленной. Так, приводится пример метатезы, произошедшей в прямом эфире в речи корреспондента BBC TV: «In front of the guards we can see the Royal ArseHortillery» вместо «In front of the guards we can see the Royal Horse Artillery» [Савельев 2009: 86]. Данный пример нельзя отнести к намеренному типу языковой игры, и, таким образом, классификация, предложенная С.В. Савельевым, по нашему мнению, не является полной.

Исследование С.Ж. Нухова посвящено разработке классификации языковой игры на словообразовательном уровне. Классификация построена на выделении способов и приемов образования существительных в сфере художественной прозы, поэзии, газетной и журнальной публицистики [Нухов 1997].

Рассмотрение видов языковой игры по критерию структурного уровня языка восходит к подходу, разработанному Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1987], которая исследовала данный феномен на лексическом, морфологическом, словообразовательном и других уровнях языка.

Е.Ф. Болдарева [Болдарева 2002: 83] предлагает классификацию, в основу которой положены другие три критерия:

1. С интенциональной точки зрения языковую игру можно разделить на спонтанную и преднамеренную. Первый тип характерен для речевой деятельности, это обусловлено нехваткой времени для продумывания высказывания. Второй тип языковой игры часто встречается в средствах массовой коммуникации, рекламе, художественных и юмористических текстах.

2. По признаку авторства языковую игру можно разделить на первичную и вторичную. Под первичной понимается индивидуально-авторская языковая игра, под вторичной – основанная на повторяемости (транслируемости), использования шаблонов.

3. По характеру использования языковой игры её можно разделить на несостязательную и состязательную. Состязательный характер языковой игры наиболее ярко проявляется в словесной дуэли, наиболее присущей ранней философии. Исследователь подчеркивает тесную связь между философией и языковой игрой – представление философии как языковой игры выводит исследуемое понятие на совершенно иной уровень, при котором языковая игра перестает быть стилистическим средством, а становится сутью, способом бытия философии.

Т.А. Гридина предпринимает попытку классифицировать приемы языковой игры на основе семантического признака и делит их на три группы: 1) лингвистические приемы создания игрового парадокса (отступление орфоэпических, акцентологических и других норм кодифицированного литературного языка и вариативность норм); 2) механизмы игры с использованием смысловозначительного потенциала звуковой формы слова; 3) морфо-derivационные и семантические модели (образование окказионализмов разных типов, преобразование и варьирование содержательной структуры слова [Гридина 1996: 81-199]).

А.Ю. Шашурина кладет в основу своей классификации способ создания языковой игры и выделяет три её вида, которые в процессе коммуникации активно взаимодействуют: 1) формальные (визуальные) 2) контекстные 3) метатекстовые способы [Шашурина 1988: 22].

Таким образом, классификация видов языковой игры чаще всего опирается на факт принадлежности того или иного средства её порождения к определённому языковому уровню: фонетическому (фонетическая, фонологическая, графическая, орфоэпическая, акцентологическая), морфологическому, словообразовательному, лексическому, фразеологическому, синтаксическому (в том числе структура текста). Данный подход можно назвать собственно языковым. Ему противопоставляется речевой или коммуникативно-функциональный подход. В соответствии с последним к классификации видов языковой игры применяют такие критерии, как соответствия / несоответствия норме (коммуникативной, функциональной, прагматической, стилистической и др.), способы (формальные, контекстные, метатекстовые и др.) и приемы образования языковых единиц, намеренность / ненамеренность отклонения от нормы, спонтанность (неподготовленность) / преднамеренность (подготовленность) отклонения от нормы, тип асимметрии языкового знака (омонимия, полисемия, синонимия и др.), несостязательность /

состязательность, первичность (оппортунизм) / вторичность (шаблонные) и некоторые другие.

В современной лингвистической науке существуют разные подходы к пониманию основной функции языковой игры. Так, В.З. Санников понимает языковую игру, как вид «непродуктивной игры, мотив которой заключается не в ее результатах, а в самом процессе» [Санников 2002: 3]. При таком подходе ведущей функцией данного феномена является эстетическая (поэтическая) функция [Земская 1983], развлекательная [Санников 2002]. И.Н. Качалова отмечает, что все эти варианты номинаций вносят определенные оттенки в понимание данной функции, принципиально не затрагивая сути явления [Качалова 2010: 42].

Е.А. Рыбакова говорит о том, что основная задача языковой игры – «привлечь внимание реципиента, ошеломить его, создавая неожиданные слова и выражения» [Рыбакова 2015: 40]. На наш взгляд, данная функция играет вспомогательную роль.

Е.А. Земская рассматривает языковую игру как особый вид комического в разговорной речи; она служит для создания шуточного настроения или иронического отношения (эмотивная функция языка), а также «смягчения» речи: «она устраняет серьезность тона, ослабляя тем самым содержание сообщения» [Земская 1983: 173-174]. Это обусловлено тем, что важными характеристиками языковой игры являются образность и выразительность, служащие источниками словесных уловок, которые расставляют ловушки и сети из слогов и слов и служат более точной передачи мысли, эмоционального отношения к предмету речи и т.п. [Симутова 2008: 38].

Еще одной важной прагматической функцией языковой игры, по мнению В.З. Санникова, является маскировочная функция, которая «касается не содержания описываемого, а отношений между говорящим и адресатом (адресатами), принятых ими соглашений: языковая шутка

позволяет обойти цензуру культуры» [Санников 2002: 27]. Данная функция позволяет эффективно преодолевать разнообразные табу.

Творческий, оригинальный, неканонический характер языковой игры детерминирует выполнение ею и эвристической функции и указывает на то, что «рассмотрение конкретных прагматических функций языковой игры (фатической, экспрессивной, метаязыковой, релаксационной и т.п.) является перспективой научных исследований» [Гридина 1996: 457].

В целом феномен языковой игры является мощным оценочным механизмом, который способен управлять общественным сознанием [Клушина 2003: 287]. Данной точки зрения придерживается большинство учёных. Оценочная функция является основополагающей и в политическом дискурсе, так как при помощи языковой игры политик, как правило, выражает свое отношение к объекту речи.

Таким образом, языковая игра выполняет очень широкий спектр функций. Главной и первичной функцией языковой игры является эстетическая функция (эмотивная, поэтическая, экспрессивная). Все остальные являются вспомогательными и вторичными: эвристическая (творческая, креативная), изобразительная (более точной передачи мысли, отношения и т.п.), эпатажная, развлекательная или релаксационная, фатическая, аттрактивная (привлечения внимания), корректирующая (создания шуточного настроения или иронического отношения), манипулятивная (управления общественным сознанием), эвфемистическая (смягчения речи, ослабления коммуникативного напряжения), маскировочная или криптолалическая (вуалирования нарушений норм этики и права, «подсудного» предмета речи) и метаязыковая.

1.3. Коммуникативные стратегии и тактики, их классификация

Термины «стратегия» и «тактика» являются междисциплинарными, а потому по-разному определяются, в том числе, в лингвистической науке.

Изучением коммуникативных стратегий и тактик занимались многие учёные: И.И. Гулакова [2004], В.З. Демьянков [1982], Ю.М. Иванова [2003], О.С. Иссерс [2008], Е.В. Ключев [2002], В.О. Мулькеева [2005], А.Л. Факторович [2000], М.И. Чуриков [2005], Т. ван Дейк [1989], J. Wood [1998] и др.

С точки зрения прагмалингвистического подхода под стратегией понимается общий план ведения диалога, схема речевых действий, детерминирующие выбор языковых средств и способов репрезентации коммуникативного смысла, направленных на достижение определённых коммуникативных целей. И.В. Труфанова определяет коммуникативную стратегию как «совокупность речевых действий» [Труфанова 2001: 58]. Применение говорящим определенной коммуникативной стратегии необходимо для реализации речевого воздействия на реципиента, результатом которого должна стать корректировка его когнитивной и / или эмоциональной сферы [Сухих, Зеленская 1998: 42]. А.П. Сковородников даёт более полное определение: «Речевая стратегия – это общий план, или «вектор», речевого поведения, выражающийся в выборе системы продуманных говорящим / пишущим поэтапных речевых действий; линия речевого поведения, принятая на основе осознания речевой ситуации в целом и направленная на достижение конечной речевой цели (целей) в процессе речевого общения» [Сковородников 2004: 6].

С точки зрения когнитивного подхода в любом речевом акте коммуниканты преследуют определенные неречевые цели, которые в итоге окажут влияние на деятельность и сознание реципиента. В данном аспекте коммуникативную стратегию определяют как совокупность процедур над моделями мира участников общения [Баранов 1990 б): 11], «комплекс

речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей» [Иссерс 1999 а): 54], когнитивный план общения, с помощью которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач [Иссерс 1999 а): 100], специфический способ речевого поведения, осуществляемый под контролем «глобального намерения» [Дейк 1989: 2].

Коммуникативные стратегии также исследуются в психолингвистике, где под данным термином понимается «способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуниканта [Борисова 1999: 85].

Можно также отметить текстовый подход к определению понятия коммуникативная стратегия, в рамках которого она определяется как «содержательный элемент текста», «своеобразный текст в тексте» [Методология... 2001: 199-200]. При данном понимании делается особый акцент на исследовании текстуальных характеристик коммуникативной стратегии в двух аспектах: с точки зрения её внешнего (невербального) и внутреннего содержания» [Методология... 2001: 199-200].

При риторическом подходе коммуникативная стратегия понимается как «творческая реализация коммуникантом плана построения своего речевого поведения» [Теория и практика риторики... 1989: 32]. Здесь делается акцент на наличие некоторого плана речи, реализуемого в процессе построения высказывания.

Ключевыми свойствами коммуникативной стратегии являются целенаправленность и упорядоченность: «стратегия есть ментальный план достижения некой цели и его реализация» [Иванова 2003: 17]. Данный ментальный план не является статичным и его нельзя определить заранее. Он создается и корректируется именно в процессе своей реализации [Иванова 2003: 17].

По мнению Х. Хаверкейта, в основе коммуникативной стратегии лежит выбор [Haverkate 1984: 43]. В рамках данного толкования коммуникативной стратегии А.К. Михальская выделяет две главные

коммуникативные тенденции: к сближению и к индивидуальности [Михальская 1998: 317].

Ю.М. Иванова рассматривает понятие коммуникативной стратегии исключительно в связи с понятием конфликта: «ситуация, когда говорящий в дискурсе реализует некоторые коммуникативные (речевые) стратегии для достижения целей, связанных с воздействием на аудиторию, соотносится... с ситуацией конфликта в войне и агональной игре» [Иванова 2003: 27]. Она выделяет три условия, способствующие успешной коммуникации: 1) наличие конфликта; 2) игровой путь его разрешения; 3) применения речевого воздействия для разрешения конфликта [Иванова 2003: 26]. Автор также считает, что сущность стратегического поведения говорящего состоит в акте выбора, осуществляемого им на основе выбора различных критериев и дает следующее определение коммуникативной стратегии: «способ поведения человека в условиях конфликта целей, который делает невозможным их непосредственное достижение, ... стратегия определяет серию действий, которые направлены на достижение стратегом своих целей» [Иванова 2003: 29].

Основными параметрами коммуникативных стратегий являются прогнозирование, контроль и гибкость [Мулькеева 2005: 58]. При прогнозировании говорящему необходимо учитывать взаимосвязь между его будущими речевыми действиями и ситуацией; «до совершения коммуникативного акта он располагает тремя видами данных: информацией о предстоящем событии, информацией о когнитивных пресуппозициях (убеждения, мнения, установки, мотивы, цели) и информацией о ситуации или контексте (ролях, обстановке)» [Мулькеева 2005: 58].

С понятием коммуникативная стратегия тесно связано понятие коммуникативная тактика. Е.В. Клюев определяет коммуникативную стратегию как «совокупность запланированных заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели», а тактику – «совокупность

практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» [Клюев 2002: 254]. Более подробно характеризует коммуникативную тактику А.П. Сковородников: коммуникативная тактика – «это конкретный речевой ход (шаг, поворот, этап) в процессе осуществления речевой стратегии; речевое действие (речевой акт или совокупность нескольких речевых актов), соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа» [Сковородников: 2004: 6].

О.С. Иссерс рассматривает коммуникативную стратегию как совокупность речевых действий, нацеленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего, а коммуникативную тактику – как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [Иссерс 1999 а): 143]. Автор подчёркивает, что ключевой задачей изучения коммуникативных стратегий является систематизация набора типовых тактик, которые реализуют конкретную коммуникативную стратегию, именно коммуникативные тактики являются «практическим инструментом говорящего» [Иссерс 1999 а): 144].

И.Н. Борисова обращает внимание на необходимость наличия у коммуникантов соответствующих речевых компетенций. В этой связи она определяет коммуникативную тактику как динамическое использование коммуникантами речевых умений для построения диалога в рамках той или иной коммуникативной стратегии [Борисова 1998: 87].

В аспекте теории речевых актов Джона Л. Остина (1962) и Джона Р. Серля (1969, 1975 и др.) рассматривает коммуникативные стратегии и тактики И.И. Гулакова. В центре ее теории находится изучение многоплановых коммуникативных действия, отражающих определённые коммуникативные цели и направленные на достижение определённой коммуникативной перспективы: коммуникативная стратегия – это «особый коммуникативный план поведения коммуникантов (их речевые и неречевые действия), который предполагает определённые коммуникативные цели (на

фоне определенных психологических установок)» [Гулакова 2004: 69]. Каждая коммуникативная тактика направлена на «определенные аспекты модели мира адресата и его психики (знания, оценки и желания)» [Гулакова 2004: 91]. По мнению автора, воздействие на адресата для принятия им необходимых адресанту решений предполагает некоторую корректировку его модели мира и психологических параметров. Применение конкретной коммуникативной тактики имеет целью изменить конфигурацию этих параметров в необходимом для говорящего направлении: усилить какие-либо желания, изменить оценки, трансформировать образ какой-либо ситуации. В этой связи исследователь говорит о коммуникативных (речевых) ходах как инструменте реализации той или иной коммуникативной тактики [Гулакова 2004: 12].

Понятие коммуникативного хода представляется весьма значимым для теории коммуникации. По мнению О.С. Иссерс, «достижение цели возможно, если говорящий в течение всего цикла общения контролирует интеллектуальные и эмоциональные процессы слушающего таким образом, чтобы те привели его в конечном счёте к нужному решению (действию). Методы, которыми пользуется говорящий при «обработке» партнёра, представляют либо непосредственные стимулы действий, либо выступают в качестве условий. Эти методы и приемы, которые по отдельности или в комплексе ведут к решению сверхзадачи, являются конституентами речевых тактик – обозначим их как коммуникативные ходы» [Иссерс 2008: 110].

Т.А. ван Дейк трактует коммуникативный ход как «функциональную единицу последовательности действий, которая способствует решению локальной или глобальной задачи под контролем стратегии» [Дейк 1989: 2]. В рамках реализации конкретной коммуникативной стратегии может потребоваться некоторая последовательность коммуникативных ходов.

Таким образом, феномен коммуникативной стратегии в современной лингвистике исследуется достаточно интенсивно, многоаспектно, что и

обусловило существование различных подходов к его интерпретации: прагмалингвистического, когнитивного, психолингвистического, текстового, риторического и иных. В настоящем исследовании под коммуникативной стратегией понимается общий план, совокупность и способ организации коммуникативных прогнозируемых, контролируемых и гибких действий, объединённых единой целью и реализуемых посредством речевого воздействия на интеллектуальную, эмоциональную и поведенческую сферы адресата с целью их корректировки в заданном направлении. Коммуникативная тактика – это одно или несколько конкретных коммуникативных действий (ходов), реализующих одну или несколько частных коммуникативных целей (задач), направленных на определенные аспекты интеллектуальной, эмоциональной и поведенческой сферы адресата с целью достижения соответствующих эффектов, а также общей коммуникативной стратегии. Коммуникативный ход – это «функциональная единица последовательности действий», инструмент реализации одной или нескольких коммуникативных тактик в соответствии с коммуникативной стратегией.

Проще говоря, коммуникативная стратегия (цель) реализуется совокупностью коммуникативных тактик (задач). Коммуникативная тактика требует одного или нескольких коммуникативных ходов, в рамках которых репрезентируется совокупностью языковых единиц и приёмов.

В современной коммуникативной лингвистике существует большое количество классификаций коммуникативных стратегий. При этом за основу берутся самые различные критерии.

Так, В.З. Демьянков выделяет два типа коммуникативных стратегий: стратегии, использующие общие свойства коммуникации (как речевые, так и паралингвистические), стратегии вербального общения. К первому типу можно отнести стратегию приветствия. Второй тип включает стратегии, использующие:

1) свойства динамики разговора – стратегия занятия инициативы в разговоре, введение в разговор рассказа, поправки и др.;

2) свойства единиц общения – в данном случае речь идет о знании семантического потенциала высказывания, т.е. возможности употребить приложение в том или ином конкретном речевом акте;

3) владение «техникой» реализации конкретных речевых актов (техникой приказа, вопроса, констатации и др.);

4) техника «совершения» высказывания [Демьянков 1982: 327-337].

О.С. Иссерс классифицирует коммуникативные стратегии в зависимости от целей говорящего. В этой связи стратегии делятся на частные и общие [Иссерс 1999 а): 138]. Отметим, что достаточно трудно разработать полную классификация частных речевых стратегий по причине многообразия коммуникативных ситуаций и интенций.

Второй критерий – функциональный, в соответствии с которым «можно выделить основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии» [Иссерс 2008: 106]. К основным стратегиям можно отнести стратегии, которые связаны с «воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, его поведение (как физическое, так и интеллектуальное)» [Иссерс 1999 а): 139]. Стратегия является вспомогательной, если она направлена на организацию эффективного взаимодействия между коммуникантами. ... В связи с этим можно обнаружить стратегию самопрезентации, статусные и ролевые стратегии, эмоционально настраивающие стратегии и другие. ... Рассмотренные типы могут быть объединены в один класс – прагматических (коммуникативно-ситуационных стратегий)» [Иссерс 2008: 106].

Одним из самых продуктивных критериев классификации коммуникативных стратегий является принцип кооперации / некооперации (конфронтации). Данный критерий основывается на соблюдении / несоблюдении правил коммуникации в самом широком смысле. К этим правилам относят прежде всего принципы (постулаты) кооперации Г.П.

Грайса [Grice 1975] и принципы (максимы) вежливости Дж. Лича [Leech 1983; см. также: Гордон, Лакофф 1985, Демьянков 1982, Бйм 1985 и др.].

В основе концепции Г.П. Грайса [Grice 1975] лежит принцип кооперации, заключающийся в том, что каждый партнер по коммуникации вносит релевантный вклад для обеспечения эффективной кооперации. Данный принцип получил свою реализацию в системе правил (максим), которые призваны регулировать процесс коммуникации. Г.П. Грайс выделяет четыре постулата: количества, качества, релевантности и манеры. Кооперативный тип коммуникации предполагает, что все участники коммуникации нацелены на сотрудничество. Дж. Лич различает шесть максим вежливости: максимы такта, великодушия, одобрения, симпатии, скромности и согласия [Leech 1983].

Однако не все виды общения одинаково кооперативны. Например, задавая вопрос, партнеры по коммуникации не всегда могут рассчитывать на полный и бескорыстный ответ, стремление к релевантности высказываний, к ясности и т.п.

Поэтому, по мнению О.С. Иссерс, помимо принципа кооперации следует выделить принцип некооперации, при котором интересы говорящего превосходят интересы слушающего. В этой связи исследователь делит стратегии на кооперативные и некооперативные (конфронтационные) [Иссерс 2008: 101].

Т.Н. Николаева конкретизирует принцип некооперации за счёт дополнительных характеристик:

- навязывание коммуниканту своего мнения,
- нежелание дать ожидаемый ответ на вопрос,
- стремление уйти от ремо-предикативного аспекта беседы, т.е. обмена информацией,
- желание задеть собеседника [Николаева 1990: 226].

В.О. Мулькеева также делит коммуникативные стратегии на кооперативные (гармонизирующие) и конфронтационные (дисгармонизирующие) [Мулькеева 2005: 90].

Наиболее подробно анализируются последние, где исследователь выделяет три типа: стратегия дискредитации, инвективная стратегия и стратегия вербального насилия [Мулькеева 2005: 76].

В.С. Третьякова к стратегиям кооперации относит стратегии вежливости, искренности, доверия, близости, сотрудничества, компромисса, к конфронтационным – стратегии дискредитации, дискриминации, подчинения, соперничества, инвективности и др. [Третьякова 2003: 98].

Исследуя коммуникативные стратегии в условиях конфликта, И.И. Гулакова выделяет следующие их виды:

1) конфронтационные стратегии демонстрируют установку, направленную против партнера по коммуникации. Используя данные стратегии, говорящий стремится действовать активно и самостоятельно, добиваться собственных целей / интересов, игнорируя цели / интересы партнера (партнеров) по коммуникации. Этот тип стратегий представлен двумя видами – агрессией и манипуляцией. Агрессия, по мнению И.И. Гулаковой, – это «демонстрация коммуникативному партнеру отрицательно заряженного эмоционального отношения» [Гулакова 2004: 78].

2) Нейтральные стратегии характеризуются наличием у одного (или у обоих) из партнеров по коммуникации установки на игнорирование собеседника: «стратегия избегания» – уход от конфликта, отказ участвовать в нем, предоставление инициатору конфликта того, чего он хочет [Дудченко, 2001: 46].

И.И. Гулакова различает две разновидности этой стратегии: активную и пассивную. «Активно-нейтральная стратегия по своим речевым проявлениям напоминает конфронтационную манипуляцию, но разница в том, что в случае манипуляции участник коммуникации не учитывает

интересов своего коммуникативного партнёра, желая навязать ему свою точку зрения» [Гулакова 2004: 81]. «Пассивно-нейтральная стратегия поведения характеризуется отказом одного из партнёров от активного участия в диалоге» [Гулакова 2004: 83].

3) Кооперативные стратегии (уступчивость и компромисс) отличаются «установкой на партнера по коммуникации. Один участник по коммуникации (или оба) желает направить сложившуюся конфликтную ситуацию в благоприятное русло, используя различные регулятивные средства. Кооперативные стратегии похожи на конфронтационные тем, что участники конфликта стремятся максимально реализовать свои интересы, но кооперативным, мирным путем» [Гулакова 2004: 73].

По мнению М.А. Лисихиной, конфронтационные стратегии избираются коммуникантами, как правило, в «преднамеренно создаваемых конфликтных или деструктивных ситуациях, т.е. в ситуациях, когда партнеры сознательно идут на конфликт и придерживаются неблагоприятного сценария развития коммуникативной ситуации» [Лисихина 2008: 41]. Исследователь также выделяет две разновидности конфронтационных стратегий: агрессию и манипуляцию. Агрессия (тактика оскорбления, возмущения и др.) может выступать как ответная реакция, так и как активные действия инициатора конфликта [Лисихина 2008: 39-41].

При манипуляции (тактики упрека, угрозы, возмущения, отказа, прерывания собеседника) происходит «захват смыслового пространства коммуникации с тем, чтобы навязать партнеру свою коммуникативную стратегию» [Лисихина, 2008: 42].

В.О. Мулькеева выделяет следующие стратегии и тактики конфронтационного типа:

- инвективная стратегия (тактики оскорбления, издевки, насмешки, намек, шутки);
- стратегия агрессии (тактика угрозы);
- стратегия насилия (тактики оскорбления и угрозы);

- стратегия дискредитации (тактики обвинения, иронии, намека, издевки, оскорбления, шутки);
- стратегия подчинения (тактика приказа);
- стратегия принуждения (тактики приказа и угрозы);
- стратегия разоблачения (тактики обвинения, осуждения) [Мулькеева 2005: 77].

Различные коммуникативные стратегии по-разному проявляют себя в различных видах дискурсах. Так, Е.И. Шейгал выделяет следующие виды коммуникативных стратегий в политическом дискурсе:

«а) вуалирования, затушевывания нежелательной информации, что позволяет приглушить, сделать менее очевидными неприятные факты; б) мистификации, сокрытия истины (сознательное введение в заблуждение); в) анонимности, деперсонализации, как прием снятия ответственности» [Шейгал 2000: 72].

Другие учёные исследуют также варьирующую, аддитивную и интродуктивную стратегии [Иванова 2003: 67], манипулятивные и аргументативные стратегии [Гайкова 2003: 10] и некоторые другие.

Отметим, что границы между отдельными стратегиями и тактиками размыты. Кроме того, одна и та же тактика может реализовать разные стратегии (например: тактики оскорбления, угрозы, приказа и т.д.).

Для исследования языка политической коммуникации наиболее актуальным является такой подход к классификации коммуникативных стратегий, при котором выделяются два типа стратегий: кооперативные и некооперативные или кооперационные и конфронтационные.

Одной из наиболее частотных и эффективных коммуникативных стратегий конфронтационного типа является стратегия дискредитации, которая в зарубежной лингвистике называется «downplay» («игра на понижение») [Larson 1995].

В политической коммуникации главной задачей является приобретение преимущества перед оппонентом по коммуникации.

Достижению этой цели служат две коммуникативные задачи, выполняющие противоположные функции: самопрезентация и дискредитация оппонента [Tillmann 1989: 122].

В.О. Мулькеева полагает, что стратегия дискредитации направлена на дискредитацию человека в глазах наблюдателя и ущемление чувств самого адресата [Мулькеева 2005: 79].

Стратегия дискредитации реализуется при помощи широко набора тактик: обвинения, очернения, развенчания, обличения и некоторых других. Под коммуникативной тактикой обвинения мы будем понимать сообщение информации о нарушении лицом норм морали, этики или / и права («приписывание кому-либо какой-либо вины, признание виновным в чем-либо, а также раскрытие, обнаружение чьих-либо неблагоприятных действий, намерений, качеств» [Михалева 2004: 58]); очернение – негативную оценку, сопровождающуюся «экспликацией эмоционального составляющего компонента вместо приведения доказательств» [Михалева 2004: 63]. Остальные тактики во многом связаны с данными тактиками.

Разноаспектная специфика политической коммуникации обусловила выбор главного инструмента её осуществления – речевого воздействия. При определении речевого воздействия мы исходим из того, что любой речевой акт обладает определённым перлокутивным эффектом. По справедливому утверждению Р.М. Блакара, выразиться нейтрально невозможно, так как любой даже неформальный разговор предполагает «осуществление власти» [Блакар 1987: 91]: язык есть «инструмент социальной власти», всякое использование языка имеет воздействующий эффект [Блакар 1987: 92]. Отсюда, коммуникативные действия любого типа оказывают речевое воздействие на реципиента.

Феномен речевого воздействия является объектом исследования социолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвистики, прагматической лингвистики, психологии, теории массовой коммуникации, риторики. С учётом коммуникативной направленности настоящего

исследования будем опираться преимущественно на те подходы к описанию данного феномена, которые разработаны в коммуникативной лингвистике (см., например: О.С. Иссерс 2008, 2011; Е.В. Ключев 1998; О.А. Плотникова 2007; И.А. Стернин 2001 а), б) и др.).

Под речевым воздействием будем понимать «речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности» [Иссерс 2008: 21], а также «влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств в процессе речевого общения, обусловленное особыми предметными целями говорящего, включающими изменение личностного смысла того или иного объекта для реципиента, перестройку его категориальных конструктов, влияние на поведение, изменение эмоционального настроения либо психофизиологических процессов» [Шелестюк 2000: 41]

В современной теории коммуникации существуют различные классификации видов речевого воздействия [см., например: Беляева 2008, Лобас 2011, Месропян 2014, Трофимова 2021 а), Меликян, Трофимова 2019 и др.]. Применительно к целям настоящего исследования будем различать следующие виды речевого воздействия: приказ, манипулирование, аргументацию, убеждение и давление. Рассмотрим более подробно те из них, которые представляют собой деструктивные формы речевого поведения – манипуляцию и коммуникативное давление.

По мнению Е.Л. Доценко, «манипуляция – это вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент» [Доценко 1997: 59]. Манипуляция представляет собой «игру на слабостях», направленную на побуждение адресата к совершению действий, которые необходимы адресанту [Доценко 1997: 60].

В.А. Трофимова с опорой на противопоставление языковой и риторической нормы предлагает различать нериторический вид воздействия (аргументацию) и риторические виды воздействия [Трофимова 2021 в): 283]. Как отмечают некоторые учёные, риторическое воздействие не является однородным с точки зрения соблюдения принципов коммуникации: превышение принятой меры интенсивности убеждения порождает «интеллектуальную агрессию» [Шелестюк 2014: 46]. Коммуникативное давление представляет собой «вторжение внутрь личной сферы индивида» [Шилихина 2000: 103]. В этой связи В.А. Трофимова предлагает различать кооперационный (убеждение) и конфронтационный (коммуникативное давление) виды риторического воздействия. Убеждение трансформируется в давление при появлении конфликтогена в одном или нескольких компонентах речевой модели (логосе, этосе, пафосе) [Трофимова 2021 б): 271].

Манипуляция и коммуникативное давление представляют собой формы коммуникативного поведения, реализующие речевую агрессию, которая нацелена на причинение кому-либо физического или психологического ущерба [Берковиц 2002: 24; Копнина 2003: 254].

Таким образом, рассматриваемый в настоящем исследовании тип коммуникативного поведения предполагает активное использование наиболее эффективных способов риторического речевого воздействия конфронтационного (деструктивного) типа.

1.4. Политический дискурс: понятие, функции и жанры

Понятие «дискурс» довольно широко применяется в современной науке, однако не имеет единого толкования. Это обусловлено тем, что данный феномен является междисциплинарным и терминологизирован в

лингвистике, литературоведении, политологии, социологии, философии, истории и других науках.

Как утверждает О.Л. Михалева, в современной науке термин «дискурс» трактуется слишком широко [Михалева 2004: 113]. По мнению Т.А. ван Дейка, наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными и дискурс – одно из них [Дейк 1989: 101]. При этом У. Чейф отмечает разноаспектный характер данного понятия и указывает на ограниченность любых попыток отразить моделирование дискурса, сведя его к одному или двум измерениям [Chaffe 1994: 85].

Н.Н. Белозерова попыталась проследить этапы становления данного термина. Изначально это понятие соотносилось с обозначением бега (в первом значении) и с обозначением специальной двунаправленной атакой войск (во втором значении). Постепенно термин переосмысливается, теряя сему «военного» действия и приобретая сему «словесного» действия. По мнению автора, это происходит не позднее титульного этноса, поскольку можно найти подтверждения во французских и английских словарях, где «дискурс» употребляется в значении «речь, рассуждения, церковная проповедь» [Белозёрова 2004: 117].

Впервые в лингвистике термин «дискурс» был употреблен американским лингвистом З. Харрисом в 1952 г. в статье, посвященной языку рекламы [Harris 1952: 62]. Постепенно этот термин начинает использоваться и в других науках – социологии, философии, политологии и лингвистике.

Г.Н. Парастаев считает, что потребность введения нового понятия была обусловлена тем, что совокупность наук, имеющих в качестве предмета язык и его использование, не охватывала всех важнейших аспектов для человеческого общества процесса коммуникации [Парастаев 2012: 73].

В рамках нашего исследования остановимся подробнее на некоторых направлениях, предлагающих различную трактовку термина «дискурс».

Научная дискуссия о дискурсе как самостоятельном феномене началась с определения соотношения и места в лингвистике двух понятий: дискурс и текст. Текст был традиционным объектом изучения для лингвистов в течение долгого времени. Статус термина «дискурс» ставился под сомнение, так как он стал изучаться сравнительно недавно. С 1960 годов данный термин начинает использоваться в когнитивной лингвистике и некоторых других направлениях лингвистической науки.

Иногда дискурс рассматривался в более широкой парадигме терминов: текст, речь, диалог, речевая деятельность. Так, Д. Ньюнан определяет текст как письменное свидетельство коммуникативного события, а дискурс – интерпретацию коммуникативного события в тексте [Nunan 1993: 6-7]. Г.Н. Парастаев приходит к выводу о том, что дискурс – «актуально произнесенный текст, а текст – это абстрактная грамматическая структура произнесенного» [Парастаев 2012: 12]. По мнению М.Я. Дымарского, дискурс является «лишь способ передачи информации, но не средство ее накопления»; «различие между дискурсом и текстом отдаленно напоминает различие между радиопередатчиком и магнитофоном» [Дымарский 2006: 42-43].

При этом М.Л. Макаров вполне справедливо отмечает, что такой подход неоправданно сужает объем данных понятий, «сводя их к двум формам языковой действительности – использующей и не использующей письмо» [Макаров 2003: 89]. В русле такого подхода работали И.Р. Гальперин, Л.А. Гиндин, О.И. Москальская, Т.М. Дридзе и др.

Для настоящего исследования более перспективным является другой подход, в котором дискурс связывается с актуальной коммуникативной ситуацией: «В этом нашла выражение общая тенденция к пониманию дискурс-анализа как широкого подхода к изучению языковой коммуникации, для которого характерны, с одной стороны, повышенный

интерес к более продолжительным, чем предложение, отрезкам речи» [Макаров 2003: 88].

В.В. Богданов, М.Я. Дымарский, В.П. Конецкая, В.В. Красных и некоторые другие учёные рассматривают дискурс как «вербализированную речемыслительную деятельность, понимаемую как совокупность процесса и результата и обладающую как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими планами» [Красных 2001: 107]; «творимый в речи связный текст» [Конечкая 1998: 106]; «текущую речевую деятельность в данной сфере» [Конечкая 1998: 19].

В современной теории дискурса признаётся, что дискурс и текст противопоставлены по ряду критериев: процесс – результат, динамичность – статичность и некоторые другие. Отсюда дискурс – это процесс (коммуникативный) [Brown, Yule 1983: 24; Hess-Lüttich 1979: 25], текст – это продукт, результат коммуникации. Таким образом, дискурс чаще всего рассматривается в противопоставлении формального и функционального подходов.

По мнению М.Л. Макарова, формализм исходит из двух утверждений: 1) невозможно точно определить функции языка; 2) форма от функции не зависит, поэтому язык изучается в отрыве от коммуникации [Макаров 2003: 84].

При функциональном подходе к термину «дискурс» язык понимается как система знаков, служащая для достижения определенных целей с использованием различных функций. Функционализм предполагает изучение как структуры, так и функционирования языка для того, чтобы выявить соответствия между ними. Таким образом, при формальном подходе дискурс определяется как язык на уровне сверхфразовых единств различного типа. При функциональном же подходе, дискурс следует рассматривать вместе с особенностями использования языка в процессе речевого взаимодействия людей.

Существуют и другие подходы к определению понятия «дискурс». Так, Т. Дридзе, основатель семиосоциологического подхода в теории социальной коммуникации, считает, что понятие «дискурс» является недостаточным для анализа коммуникативных процессов и представляет собой «ситуационно обусловленный поток речи, ... извивающийся, как ручей, в изгибающемся русле» [Дридзе 1984: 147]. Т. Дридзе рассматривает дискурс как специфический диалог, вид социальной коммуникации, направленного на достижение общественного консенсуса.

В русле социологического направления трактовал дискурс немецкий ученый Ю. Хабермас, разработавший «теорию коммуникативной рациональности». Он понимает дискурс как коммуникацию особого типа, цель которой – объективный анализ реальности, а также критическое обоснование взглядов и действий участников коммуникации. «Дискурс требует, чтобы все мотивы действий его участников были аннулированы, кроме готовности к совместному взаимопониманию» [Хабермас 2002 а): 34]. В рамках данной концепции дискурс трактуется как способ получения истинного научного знания, способ достижения согласия, значимый диалог с использованием определенных методик.

Н.Б. Вахтин и Е.В. Головки сводят употребление термина «дискурс» в лингвистических исследованиях к двум вариантам. В первом речь идет обо всех аспектах использования языка, а во втором – помимо разнообразных лингвистических аспектов, рассматривается всё совокупное множество нелингвистических факторов [Вахтин, Головки 2004: 225].

По мнению А.П. Чудинова, термин «дискурс» не равен ни контексту, ни тексту, ни нарративу, ни речевой деятельности, поэтому у него должно быть своё собственное специфическое толкование [Чудинов 2006: 40]. Исследователь отмечает, что наиболее адекватным является широкое толкование данного термина, предложенное Т.А. ван Дейком: «Дискурс – это сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию «коммуникативное событие» [Дейк 1989: 217].

«Преимущество такого подхода в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий её участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний» [Будаев, Чудинов 2007: 24].

Сходным образом трактуется дискурс и другими учёными: «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1990: 136-137]; дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [Карасик 2002: 191], это «явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в «сухом остатке» общения, с другой стороны» [Карасик 2002: 192].

О.Л. Михалева [Михалева 2004: 100] утверждает, что существует два основных подхода к толкованию термина «дискурс». Во-первых, дискурс понимается как «интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» [Карасик 2000: 5]. Во-вторых, дискурс – это комплексный коммуникативный феномен, который включает в себя акт порождения текста в системе большого количества экстралингвистических факторов (интенция, пресуппозиции и т.п.) [Дейк 1989; Фуко 1996 и др.]. О.Л. Михалева приходит к выводу, что «дискурсивное направление рождается из противопоставления функционализма формализму, из столкновения взглядов на природу языка» [Михалева 2004: 103].

В рамках нашего исследования следует также упомянуть лингвосоциальное направление, которое берет начало во французском постмодернизме. Его основатель, Мишель Фуко, считает, что речевая практика людей может служить освоением реальности. Дискурсивные явления находят место в абсолютно новой среде: «социально-психологическом пространстве», которое конструируется коммуникативными партнерами, выполняющие соответственные коммуникативные, социальные, культурные, межличностные, идеологические и психологические роли. Таким образом, дискурс представляется как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию и приобретающая социальное содержание [Фуко 1996: 54].

Весьма важным для нашего исследования является и подход к определению дискурса в рамках когнитивной лингвистики, который был предложен Т.А. ван Дейком: дискурс – это сложное явление, включающее процесс порождения текста, а также большое количество экстралингвистических факторов. Т.А. ван Дейк понимал под дискурсом «функциональную часть коммуникативных и более общих общественных и культурных целей социальных групп или отдельных личностей» [Дейк, 1989: 56]. В качестве основного способа репрезентации знаний он предлагал рассматривать «модель ситуации», в отличие от Джонсона-Лэрда [Johnson-Laird 1983], предлагавшего «ментальные модели», или М. Минского [Минский 1979], говорившего о фреймах. По мнению Т.А. ван Дейка, в основе ситуационных моделей лежат личностные знания коммуникантов, обусловленные их индивидуальным опытом, а также намерения, чувства и эмоции [Дейк 1989: 58].

Вслед за О.Л. Михалёвой мы будем понимать дискурс как «вербализацию определенной ментальности, или такой способ говорения и интерпретирования окружающей действительности, в результате которого не только специфическим образом отражается окружающий мир, но и конструируется особая реальность, создается свой (присущий

определенному социуму) способ видения мира, способ упорядочения действительности» [Михалёва 2004: 27]. Для целей настоящего исследования актуальными являются также подходы к определению дискурса, разработанные Т.А. ван Дейком, Н.Д. Арутюновой и В.И. Карасиком.

В настоящее время помимо термина «дискурс» используется производный термин «дискурсивные практики», который часто заменяет его. Дискурс обязательно должен быть конкретизирован: тип, отличительные языковые характеристики, специфика тематики, система убеждений и другое.

Для современного общества характерна чрезвычайная политизированность. Все больше ученых проявляют интерес к изучению языка политиков, к их речевому поведению. Язык и политика связаны между собой. По мнению О.Л. Михалевой, «ни один политический режим не может существовать без коммуникации» [Михалёва 2004: 4].

Но это двусторонний процесс. Политизированный дискурс широко использует все богатство языковых практик любого уровня и специализаций и в тоже время влияет на функционирование языка, обогащая фонетический, морфологический, лексический и другие уровни языка в дискурсах любой специализации. Таким образом, представляется целесообразным рассмотреть политический дискурс, как вид дискурса, которому присущи свои специфические черты, и попробовать сформулировать определение, пригодное для целей настоящего исследования.

Политический дискурс – это явление многоаспектное и междисциплинарное, связанное с такими научными дисциплинами, как политология, социология, филология, психология. Результатом его активного изучения стало формирование нового раздела в языкознании – политической лингвистики.

Политическая лингвистика связана с рядом наук – социолингвистикой, классической, функциональной и современной риторикой, когнитивной лингвистикой и лингвистикой текста. По определению А.П. Чудинова, предмет политической лингвистики – «политическая коммуникация, т.е. речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2006: 6]. Главной целью политической коммуникации является борьба за власть, основанная на коммуникативной деятельности. Характерная особенность «современной политической лингвистики – дискурсивный подход к изучению политических текстов. ...Каждый конкретный текст рассматривается в контексте политической ситуации, в которой он создан, в его соотношении с другими текстами с учетом целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми. Обязательно учитывается та роль, которую этот текст может играть в системе политических текстов и – шире – в политической жизни страны» [Чудинов 2006: 6].

Следует отметить, что вследствие неоднозначного понимания объема данного понятия, наряду с термином «политический дискурс» (Е.И. Шейгал, А.Н. Баранов, В.З. Демьянков и некот. др.) употребляется ряд других дефиниций, которые в различной степени пересекаются с ним: «общественно-политическая речь» (Т.В. Юдина), «язык общественной мысли» (П.Н. Денисов), «политический язык» (О.И. Воробьева).

Следствием этого является широкое и узкое толкование термина «политический дискурс». При широком понимании политический дискурс – это «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом...» [Баранов, Казакевич 1991: 6]; «любые речевые

образования, содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал 2000: 23]. Е.В. Горбачева обращает внимание на то, что границы политического дискурса шире дискурса речевой деятельности, так как он включает в себя безмолвные символические действия и ритуалы [Горбачева 2007: 34].

А.П. Чудинов еще больше раздвигает границы содержания данного термина. Он включает в его содержание «...все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи. К числу этих компонентов относятся другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при публикации текста, представление автора об адресате, политическая ситуация, в которой создается текст» [Чудинов 2006: 41].

Т.А. ван Дейк придерживается узкого толкования термина «политический дискурс» и определяет его как совокупность жанров, ограниченных политической сферой и сопровождающих политический акт в политической обстановке [Дейк 1989: 297]. На наш взгляд, определение В.А. Масловой удачно уточняет узкое толкование данного феномена: «В узком смысле политический дискурс – это разновидность дискурса, целью которого является завоевание, сохранение и осуществление политической власти» [Маслова 2008: 44].

Главной задачей политической коммуникации является воздействие, которое реализуется в различных формах: от идеологического тоталитарного неприкрытого языкового насилия до завуалированной манипуляции [Литовченко 2003: 4]. Под языковым насилием будем понимать «не аргументированное вовсе или недостаточно аргументированное открытое или скрытое (латентное) вербальное воздействие на адресата, имеющее целью изменение его личностных установок (ментальных, идеологических, оценочных и т.д.) или его поражение в полемике – в пользу адресанта» [Сковородников 1997: 10]. При

этом С.Г. Кара-Мурза отмечает, что применительно к политическому дискурсу языковое насилие проявляется в форме скрытой словесной манипуляция общественным сознанием [Кара-Мурза 2009].

Е.И. Шейгал предлагает понимание дискурса как объекта лингвокультурологического изучения, «как системы коммуникации, имеющей реальное и потенциальное (виртуальное) измерение. В реальном измерении – это поле коммуникативных практик как совокупность дискурсных событий, это текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов.

В потенциальном измерении дискурс представляет собой семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание данной коммуникативной сферы, а также тезаурус прецедентных высказываний и текстов. В потенциальное измерение дискурса включаются также представление о типичных моделях речевого поведения и набор речевых действий и жанров, специфических для данного типа коммуникации» [Шейгал 2000: 12-13].

В лингвистической науке отсутствует чёткое определение термина «политический дискурс». Рассмотрим три основных подхода к его определению.

Согласно первой точке зрения «политический язык – это, конечно, не особый национальный язык, а ориентированный на сферу политики вариант национального (русского, английского или иного) языка» [Чудинов 2006: 32]. При этом «политический язык – это особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации» [Баранов, Казакевич 1991: 6].

Представители второй точки зрения отказывают политическому языку в статусе самостоятельной подсистемы языка: «чисто языковые черты своеобразия политического дискурса немногочисленны и не столь просто поддаются идентификации. То, что обычно имеется в виду под «языком политики», в норме не выходит за рамки грамматических, ... и лексических норм соответствующих идиоэтнических («национальных») языков» [Паршин 1999: 22]. Б.П. Паршин считает, что предметом политической лингвистики является идиополитический дискурс, под которым он понимает «своеобразие того, что, как, кому и о чем говорит тот или иной субъект политического действия» [Паршин 1999: 23].

Сторонники третьей точки зрения считают, что языку свойственна не особая форма, а специфическое содержание. Д. Грейбер отмечает, что язык становится политическим не благодаря наличию вокабуляра и определенных грамматических форм, а благодаря «содержанию передаваемой информации, обстоятельств, в которых происходит распространение информации (социальный контекст), и выполняемые функции» [Грейбер 2015: 196].

Е.И. Шейгал указывает на такую особенность политического языка как «доступность для понимания практически всеми членами языкового сообщества как следствие деспециализации политических терминов. Именно эта черта и позволяет некоторым исследователям отрицать существование языка политики. ... Политическая коммуникация не просто опосредована средствами массовой информации, но СМИ фактически являются основной средой ее существования, вследствие чего язык политики оказывается лишенным свойства корпоративности, присущего любому специальному языку» [Шейгал 2000: 31]. Однако это не лишает его специфичности.

В этой связи Е.И. Шейгал предлагает разграничивать понятия «язык политики» и «политический язык». Под «языком политики» понимается риторика и терминология политической деятельности, где политические

деятели выступают в своей профессиональной сфере, его можно сравнить с дискурсом других профессиональных сфер – спорт, религия, медицина и др. «Политический язык» открыт для всех членов данного языкового сообщества, в своей основе имеет общенародный язык, который служит средством убеждения и контроля, используется в манипулятивных целях [Шейгал 2000: 30-31].

В настоящем исследовании политический язык рассматривается как один из вариантов общенационального языка, как один из профессиональных подязыков, «профессиональная лексическая система» [Шейгал 2000: 29]. Е.И. Шейгал предлагает различать в семиотическом пространстве политического дискурса и в политическом языке специализированные знаки (вербальные и невербальные) и неспециализированные знаки, которые со временем приобрели свою содержательную специфику.

Р.М. Фрумкина отмечает одну из ведущих характеристик политического языка: «мы создаем мир с помощью нашей психики», а язык выступает как инструмент его интерпретации [Фрумкина 1999: 28], которая формирует определенную картину политической реальности и является, во-первых, вариативной, во-вторых, может быть репрезентирована как эксплицитно, самими политиками в текстовых формах, так и имплицитно, в номинативных единицах, которые становятся символом политической власти и формируют отношение к проблемам и отдельным личностям в политике [Фрумкина 1999: 28-38].

По мнению Е.И. Шейгал, глобальной функцией политического дискурса является его применение в качестве инструмента политической власти (борьба за власть, овладение, удержание власти и пр.), остальные функции – инструментальные. Исследователь выделяет восемь функций, наиболее характерных для политического дискурса:

- 1) социального контроля;
- 2) легитимизации власти;

- 3) воспроизводства власти;
- 4) ориентации;
- 5) социальной солидарности;
- 6) социальной дифференциации;
- 7) агональная;
- 8) акциональная [Шейгал 2000: 50].

П.Б. Паршин убежден, что «всякий текст оказывает воздействие на сознание адресата с семиотической точки зрения. Но для политического текста речевое воздействие является основной целью коммуникации, на достижение которой ориентируется выбор лингвистических средств» [Паршин 1999: 403]. Однако следует признать, что речевое воздействие в политической коммуникации выступает в качестве инструмента для решения главной цели – получение власти. Оно выступает в качестве метаинструмента, который используется при реализации всех функций политической коммуникации.

А.П. Чудинов считает, что все функции политической коммуникации в реальной речи взаимодействуют друг с другом. В политическом дискурсе все функции являются вспомогательными для достижения главной – борьбы за власть. Исследователь выделяет функции:

- 1) когнитивную;
- 2) коммуникативную;
- 3) побудительную;
- 4) эмотивную;
- 5) метаязыковую;
- 6) фатическую;
- 7) эстетическую [Чудинов 2006: 83].

Следует отметить, что в функциональной классификации А.П. Чудинова представлено много функций общего характера, присущих любому типу дискурса.

Некоторые ученые выделяют и другие функции, характерные для политического дискурса. Так, К. Бюлер с опорой на три основных компонента акта коммуникации (отправитель, получатель, предметы и ситуации) выделяет три ведущие функции языка: экспрессивную, аппеллятивную и репрезентативную [Бюлер 2000: 312].

Э. Кассирер сравнивает систему политического устройства на разных этапах её формирования и приходит к выводу о том, что функции современных политических лидеров, с одной стороны, и шаманов и колдунов в первобытном обществе – с другой, в основном совпадают (избавление от социального зла и предсказание будущего): «политики очень хорошо знают, что большие массы людей легче привести в действие с помощью силы воображения, чем применяя грубую физическую силу <...>. Политики стали чем-то вроде предсказателей судьбы, пророчество превратилось в существенный элемент новой техники управления. Они обещают самые невероятные и даже совершенно невозможные вещи, снова и снова сулят людям «золотой век» [Кассирер 1996: 206 – 208].

О.В. Иванова выделяет регулятивную функцию в качестве основной в политическом дискурсе, которая предполагает «определенное воздействие на адресата с последующим изменением его деятельности или мнения» [Иванова 2003: 22].

В.Г. Борботько дополняет данный список функцией инспиратива (воодушевления), которая нацелена на адресата. В отличие от прескриптива, при инспиративе адресат не навязывает свое видение ситуации получателю информации, а сообщает диспозиции, на базе которых впоследствии будет формироваться мотивация к действию. Это делает его очень эффективным в сфере идеологического воздействия в формате агитации и пропаганды [Борботько 2009: 78].

Е.В. Патрушева считает, что акциональная функция является очень важной в политическом дискурсе, так как язык политики побуждает к действию, принятию определенной точки зрения. Основная задача в

политической коммуникации является внушение адресатам необходимости политически правильных решений, действий, оценок и т.д., т.е. политический дискурс не описывает, а убеждает, дает почву для убеждения и побуждения к действию [Патрушева 2011: 68].

По мнению R.G. Meadow, следует различать шесть основных подходов к изучению политической коммуникации: системный, лингвистический, символический, функциональный, организационный и экологический [Meadow 1980: 24]. В настоящем исследовании политическая коммуникация рассматривается с точки зрения лингвоэкологии.

Таким образом, политический дискурс представляет собой сложное коммуникативное явление, отражающее мировоззрение его участников и направленное на достижение главной цели – получение власти. Отсюда борьба за власть выступает в качестве основной функции политической коммуникации. Реализуется эта и производные функции посредством речевого воздействия. К вспомогательным функциям следует отнести следующие: социального контроля (регулятивная), легитимизации власти (самопрезентации), воспроизводства власти, ориентации, социальной солидарности, социальной дифференциации, агональная, акциональная и инспиратив (воодушевление).

1.5. Особенности жанровой классификации политического дискурса

Современная коммуникация имеет свою специфику, которую необходимо учитывать: «Стиль сегодняшнего общения характеризуется размытостью границ между коммуникативными сферами, нивелировкой типов речи» [Сковородников 2001: 21]. Однако это не означает отказа от стилевой и жанровой дифференциации различных сфер общения.

Исследуемый здесь эмпирический материал относится, в том числе, к публицистическому стилю, в рамках которого ведущую роль играет авторская позиция, т.е. «...социально-оценочное отношение к фактам, явлениям, событиям. В лингвистическом плане она выражается в подчинении всех языковых средств основной коммуникативной установке, в их, совместно с композиционными приемами, целенаправленном использовании для усиления воздействия текста» [Кайда 2005: 58]. Именно данный параметр определяет высокую эмоциональность изучаемого объектного пространства.

«...Язык СМИ характеризуется достаточной степенью функционально-стилевой разнородности, что отражает универсальность тематики, открытость и подвижность текста массовой информации в смысле его взаимодействия со всеми прочими сферами речеупотребления. ...
...Конструктивное единство и функционально-стилистическое разнообразие и составляет важнейшую особенность языка средств массовой информации вообще, которая позволяет определить его как особый вид функционально-стилевых единств» [Добросклонская 2008: 7]. Язык телевидения – это язык «социального института, ответственного за формирование ценностей, моральных принципов и норм поведения в обществе, выразителя традиций, национального менталитета, института, осуществляющего сложную коммуникацию и обладающего огромным потенциалом многогранного воздействия на аудиторию» [Ларина 2004: 20].

В лингвистике существуют различные подходы к жанровой классификации политического дискурса, в том числе массмедийного. Рассмотрим некоторые из них и попытаемся определить жанр эмпирического материала настоящего исследования (программ «Вечер/Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым»).

Одна из первых и наиболее полных классификаций политического дискурса была предложена Е.И. Шейгал. Она рассматривает дискурс с точки зрения широкого подхода, куда включаются как институциональное, так и

лично ориентированное общение. Исходя из данного подхода, исследователь строит свою классификацию на основании шести параметров:

1) институциональность (жанры: разговоры о политике в семье, самиздатовские листовки, телеграммы и письма граждан, политический скандал, пресс-конференции, публичные политические дискуссии, публичные выступления политических лидеров, законы, указы и прочие политические документы, международные переговоры, официальные встречи руководителей государств [Шейгал 2000: 313-314];

2) субъектно-адресатные отношения (группы жанров: общественно-институциональная коммуникация, коммуникация между институтом и гражданином и коммуникация между агентами в институтах) [Шейгал 2000: 315; вслед за В. Дикманом: Dieckmann 1981];

3) социокультурный (дополнительные дифференциальные признаки:

«а) специфический набор парольных лозунговых слов, отражающих ценностные доминанты данной группы;

б) различия в характере вербальной агрессии (степень косвенности и предпочитаемый набор инвектив);

в) разный удельный вес речевых стереотипов и штампов;

г) разный удельный вес эмотивно-маркированной лексики (в частности, полярные различия в оценочных коннотациях политических антропонимов);

д) специфический набор цитат, аллюзий и прочих отсылок к прецедентным текстам, отражающим ценностные предпочтения той или иной группы» [Шейгал 2000: 320];

4) событийная локализация (жанры: встречи депутатов с избирателями, парламентские слушания, переговоры, митинги, демонстрации, политические кампании, политические скандалы, референдумы и т.п.) [Шейгал 2000: 322-326];

5) полевая структура (ядерные жанры: парламентские дебаты, публичная речь политика, лозунг и голосование; периферийные / вторичные жанры: интервью, анекдоты, аналитические статьи, мемуары, письма читателей, граффити, карикатуры и др. [Шейгал 2000: 327-329];

б) функциональная структура (жанры: ритуальные (инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное радиообращение); ориентационные (партийная программа, конституция, послание президента о положении в стране, отчетный доклад, указ, соглашение); агональные (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дебаты) [Шейгал 2000: 329-330].

В.В. Кашпур также подробно исследует проблему речевых жанров в лингвистике и дает определение данному понятию: «типовая модель репрезентации информации о типичной ситуации социального взаимодействия людей, вербально выраженная» [Кашпур 2011: 30]. Ее классификация политического дискурса строится на двух параметрах: 1) дискурсивные; 2) жанровые.

К дискурсивным (она исследует именно их) отнесены:

а) тип дискурса, в котором реализуется жанр (политический);

б) ядерное / периферийное положение жанра в иерархии политического дискурса.

К жанровым отнесены:

а) коммуникативная цель жанра;

б) адресат;

в) адресант;

г) отношение между адресатом и адресантом;

д) композиция жанра;

е) языковое воплощение [Кашпур 2011: 42]. На основании этих параметров исследователь выделяет следующие жанры политического дискурса:

1) жанр «инаугурационное обращение»:

- а) субжанр «обращение»;
- б) субжанр «благодарность»;
- в) субжанр «сообщение»;
- с) вариативные субжанры «инаугурационное обращение»;
- 2) жанр «призыв»:
 - а) субжанр «обращение»;
 - б) субжанр «сообщение»;
 - в) субжанр «призыв»;
 - с) вариативные субжанры «призыв».

Автор применяет инструмент когнитивной лингвистики «фрейм» для выявления и описания миромоделирующей функции жанров политического дискурса и отмечает, что человек не может существовать вне любого вида деятельности, именно она структурирует жизнь человека, поэтому описание жанров происходит через фрейм «общественно-политическая деятельность». При этом фрейм понимается как «структура данных для представления стереотипной ситуации» [Кашпур 2011: 51].

Классификация Н.Н. Кошкарновой, исследовавшей конфликтные и кооперативные типы русскоязычного дискурса, представленные в международном политическом сфере, строится на основании отнесения того или иного жанра к монологу или диалогу:

- 1) монологические жанры конфликтного дискурса:
 - а) короткая новость,
 - б) расширенная новостная заметка,
 - в) интервью-монолог,
 - г) авторские статьи;
- 2) диалогические жанры конфликтного дискурса:
 - а) политические интервью межкультурного уровня,
 - б) разговор с президентом,
 - в) пресс-конференция,
 - г) комментарий [Кошкарнова 2015].

На основании данного параметра телевизионные политические программы «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» достаточно сложно отнести к монологическому или диалогическому типу, так как в данных ток-шоу принимают участие много людей и каждый высказывает свое мнение по всем вопросам.

На наш взгляд, наиболее целостный и всеобъемлющий подход к классификации жанров был предложен Е.И. Шейгал, поэтому именно на основании предложенных ею параметров мы попытаемся определить жанровую отнесенность ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым»:

1. Параметр институциональности: публичные политические дискуссии (статусно-индексальное общение на уровне «политик – политик»).

2. Параметр субъектно-адресатные отношения. Передача относится к линии «общество – институт» с групповым участием субъектов. По типу коммуникации между агентами в институтах относится к публичной сфере.

3. Социокультурный параметр. По данному параметру исследуемый в работе эмпирический материал охарактеризовать достаточно сложно, т.к. в ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым», как правило, принимают участие представители различных социальных групп

4. Параметр событийной локализации. Программы относятся к календарным жанрам, так как выходят в определенные дни каждой недели.

5. По параметру полевой структуры ток-шоу относятся к периферийным жанрам, так как они представляют собой определенное комментирование, анализ и интерпретацию политических событий.

6. По функциональной структуре жанрового пространства ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» относятся к агональным жанрам, так как агональность представляет собой состязательность. Этот жанр политического дискурса

предполагает использование агрессии по отношению к сопернику, так как он, как правило, организован вокруг конфликта целей его участников (сюда можно также отнести предвыборные дебаты).

Таким образом, исследуемые в настоящей работе телевизионные ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» представляют собой публичные политические дискуссии с групповым участием субъектов, выходящих в определенные дни каждой недели («Вечер с Владимиром Соловьевым» – с понедельника по четверг, а «Воскресный Вечер с Владимиром Соловьевым» – по воскресеньям). Особая среда функционирования, а именно – массмедиа, а также сам формат программ, которые представляют собой комментирование политических событий, позволяет говорить о взаимодействии двух видов дискурса: политического и массмедийного.

Существует два подхода при определении медиадискурса. В соответствии с первым, медиадискурс – это «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2008: 152]. При таком понимании медиадискурс трактуется как самостоятельный тип дискурса. В рамках второго подхода медиадискурс мыслится «как любой вид дискурса, реализуемый в поле массовой коммуникации, продуцируемый средствами массовой коммуникации. Так, можно говорить о политическом, религиозном, педагогическом и других разновидностях медиадискурса, подразумевая, что для своей реализации указанные типы институционального дискурса предполагают наличие относительно устойчивого набора практик производства, трансляции и интерпретации массовой информации» [Кожемякин 2010: 16]. По мнению М.Р. Желтухиной, медиадискурс также можно определить как связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации,

взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов [Желтухина 2004: 152].

Следует добавить, что массмедийная коммуникация оказывает значительное воздействие на язык: «Эти социально и исторически осмысленные явления порой получают некое официальное одобрение (хотя бы примером речи политических авторитетов и речевой практикой масс-медиа), а порой и законодательное закрепление» [Верещагин, Костомаров 1999: 12].

В настоящем исследовании за основу принят второй подход, поэтому исследуемые программы мы относим к политическому медиадискурсу, точнее – медийно опосредованному политическому дискурсу. К содержательной наполненности, тематической целостности политического дискурса добавляется особая среда его существования – среда медиа. Особенности этой среды накладывают собственные ограничения и расширения на формирование и функционирование дискурса, который оказывается под удвоенным системным давлением: давлением темы и давлением среды обитания.

Исследование М.С. Ковериной языковых средств репрезентации различных коммуникативных стратегий и тактик в ток-шоу «Пусть говорят» дало следующие результаты: основной коммуникативной стратегией является стратегия конфронтации (манипулирования и агрессии), при этом стратегия кооперации играет заметную роль; «речь ведущего ток-шоу «Пусть говорят» отражает специфику языка современных СМИ и, прежде всего, – телевизионной речи, в которой частотны нарушения литературной нормы, огрубление и вульгаризация языка, размывание границ функциональных стилей» [Коверина 2015: 4].

Выводы

Языковая игра представляет собой необычный лингвистический феномен, нетривиальное явление речи. Языковая игра относится к вторичным формам коммуникации, а потому требует особой контекстуальной актуализации, а также применения сложных инструментов декодирования актуального коммуникативного смысла. Она позволяет коммуникативной личности проявить свои креативные способности, сделать речь более выразительной, точной и лаконичной, а потому повысить эффективность коммуникации. Благодаря своей природе языковая игра в функциональном плане характеризуется некоторой двойственностью, реализовывая одновременно две различные установки – на кооперацию и конфронтацию. Именно поэтому она активно используется для проявления речевой агрессии и служит опасным инструментом коммуникативной борьбы.

Рассмотрев существующие подходы к толкованию феномена языковой игры, мы приняли за основу следующее её определение: языковая игра – это интенциональная, творческая, оригинальная, неканоническая (нарушающая нормы языка) форма порождения и употребления языковых единиц, основанная на знании системы языка, норм его функционирования и способов творческой интерпретации её единиц, для достижения эстетического, чаще всего комического эффекта.

Языковая игра выполняет широкий спектр функций. Главная из них – эстетическая функция, остальные являются вторичными (эвристическая (творческая, креативная), изобразительная, эпатажная, развлекательная, фатическая, аттрактивная, корректирующая, манипулятивная, эвфемистическая, маскировочная) и метаязыковая).

Языковая игра способна реализовывать различные коммуникативные стратегии и тактики, как кооперационные, так и конфронтационные. Под коммуникативной стратегией мы будем понимать общий план,

совокупность и способ организации коммуникативных прогнозируемых, контролируемых и гибких действий, объединённых единой целью и реализуемых посредством речевого воздействия на интеллектуальную, эмоциональную и поведенческую сферы адресата с целью их корректировки в заданном направлении. Коммуникативная тактика – это одно или несколько конкретных коммуникативных действий (ходов), реализующих одну или несколько частных коммуникативных целей (задач), направленных на определенные аспекты интеллектуальной, эмоциональной и поведенческой сферы адресата с целью достижения соответствующих эффектов, а также общей коммуникативной стратегии. Коммуникативный ход – это «функциональная единица последовательности действий», инструмент реализации одной или нескольких коммуникативных тактик в соответствии с коммуникативной стратегией.

В силу своей специфики языковая игра активно используется в политическом медиадискурсе. Политический дискурс представляет собой сложный коммуникативный феномен, направленный на достижение главной цели – получение власти. Весь политический дискурс тесно связан с понятием речевое воздействие. В качестве инструментальных выступают следующие функции: социального контроля (регулятивная), легитимизации (самопрезентации) власти, воспроизводства власти, ориентации, социальной солидарности, социальной дифференциации, агональная, акциональная и инспиратив.

В настоящем исследовании изучаемые телевизионные программы «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный Вечер с Владимиром Соловьевым» отнесены к политическому медиадискурсу, точнее – медийно опосредованному политическому дискурсу. Особая сфера функционирования (массмедиа), а также сам формат программ обуславливают двойственный характер объектного пространства и позволяют говорить о взаимодействии двух видов дискурса – политического и массмедийного.

Глава 2. ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В КОНФРОНТАЦИОННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

2.1. Фонетические средства репрезентации языковой игры

Для реализации коммуникативных действий деструктивного типа участники политического ток-шоу В. Соловьёва активно используют фонетические ресурсы языка. Это обусловлено тем, что фонетический уровень языковой системы в целом характеризуется высокой степенью консерватизма, наименее подвержен каким-либо изменениям и отличается наличием жёстких правил. Отсюда всякое отступление от этих правил привлекает внимание коммуникантов и служит эффективным способом решения коммуникативных задач.

Исследование конфронтационного дискурса политического ток-шоу В. Соловьёва позволило выделить два наиболее продуктивных вида игры слов, построенной на нарушении норм фонетического уровня: 1) пародирование речи; 2) замена полнозначительного слова звукоподражательным словом. Языковая игра, построенная на данном приёме, направлена на высмеивание собеседника и его дискредитацию, что позволяет коммуниканту успешно решать свои коммуникативные задачи. «Высмеивание есть наиболее жесткий способ негативной характеристики личности» [Доронина 2005: 24].

Пародирование речи

В анализируемом материале было выявлено три наиболее часто встречающихся типа пародирования:

1. Копирование в чистом виде – воспроизведение речи своего оппонента или известной личности без каких-либо существенных изменений в звуковом оформлении слов, только средствами интонации.
2. Копирование индивидуально-авторских особенностей речи –

пародирование речи своего оппонента или известной личности с учетом индивидуальных речевых особенностей, обусловленных первым языком (украинским, грузинским, еврейским и пр.).

3. Копирование (пародирование) фонетических особенностей речи другого народа (украинского, грузинского, еврейского) безотносительно к какому-либо лицу.

Проанализируем каждый из данных типов пародирования.

1. Чаще всего в исследуемом дискурсе применяется первый тип пародирования. Это происходит, как правило, в тех случаях, когда участники программы пытаются изменить ранее заданный ракурс оценки обсуждаемых событий. Восстановление контроля за развитием темы требует применения эффективного инструментария, который очень часто связан с нарушением норм коммуникации, а потому и морали. Например:

В. Ковтун: *Это вы пытаетесь ерничать, потому что русский мир уходит.*

В. Соловьев: *Родной, тогда выдави из себя половину своей крови и скажи твоей маме, что ты: «Мама, я тебя больше не люблю, ты русская. А я, мама, с ордынцами, дело не имею». Русский мир ты из себя выдавливаешь (17.06.2019).*

«**Орда.** 2. Перен.; с определением. Пренебр. Вражеское войско; полчище. Фашистские орды» [БТСРЯ 1998: 724].

Во фразе В. Ковтуна содержится нарушение закона формальной логики закона тождества, что делает её смысл абсурдным. В. Соловьев воспроизводит предполагаемое содержание разговора своего оппонента с матерью и показывает несостоятельность высказываемой им позиции. Он отмечает, что собеседник и сам во многом является частью русского мира. Если данный подход довести до абсурда, то придётся отказаться от своей матери и от части самого себя. Данный приём относится к когнитивному плану, однако опирается на имитацию чужой речи, при которой используются исключительно средства интонации: повышение голоса,

изменение регистра. Ведущий грубо вторгается в пространство внутреннего «Я» собеседника, что является осуждаемым в обществе видом коммуникативного поведения, однако на это он получает карт-бланш от своего оппонента, который первым позволил себе нарушить нормы коммуникации в форме искажения информации, которое квалифицируется как нарушение максимы качества. Отсюда языковая игра в данном примере, репрезентирующая коммуникативную тактику обвинения собеседника в нарушении норм морали, не носит исключительно деструктивного характера, а выступает способом «принуждения к миру» по отношению к собеседнику, призывом оставаться в рамках правил приличия.

Коммуникативная тактика обвинения регулярно реализуется и в отношении Президента Украины, которого В. Соловьёв обвиняет в непрофессионализме, например:

«Зеленский уже устал», – он так и сказал. Именно таким голосом. Видимо устал настолько, что попросил людей подписать петицию об отставке, надавить на Верховную Раду. Сам не может (от 06.06.2019).

В. Соловьёв здесь также пародирует своего оппонента, дословно передавая его реальное высказывание, интонационно точно повторяя особенности речи В. Зеленского. Ведущий иронизирует по поводу якобы усталости Президента Украины, тем самым создавая его негативный образ.

2. В программе от 05.03.2018 г. Андрис Лиелайс крайне негативно высказывался по поводу достижений Сталина, в частности, особо акцентировал внимание на том, что Нижневартовск буквально построен «на костях». Затем между ним и В. Соловьёвым произошел следующий диалог:

В. Соловьёв: *Нет ни одного города из известных, который не построен на костях и крови. Вот вам напомнить Париж, как перестраивал Осман?*

А. Лиелайс: *Так может это и есть один из ударов Сталина великих?*

В. Соловьёв: *При всем уважении, но Париж ... Осман перестраивал Париж не во время Сталина, а в 19 веке, когда **товарищ Сталин токо***

нарощдался, и то – позже (произнесено с характерным грузинским акцентом) (05.03.2018).

Пародирование речи данного типа основывается на фонетических изменениях, обусловленных особенностями речи обсуждаемого лица: в слове *товарищ* происходит мена [и] на [ы] (*товарыщ*), опускается звук [л'] в слове *только* (*токо*); в слове *позже* четко произносится непроносимый звук [з]. Данные изменения приводят к имитации грузинской речи, в частности, самого И.В. Сталина.

Имитация особенностей звуковой стороны речи И.В. Сталина направлена на восстановление коммуникативного доминирования в беседе, а также на реализацию коммуникативной тактики обвинения собеседника в невежестве, что делает неосновательными выпады в адрес И.В. Сталина.

По мнению А.Ю. Кудрявцевой, «смысловый тип реализации коммуникативной стратегии доминирования основан на владении коммуникантом энциклопедической компетенцией. Под энциклопедической компетенцией мы понимаем умения говорящего адекватно отражать существующие в реальном мире предметы, явления, события, а также отношения между ними с помощью средств языка и речи» [Кудрявцева 2017: 82]. В исследуемом примере авторская интенция основывается на коммуникативной тактике осведомлённости, которая «...представляет собой попытку говорящего захватить коммуникативное доминирование с помощью предоставления информации, необходимой для развития экспертной дискуссии» [Кудрявцева 2017: 82-83].

В программе от 15.05.2019 г. В. Соловьев так начал разговор о М. Саакашвили:

Но зато сделал свои анализы самый яркий политик Украины, автор бессмертных хитов, которые я уже ставил, поэтому повторять не буду, хотя под «барыга», по-моему, сейчас танцуют во всех дискотеках Киева. Но посмотрите, как этот человек рассказывает о том, как он прылетел, как его мучили, что будет дальше». Представляете, вот с такой бешеной

силой он Украину разнесет вдребезги пополам.

Как видно, в пародийной части говорящий искажает два слова: *прылетел, бюджет*, в которых происходит мена гласных звуков: [p'] на [p], [и] на [ы]; [д'] на [д]. Кроме того, ведущий интонационно выделяет союзы *как* и *что*, что в целом создает пародию грузинской речи, в частности самого М. Саакашвили.

Искажение звуковой стороны речи говорящего понижает стилистический регистр, порождает иронию и тем самым реализует коммуникативную тактику очернения, которая призвана подорвать доверие к его мнению, точнее – обвинениям.

В первой части высказывания адресант использует метафору и приём преувеличения, при помощи которых сравнивает политика с певцом: *самый яркий политик, автор бессмертных хитов, хотя под «барыга», по-моему, сейчас танцуют во всех дискотеках Киева*. Под хитом «барыга» понимается кавер популярной песни EdSheeran – *Shape of You*, в котором на оригинальную мелодию были наложены слова М. Саакашвили, где он в разных ситуациях говорит слово «барыга». Таким образом, в первой части высказывания М. Саакашвили представлен как некомпетентный политик, так как невозможно относиться серьёзно к официальному лицу, на слова которого делают пародийную музыку. Во второй же части В. Соловьев имитирует речь самого политика.

3. Третий подтип фонетических искажений речи коммуникантов предполагает имитирование звуковой стороны речи не конкретного лица, а какого-либо языка в целом. Чаще всего В. Соловьев пародирует особенности речи украинцев и евреев. Например:

В. Соловьев не согласен с позицией В. Ковтуна по вопросу о газовом конфликте между Украиной и Газпромом. Для выражения своей позиции ведущий намеренно искажает некоторые слова и произносит их на украинский манер:

*Нафтогаз выиграл у Газпрома. Это спор двух коммерческих субъектов. В результате этой вашей легендарной победы вы сейчас покупаете газ в 4 раза дороже, но считаете, «**тю, назло бабúшке отморозим ягодушки**».* (05.03.2018)

В данном примере имеет место лексическое варьирование устойчивого выражения *назло бабúшке отморожу себе уши: тю, назло бабúшке отморозим ягодушки* («мотивация индивидуума может быть настолько сильной, что он не остановится ни перед чем, чтобы достигнуть своих целей, даже если это навредит ему самому»). Имитация украинской речи осуществляется также за счёт понижения стилистического регистра и включения во фразу просторечного междометия *тю* («**Тю междом. прост.** Выражает неприятное изумление, разочарование, пренебрежение» [Квеселевич 2003: 867], замены слова *уши* на *ягодушки* (*ягодицы*), а также переноса ударения в слове *бабúшке*, окказионального словообразования в слове *ягодушки* и названия части тела, номинация которой в публичной коммуникации ограничена нормами морали («**Всякое публичное осмеяние может быть оценено как оскорбительное, причем зависимость перлокутивного эффекта от степени экспрессивности игрового текста нельзя назвать однозначной, в число оскорблений могут попасть тексты, выдержанные в мягкой эмоционально-оценочной тональности**» [Доронина 2005: 30]). Русскоязычным сообществом вся украинская речь воспринимается как сниженная, т.к. заимствования из украинского языка уже давно получили стабильную ненормативную стилистическую маркированность в русском языке. Поэтому особенности украинской речи очень часто сочетаются с обычными средствами понижения стилистического регистра, что не связано с украинским языком, однако способствует имитации сниженной речи.

Назидательный тон данного выражения, предполагающий доминирование говорящего, усиливает реализуемые им коммуникативные тактики обвинения в осознанных действиях, наносящих ущерб государству,

а также тактики очернения, формирующей негативный образ оппонента.

Замена полнозначительного слова звукоподражательным словом

Иногда для придания большей эмоциональности своей речи В. Соловьёв заменяет знаменательное слово звукоподражательным. Например:

В. Соловьёв (обращаясь к В. Ковтуну): *Значит так. Ракеты не летели. Было проведено тщательное расследование, в том числе и американцами. Они не летят в Майами. Поэтому, когда вам это, **вжух** (движение рукой), кажется, вы внимательно смотрите. Если вы посмотрите, то даже форма континентов не соответствующая реально. Но я верю, что география – предмет тяжёлый, не всем дался.* (05.03.2018)

Замена полнозначительного глагола *летит* звукоподражательным словом со сниженной разговорной стилистической маркированностью *вжух*, сопровождающееся жестом (движение руки вверх), порождает намек на то, что адресант не компетентен в военных вопросах: для него ракета – это просто звук или *вжух*. А значит, он просто не может правильно оценить сложившуюся ситуацию. Данный фрагмент текста реализует коммуникативную тактику обвинения собеседника в некомпетентности, что нейтрализует невыгодную для России точку зрения по обсуждаемому вопросу.

Коммуникативная контратака ведущего усиливается выражением *география – предмет тяжёлый, не всем дался*. Несмотря на то, что негативная оценка имеет обобщённый характер (*не всем дался*), зрителю понятно, что речь идёт о конкретном человеке, который не просто некомпетентен, но даже не имеет минимального объёма знаний по географии.

Следующий фрагмент текста В. Соловьёв также строит на обвинении нескольких лиц в некомпетентности:

Я думаю, что как Макрон, так и Аваков, оба прекрасно разбираются

в авиационной отрасли: они понимают, что если садишься в самолет, то он делает так – «вжжж», потом взлетает. **На этом их понимание в авиационной отрасли заканчивается** (17.06.2019).

Языковая игра в данном фрагменте текста строится на смысловой двуплановости. Сначала говорящий при помощи прямых форм вводит положительную оценку профессиональных качеств двух лиц (*оба прекрасно разбираются в авиационной отрасли*), затем при помощи непрямых средств коммуникации, точнее – примитивного изображения работы авиационного двигателя «вжжж», положительная оценка меняется на негативную (энантиосемическую), что порождает иронию: *прекрасно* 1) очень хорошо, 2) очень плохо [Melikyan V.Y., Melikyan A.V., Vakulenko D.A. 2016]. Данный эффект усиливается фразой с прямым значением, которая не оставляет сомнений: *На этом их понимание в авиационной отрасли заканчивается*.

Замена полнозначительной лексемы на звукоподражательную, во-первых, способствует формированию более примитивного образа собеседника, что обусловлено более примитивной функцией указания (дейктической) по сравнению с функцией названия (номинативной). При этом построение текста возможно по разным моделям: одноплановой (простой) – при помощи введения негативной оценки собеседника, двуплановой (сложной) – при помощи введения сначала положительной оценки собеседника, а затем её замены на негативную оценку. В обоих случаях говорящий делает акцент лишь на одной детали представления собеседника о предмете речи, что характеризует его негативно. Данная негативная оценка переносится на человека в целом и способствует нейтрализации его негативного, по мнению ведущего, для развития беседы коммуникативного хода.

Исследование данного дискурсивного пространства показало, что к языковой игре, построенной на приемах фонетического уровня, обращается только ведущий программы: чаще всего (85%) он пародирует чужую речь,

гораздо реже (15%) использует мену на звукоподражательное слово.

Изучение фонетических приёмов языковой игры свидетельствует о том, что, во-первых, в устной форме коммуникации, во-вторых, в политическом дискурсе конфронтационного типа используется ограниченный набор фонетических ресурсов для реализации игрового потенциала коммуникации: применяются исключительно звуковые средства, при этом отсутствуют другие традиционные приёмы – звуко-графические и графические (к примеру, средства шрифтового выделения), а также топографемика (способы размещения печатного текста).

Данный тип языковой игры чаще всего реализует коммуникативную тактику обвинения (собеседника в некомпетентности или лжи), чуть реже – тактику очернения. Обе тактики применяются в рамках коммуникативной стратегии дискредитации в отношении оппонентов.

Кроме того, фонетические приёмы языковой игры в конфронтационном дискурсе несколько снижают степень деструктивности коммуникации, т.к. направлены на достижение «положительных» целей: восстановление статуса-кво в рамках политической дискуссии (соотношения баланса между различными оценками предмета речи), а также доминирование ведущего за счёт информационного и / или административного ресурсов. Этому же способствует использование исключительно непрямой формы коммуникации.

Таким образом, следует различать еще одну функцию языковой игры наряду с **инвективной** (конфронтационной) и **метаязыковой** (эстетической – кооперационной) – **нейтрализующую** (конфронтационно-кооперационную). Последняя формально носит деструктивный характер, однако на самом деле направлена на «созидание» в рамках острой политической дискуссии. Объектом первой функции является лицо, второй – язык, третьей – сфера коммуникации. Отсюда в качестве источников языковой игры следует различать **психологические, семиотические и социальные причины**. Они всегда выступают вместе, однако при

реализации каждой из трёх функций акцент смещается на одну из них: для инвективной функции важным является психологический аспект, для эстетической – семиотический, для нейтрализующей – социальный.

2.2. Реализация языковой игры средствами морфологического и словообразовательного уровней

Языковые средства морфологического и словообразовательного уровней используются при порождении языковой игры, в том числе в рамках коммуникации конфронтационного типа. Следует отметить, что традиционно более активными выступают средства словообразовательного уровня. С учётом того, что ресурсы данных двух уровней в некоторых случаях очень тесно переплетаются в рамках феномена языковой игры, рассмотрим их в одном параграфе. При этом параллельно будем отмечать и ресурсы других языковых уровней, направленных на создание игрового эффекта.

Исследование языковой игры в морфологическом и словообразовательном аспектах показало, что чаще всего коммуниканты используют приём мены корневой морфемы, который опирается на замену одного звука или части слова, например:

*Как всегда, мой любимец, я все время путаю, **Клинкин** или **Чугункин**, но что-то такое близкое по стилистике, что-то такое, правда, я бы сказал от **шариковщины**. Он заявил, что никаких антивенгерских выступлений не было, это все – уши Кремля, но вообще такая массовая шизофрения.*
(05.03.2018)

В. Соловьев, говоря о министре внутренних дел Украины П.А. Климкине, активно использует мимику и жесты, делает вид, что не может вспомнить его имя, тем самым усиливая комизм ситуации ожидания. Всем ясно, что ведущий политической программы знает фамилию

высокопоставленного чиновника Украины. В. Соловьев заменяет звук [м] на [н] в фамилии *Климкин* (*Клинкин*), что приводит к мене корня. В этимологическом словаре М. Фасмера *Клим* – это мужское имя [Фасмер 1986, т. 2: 250], а диалектное слово *клин* означает – «не удаваться» [Фасмер 1986, т. 2: 251]. Фамилия *Климкин* подчёркивает связь её носителя с народом, так как корень происходит от простого русского имени *Клим*. Изменения, производимые с фамилией, кардинально меняют отношение к её носителю: теперь министр соотносится со значением корня *клин*, то есть с человеком, у которого не получается что-либо, или проще – с неудачником. По справедливому утверждению М.М. Бахтина, «диалекты становятся как бы целостными образами, законченными типами речи и мышления, как бы языковыми масками» [Бахтин 1972: 511].

Языковая игра в данном примере строится на градации, которая усиливает ироническое отношение к лицу. На втором этапе В. Соловьев заменяет уже целую морфему: *клим* на *чугун*. В результате происходит актуализация негативной внутренней формы лексемы, которая изначально не была инвективной:

«**Чугун.** 1. Выплавленное из руды железо... 2. Горшок, сосуд из такого металла» [БТСРЯ 2003: 1485].

Автоматически возникают ассоциации, обусловленные функционированием других подобных инвектив: *железный дровосек* («тупой человек»), *дуб*, *дубовый* и т.п. Это способствует дальнейшему снижению значимости образа человека, а также дискредитации официального статуса министра Украины.

На третьем этапе языковой игры вводится образ героя романа М.А. Булгакова «Собачье сердце» Шарикова, который ассоциируется с агрессивным невежеством и глупостью. При этом используется производное нарицательное абстрактное имя существительное *шариковщина* (словообразовательный уровень: суффикс *-щина*), которое выступает характеристикой всей современной украинской власти.

Подобный эффект также достигается на основе актуализации негативной внутренней формы лексемы, которая в данном случае является литературной аллюзией. И всё это благодаря использованию преимущественно не прямых форм коммуникации: «Наиболее очевидные ситуации непрямого сообщения состоят в передаче множественной несемиотической информации» [Дементьев 2006: 190]. Такой вывод подтверждается и результатами исследований О.С. Иссерс: «Анализ речевой стратегии дискредитации убеждает в том, что средством морального уничтожения политического оппонента является не столько брань и прямая негативная оценка, сколько приемы когнитивного и семантического плана, способствующие желательному восприятию политических фактов и фигур» [Иссерс 1999 б): 125].

Последний прием направлен на ассоциативную дискредитацию не только оппонента и его точки зрения, но и политической ситуации в Украине в целом, которую он представляет. Такие ассоциации можно назвать ассоциациями прямого действия, как опирающиеся на устойчивые оценочные штампы и стереотипы массового сознания. Министра внутренних дел Украины, фамилию которого трудно правильно и быстро вспомнить на телевидении, и которая ассоциируется с *шариковщиной*, никто не будет воспринимать всерьез, а его действия и высказывания будут подвергнуты критике и осмеянию. Созданию данного негативного образа большую роль играет и образ адресанта как опытного, самодостаточного и харизматичного ведущего политической программы, который работает на контрасте. Такой приём реализует коммуникативную тактику очернения, т.к. выражает негативную эмоциональную оценку лица.

Рассмотрим еще один пример, в котором обыгрывается фамилия министра иностранных дел Украины:

В. Жириновский: *Пока вы не уберете Шариковых и не поставите профессоров.*

В. Соловьёв: *Мы не можем убрать Шариковых, потому что*

Шариков – министр иностранных дел Украины, фамилия Клим Чугункин, ой простите, Климкин. (24.01.2019)

Участники разговора снова прибегают к тем же образам, что и в первом примере. Высказывание В. Жириновского строится на антонимическом противопоставлении *Шариковы – профессора, т.е. глупые – умные*. В ответной реплике В. Соловьев называет министра иностранных дел Украины *Шариковым*, то есть считает его невежественным, малообразованным человеком. Далее адресант снова якобы не может вспомнить его фамилию, прибегая к тем же формам: *Клим Чугункин*. В данном случае имеет место мена имени (*Павел → Клим*), при которой корневая морфема фамилии становится именем, а также мена корневой морфемы фамилии (*Климкин → Чугункин*), что значительно усиливает пренебрежительное отношение к лицу.

Анализ этих примеров показывает, что В. Соловьев неоднократно эксплуатирует один и тот же прием дискредитации своего оппонента, который переходит из одной программы в другую, претерпевая незначительные событийно-тематические изменения. Это свидетельствует о том, что данные формы, скорее всего, заготовлены заранее.

Следующий пример:

Искать там, ну, здравый смысл, абсолютно бессмысленно, да. Господин Медведчук, которого технически оставили в меньше... одиночестве. Это тот, кто единственный хотя бы говорит то, что хотя бы имеет отношение к реальности. Ну, там же господа Мураев, Шмураев – не хочу даже все фамилии перечислять. (24.01.2019)

В. Соловьёв добавляет один звук [ш] в фамилию *Мураев: Шмураев*. В данном примере имеет место, с одной стороны, игровое рифмование и мена основной части слова (*мура- → шмура-*), с другой – паронимическая деривация, которая приводит к наведению сем с негативной окраской, порождаемой частью слова *шмур*, например: *шмурдяк, шуры-муры, шмара* и т.п.

«**Шмурдяк** *груб.-прост.* Самогон, некачественное спиртное» [Квеселевич 2003: 1001];

«**Шмара** *жарг.* Любовница блатного; девка, шлюха» [Квеселевич 2003: 1000].

В фамилии *Мураев* практически отсутствуют ассоциации со словом *мура*, а в фамилии *Шмураев* они становятся очевидными за счёт вариативных манипуляций, что приводит к актуализации внутренней формы лексемы с негативной коннотацией:

«**Мура.** 1. *прост.* Чепуха, ерунда» [Квеселевич 2003: 448].

Данный приём реализует коммуникативную тактику очернение, которая направлена на дискредитацию украинских политиков. Он усиливается контрастом, который возникает между официальным обращением *господа* и искажённым вариантом фамилии одного из политиков.

По мнению Н.Д. Голева, «ассоциативно-паронимические переделки иллюстрируют многочисленные популярные шутки на языковую тему «недослышек», «оговорок», «невыговариваний» типа диалогов глуховатых стариков» [Квеселевич 2005: 183].

Данный приём В. Соловьев использует и по отношению к другим фамилиям, например:

*Я вам обещал показать **фараон**. Я знаю, что она **Фарион**. Но я лучше, конечно, вам показал бы Восставшие из ада, Мумия, часть 4. Но вы посмотрите на лицо этой женщины и станет ясно, что весна не всех красит. У некоторых она вызывает резкое обострение психических заболеваний. (03.04.2019).*

Языковая игра строится здесь на замене одного звука в фамилии: [а] на [и]. Слово *фараон* определяется, как «древнеегипетский царь» [СРЯ 1985–1988, т. 4: 553]. Мена гласной в корне приводит к замене всей корневой морфемы, порождает паронимическую аттракцию, актуализирует внутреннюю форму нового слова и приводит к замене образа женщины на

образ мужчины (*фараона*), что способствует огрублению исходного образа. При этом говорящий порождает контраст между высокой значимостью образа *фараона* («1. **Фараон**. 1. В Древнем Египте: титул монарха...» [БТСРЯ 1998: 1416]) и необоснованными претензиями на высокий статус украинского политика И. Фарион. Более того, адресант подчёркивает, что намеренно искажил её фамилию, повышая тем самым градус конфронтационности (*Я знаю, что она **Фарион***).

Далее эмоциональное напряжение продолжает расти за счёт противопоставления искажённого образа женщины-политика фильму *Восставшие из ада, Мумия, часть 4*: «фильм ужасов не такой страшный, как И. Фарион». Данный приём означает переход на личности, что представляет собой осуждаемый в обществе вид коммуникативного поведения и реализует в косвенной форме коммуникативную тактику очернение. При этом по справедливому утверждению С.В. Дорониной, косвенная форма никак не влияет на степень инвективной оценки [Доронина 2005: 25].

Следующий коммуникативный ход усиливает агрессивный выпад, который также базируется на применении форм с непрямой коммуникацией: *Но вы посмотрите на лицо этой женщины и станет ясно, что весна не всех красит. У некоторых она вызывает резкое обострение психических заболеваний*. Данный фрагмент строится еще на одном противопоставлении, которое ставит диагноз всей политической системе Украины: «психически больная».

Иногда языковая игра строится с учетом особенностей строения другого языка:

В. Жириновский: *Но напоследок они могут (США) сделать так, чтобы рухнул Китай. Таким же путем, как у нас. Китайский Горбачев. Все будет красиво. Молодежь поддержит. Очередной съезд изберёт нового, после товарища Си, другого – товарищ **Гор Би**. Китайский. **Гор Би У**. Как там – **Гор Би Фун**. Какой-нибудь такой вариант*.

В. Соловьев: *Я понял, то есть как **Конфуций**. Так здесь будет*

Горбуций.... Это лучше, чем Горби це дун. (22.11.2020).

Китайский язык – это язык слоговой, то есть основной единицей его фонологической системы является слог. В этом языке также нет ударных и безударных слогов. В. Жириновский учитывает особенности китайского языка и делит фамилию Горбачев на слоги. И получается: *Гор Би*. Потом добавляет слоги, которые являются типичными для китайского языка: **У** и **Фун**. Таким образом, российский исторический факт (участие М.С. Горбачева в развале СССР) переносится на китайскую современную действительность. Тем самым намекается на то, что США вмешиваются в политику разных стран (в данном случае – СССР и Китая) и делают то, что им выгодно.

В. Соловьев подхватывает созданный образ, но строит свою словообразовательную модель по другому принципу. Он берет фамилию известного китайского мудреца *Конфуция* и меняет корень *-конф*, на *-горб* и получается *Горбуций*.

Встречаются и более сложные комбинации игровых приёмов, например:

В. Соловьев: *Выведи, пожалуйста, название, как теперь пишется (про город Киев – Kyiv). Вы пишете как, первая буква какая?*

В. Ковтун: *К.*

В. Соловьев: *Да, а вторая? У, а потом і. То есть у вас получается город основал не **Кий**, а **Куй**? И теперь ваш город называется **Куй пятый**?* (17.06.2019).

В. Ковтун говорит о том, что США, европейские страны, а также ближайший союзник России Белоруссия уже поменяли название города Киев. Название городов, как правило, не переводится. В каждом языке может быть свое написание тех или иных иностранных топографических названий, что объясняется особенностями фонетической и графической систем того или иного языка.

В русском языке столица Украины пишется *Киев* и произносится

[кијэф]. Транслитерация происходит следующим образом: русское написание из кириллицы переводится в латиницу при помощи стандартизированных знаков. Таким образом, мы получаем: к – k, и – i, е – e, в – v = Kiev. Именно такая транслитерация учитывает особенности написания данного слова в русском языке.

На украинском языке слово *Київ* пишется по-другому – *Kyïv*. Если проводить транслитерацию с украинского на английский, то мы получим: k – k, и – u, ï – i, в – v = Kyiv. В. Ковтун предлагает именно таким образом транслитерировать украинское написание города *Киева*. Но, возможно, такая транслитерация оправдана для украинского языка, но не для русского.

Существует ряд русских городов, такие как Москва или Санкт-Петербург, которые имеют совершенно иное написание и произношение в английском языке, что обусловлено особенностями национального законодательства и языковой политикой соответствующих стран.

Далее В. Соловьев демонстрирует новый вариант произношения слова *Київ* с учётом мены одной буквы корня, что приводит к его полной замене, а также с опорой на русскую фонетическую систему: к – [к], у – [у], і – [й]. Далее он производит переразложение структуры данного варианта, что приводит к установлению ассоциаций между словом *Куй* и созвучным обценным словом. При этом последнюю букву слова *Kyiv* он трактует как латинскую цифру «5»: *Куй пятый*. Таким образом, игровой эффект от манипуляции со звуковой стороной языковой единицы и паронимической аттракции нейтральной и инвективной (обценной) лексем, а также обыгрывания омонимии слова и словосочетания (*Kyiv* → *Kyі V*) усиливается за счёт обыгрывания омонимии графемы «v» (буква → цифра).

Всё это реализует коммуникативную тактику очернения, в результате чего значительно снижается привлекательность образа столицы Украины, украинских политиков (в первую очередь В. Ковтуна) и украинской власти.

В исследуемом дискурсивном пространстве достаточно активно в конфронтационных целях используется суффиксальная деривация (в

частности уменьшительно-ласкательные суффиксы). Чаще всего здесь языковая игра строится на обыгрывании диминутивных суффиксов, которые по смыслу плохо сочетаются с семантикой корневой морфемы, что порождает иронично-пренебрежительное отношение к предмету речи. В передаче 25.03.2019 обсуждалось прошлое Петра Порошенко, который, по слухам, заказал убить своего брата:

К. Долгов: *Не нужно удивляться, если человек родного брата заказал, ну, о чем мы говорим!*

В. Соловьев: *Ну и у вас и президентик, скажу я вам! (25.03.2019)*

Слово *президент* чаще всего используется в официально-деловом контексте. Президент – это самый высокопоставленный чиновник в государстве. Добавление к этому слову уменьшительно-ласкательного суффикса, резко контрастирующего со значением корня, придаёт словообразовательному деривату негативные коннотации, что направлено на реализацию коммуникативной стратегии очернения.

В другом примере обыгрывается слово *царь*, к которому добавляется суффикс *-ёк*:

Это тот, кто единственный хотя бы говорит то, что хотя бы имеет отношение к реальности. Ну, там же господа Мураев, Шмураев – не хочу даже все фамилии перечислять. Они все – каждый уже царёк. И что движет этим слабоумием? (24.01.2019)

При обсуждении предвыборных обещаний П. Порошенко и В. Зеленского выяснилось, что они практически идентичны. А. Окара утверждал, что это говорит лишь о преемственности украинской идеи. Соловьев категорически не согласен с этим мнением и утверждает, что это показывает лишь ограниченность украинской политической элиты:

В. Соловьев: *Один в один.*

А. Окара: *О чем это говорит? О том, что в Украине, украинском истеблишменте есть консенсус...*

В. Соловьев (перебивая): *Это говорит о том, что новый стори-*

*теллер у вас не способен даже собственный **текстик** воспроизвести. Дурачку написали бумажечку, а он прочитал, не подумав.* (06.06.2019)

В. Соловьев использует три слова с уменьшительно-ласкательным значением: *текстик, дурачку, бумажечку*. Говорящий показывает свое крайне негативное отношение к В. Зеленскому, так как тот не может самостоятельно создать даже не самый сложный текст (*текстик*) и выразить своё мнение. Добавление суффикса *-ик* к слову *текст* способствует реализации данной идеи.

Слово *дурак* изначально в системе языка является инвективным:

«**Дурак**. Разг. Глупый, тупой человек» [СРЯ1985–1988, т. 1: 453]. Добавление к нему суффикса *-чок* повышает степень его инвективности, переводя из категории «пренебрежительное» в категорию «презрительное».

Слово *бумажечка* образовано от слова *бумажка*, которое в словаре уже идет с пометой «уменьш. к [бумага1](#) (в 1 знач.)» [СРЯ 1985–1988, т. 1: 124]. К этому слову добавляется суффикс *-ечк*, который усиливает уничижительный эффект.

Слова *текстик* и *бумажечка* представляют собой непрямую форму реализации коммуникативной стратегии очернения, слово *дурачок* – прямую.

Иногда языковая игра строится на противопоставлении словообразовательных дериватов по грамматическому значению рода:

Д. Куликов (о Ю. Тимошенко): *Первое, что нужно понять – это высокую степень контроля американцев за тем, что происходит. И вообще это доказывается на раз-два. Ваша **кандыдатыня**, это ж так бы ее во Львове назвал бы, наверное, или что-нибудь близко того; вот, значит, **кандыдатыня** вышла и, извините, очень некрасиво выглядела во время своего финального выступления.* (03.04.2019)

В орфографическом словаре существительному мужского рода *кандидат* соответствует форма женского рода – *кандидатка* [Бархударов 2007: 339]. Е.А. Земская считает, что суффиксы *-иня* (*княгиня*) и *-есса*

(*поэтесса*), обозначающие лиц женского пола, стали продуктивными в 60-е годы XX века. Она отмечает (вслед за В.З. Санниковым), что слова с данными суффиксами имеют одну тональность, придающую словам некоторую претензию на изыск (*хирургиня, хирургесса*). Однако В.З. Санников разграничивает тональность данных суффиксов, указывая на то, что они не являются синонимичными: у *хирургессы* больше претензии на изыск, нежели чем у *хирургини* [Санников 2002: 156].

Д. Куликов использует суффикс *-ын* (на украинский манер) для образования формы женского рода слова *кандидат*. Получается слово *кандыдатыня* (*кандидатыня*), которое построено по ненормативной словообразовательной модели, а потому необоснованно расширяет соответствующее словообразовательное гнездо. Данное слово лишь потенциально возможно, однако нормами русского литературного языка не допускается. Говорящий намеренно использует ненормативную словообразовательную модель с целью привлечь внимание к предмету речи.

Слово *кандыдатыня* порождает ассоциации со словом *княгиня*, которое называет жену князя, человека, который является предводителем войска и правителем области в феодальной удельной Руси [СРЯ 1985-1988, т. 2: 63], то есть женщину, обладающую высоким статусом. Соответственно, *кандыдатыня*, на первый взгляд, тоже приобретает возвышенную характеристику. Однако говорящий указывает на явное несоответствие Ю. Тимошенко высокому статусу политика. Под фразой *выглядела некрасиво* Д. Куликов подразумевает тот факт, что Ю. Тимошенко не смогла отстоять свою политическую позицию в ходе предвыборной кампании. Отсюда возникают дополнительные ассоциации слова *кандыдатыня* – со словом *гусыня*:

«*Гусыня. прост.* 1. Толстая, важная и глупая женщина» [Квеселевич 2003: 159].

Таким образом, языковая игра на словообразовательном уровне используется исключительно для реализации коммуникативной тактики

очернения, направленной на репрезентацию коммуникативной стратегии дискредитации в отношении украинской власти в целом. Наиболее употребительные приемы: 1) мена корневой морфемы – 50%; 2) добавление уменьшительно-ласкательных суффиксов – 42%; 3) использование других суффиксов – 8%.

Исследование языковой игры, реализуемой средствами морфологического и словообразовательного уровней, в коммуникативном аспекте показало следующее. Языковая игра данного типа реализует исключительно коммуникативную тактику очернения. Потенциал речевой агрессии, реализуемой данными языковыми ресурсами чрезвычайно велик и не может сравниться с фонетическим уровнем. При этом используемые в исследуемом дискурсивном пространстве языковые единицы обладают различным уровнем инвективности. Наименьшей (из проанализированных) агрессивностью характеризуются слова *текстик* и *бумажечка*, которые лишь косвенно негативно характеризуют лицо. Слово *кандыдатыня* обладает чуть более высоким потенциалом инвективности в силу того, что называет лицо, а не какие-либо его атрибуты (действия и т.п.). Слова *президентик* и *царёк* имеют такую же инвективную направленность, однако адресованы главе государства (дополнительный дискурсивный фактор), что повышает градус агрессивности и обусловлено грубым нарушением правил коммуникации, а потому и норм морали и этики. Манипуляции с именами и фамилиями (*Клинкин, Чугункин, Шмураев, Фараон*) всегда считаются чрезвычайно обидными. Прямая инвектива *дурачок*, особенно по отношению к главе государства, ещё более усиливает речевую агрессию. Актуализация же обценной лексемы через установление ассоциативных связей между нейтральным и табуизированным словами, несмотря на непрямую форму коммуникации, трансформирует речевую агрессию, изначально направленную на украинскую власть в целом, в агрессию, переходящую на любого присутствующего в телестудии или зрителя: «публичное оскорбление на страницах газеты прежде всего есть факт

речевой агрессии, направленной на свидетеля конфликта – читателя» [Доронина 2002: 84]. Уровень инвективности повышается за счёт нескольких дополнительных дискурсивных факторов: речь идёт о столице государства; это государство исторически и т.п. близко России; речевая агрессия реализуется в рамках политического дискурса, а также публично. Отсюда, большинство из проанализированных языковых форм нарушают не только нормы морали и этики, но и права, а потому соответствуют в рамках практики лингвистической экспертизы таким категориям дел, как «унижение чести и достоинства» и «оскорбление»: «не подлежит сомнению и тот факт, что существует некая грань, за которой шутка перестаёт быть смешной, превращаясь в издевательство» [Доронина 2002: 81].

2.3. Метафорические модели, реализующие интенции конфронтационного типа

Лексико-семантические ресурсы языка традиционно представляют собой самый эффективный инструмент порождения языковой игры. Основа когнитивной модели, применяемой в данной сфере, – «...создание желательных для говорящего ассоциаций, сравнений. Это позволяет перенести негативную оценку из одной когнитивной области в другую» [Иссерс 1999 а): 118]. По мнению В.А. Масловой, «это и даёт неожиданный эффект: совершаются незаметные переходы от одних убеждений к другим, иногда вопреки ожиданиям самого говорящего» [Маслова 2008: 46].

«Наиболее традиционным средством реализации этой тактики является использование метафор, в том числе развернутых метафорических образов» [Иссерс 1999 а): 118; а также: Лакофф, Джонсон 1987: 126-169]. «Данное стилистическое средство является универсальным способом познания и концептуализации окружающего мира и представляет собой призму, через которую человек видит мир» [Телия 1988: 179]. По мнению

Н.Д. Арутюновой, метафорой «может быть назван любой способ косвенного выражения мысли» [Теория метафоры 1990: 296-297]. Метафора относится к непрямым формам коммуникации, т.к. она «маскирует некоторые стороны коммуникативного процесса» [Лакофф 1987: 32]. Метафора дает возможность передать информацию, которую автор по тем или иным причинам не обозначает прямо, при помощи непосредственных номинаций [Чудинов 2001: 51]. «Сила метафоры ... заключается в эффекте балансирования между сказанным и несказанным, между определенностью и неопределенностью, в известной условности и вместе с тем в особой значимости метафорической концептуализации мира» [Чудинов 2001: 49].

При этом метафора может выступать в качестве грозного оружия в борьбе с оппонентами: «бранные и оскорбительные слова (*негодяй, дурак* и пр.) не пристают к человеку так прочно, как метафорический образ... Метафора часто содержит точную и яркую характеристику лица. Это приговор, но не судебный» [Арутюнова 1999: 373].

В связи с тем, что другие средства лексико-семантического уровня (омонимическая и паронимическая аттракция – игра с формой, актуализация внутренней формы (актуализация многозначности, актуализация только исходного значения, т.е. собственно внутренней формы) – игра со смыслом / значением) уже получили адекватную интерпретацию в предыдущих параграфах, рассмотрим в исследуемом дискурсивном пространстве метафорические модели (игра с образом и смыслом / значением), реализующие интенции конфронтационного типа, в том числе зафиксированные в «Словаре русских политических метафор» [Баранов, Караулов 1994].

1. Образ «театр».

Образ театра используется для того, чтобы показать неестественность политических процессов, которые происходят в Украине. Например:

Я. Кедми: *Специальность нового президента Украины – он артист в определенном жанре. Какое основное качество артиста? Войти в роль. А*

кто ему сценарии пишет? А кто режиссер? Актер должен войти в роль, которую ему написали сценаристы и которую ему показывает как играть режиссер. Так вот в Германию он к сценаристам едет. Сценарий-то Украины где писали? В Европе? (30.05.2019)

В данном фрагменте текста В. Зеленский сравнивается с *артистом*, причём не только сравнивается. В связи с тем, что момента избрания он действительно был *артистом* кино, происходит актуализация прямого значения (внутренней формы) данной лексемы. Тем самым говорящий намекает на то, что В. Зеленский хорошо вписался в современный украинский политический формат, который хорошо срежиссирован: «ему не привыкать играть». Формируется микроконцепт «театр»: *артист, актер, сценаристы, режиссер, жанр, войти в роль, писать сценарий, сценарий пишут, режиссер показывает как играть.*

Я. Кедми формирует представление о том, что В. Зеленский является артистом, а не президентом, что весь политический сценарий Украины написан за рубежом, а потому не отражает интересов самих украинцев, большая часть политиков не выполняют свой долг, а играют, вся политическая жизнь театр, т.е. нечто вымышленное, искусственное, ненастоящее, обман.

Таким образом, данный фрагмент текста реализует коммуникативную тактику обвинения в адрес В. Зеленского как минимум в непрофессионализме и неискренности, западные страны – во вмешательстве во внутренние дела суверенного государства, а также тактику развенчания всей политической жизни в Украине.

В другом примере политическая жизнь в Украине изображена как театральное представление, а политики – артисты:

В. Соловьёв: *Но вообще вся эта картина на Украине она напоминает представления в погорелом театре с артистами, более профессиональными в мире. Вот главная роль у клоуна Зеленского. Вспомогательная роль у добровольного шута с психическими*

отклонениями – Саакашвили. (30.05.2019)

«**Артист <из> погорелого театра, разг., ирон.** Некто, не оправдавший надежд в некоторой деятельности» [Фразеологический словарь русского литературного языка. Викисловарь];

«**Шут.** 2. Комический персонаж в старинных комедиях, балаганных представлениях. 3. *Разг.* Тот, кто балагурит, кривляется на потеху другим, является общим посмешищем» [БТСРЯ 1998: 1508];

«**Клоун.** Цирковой артист, комик. | О человеке, разыгрывающем в обществе роль шута» [БТСРЯ 1998: 433].

В данном фрагменте текста образ «театр» также репрезентирован соответствующим микроконцептом (*картина, представление, погорелый театр, главная роль, клоун, вспомогательная роль, шут*), который реализует коммуникативную тактику обвинения в лицемерии (*напоминает представление*), непрофессионализме (*более профессиональными в мире*), а также тактики обличения (*погорелый театр*) и очернения (*клоун, шут*). Последняя усиливается за счёт приёма «переход на личности»: *с психическими отклонениями.*

Еще один пример, где высмеивается прошлое В. Зеленского:

А. Кондратьев: *Почему мы вдруг должны сделать вид, что вот этот Порошенко, Тимошенко, из тюрьмы вышедшая, или клоун Зеленский. Или как комик, прошу прощения. Он не клоун, он не из цирка, он из кинематографа. (04.03.2019)*

«**Комик.** Актёр, играющий комические роли. 2. Человек, обладающий способностью смешить окружающих» [БТСРЯ 1998: 444];

«**Комик разг.** Чудак» [Квеселевич 2003: 348].

Микроконцепт «театр»: *клоун, комик, цирк, кинематограф, профессия.*

Коммуникативные тактики обвинения в непрофессионализме, а также очернение, реализуемая инвективными лексемами *клоун* и *комик*, направлены на формирование образа президента Украины как никчёмного,

непрофессионального, пустого человека.

С. Килинкаров так говорит о В. Зеленском в передаче от 15.05.2019:

*Гордеев говорит, Зеленскому нужно определиться. Ему нужно определиться с одним: он **ключ** от решения всех проблем или он **брелок на ключах в карманах кукловодов**, которые пытаются им играть.*

Образ «театр» расширяется за счёт введения ещё одного жанра – кукольный театр (*кукловоды*), что реализует коммуникативную тактику обвинения в несамостоятельности президента и всей страны в реализации национальной политики. При этом вводится дополнительный образ: «главный элемент – приложение к чему-то главному»

Деятельность Ю. Тимошенко оценивается как *кино*:

На сегодня нет четких договоренностей никого ни с кем, т.е. Аваков – себе отдельно, Порошенко – отдельно, Тимошенко – у нее свое какое-то кино. И вот они между собой пытаются о чем-то договориться.
(05.03.2018)

Данная лексема, с одной стороны, продолжает формировать активно всеми используемый образ «театр», с другой – лишь отчасти имеет отношение к нему, реализуя коммуникативную тактику обвинения в преследовании каких-то неопределённых, возможно, исключительно личных политических целей, а также тактику очернения:

«**Кино прост.** О том, что развлекает, смешит, вызывает удивление»
[Квеселевич 2003: 328].

Образ «театр» ярко описывает политическую жизнь в Украине, называя основные его / её компоненты:

Украинские политики – *артисты, актеры, клоуны, комики, шуты*. Они добровольно *входят в роль*. Одни играют *главную роль*, другие – *вспомогательную роль*. Ими руководят из-за рубежа *сценаристы, режиссеры, кукловоды: сценаристы пишут сценарий, режиссеры показывают как играть*. И всё это действие – *картина, представление*, которые относятся к различным жанрам: *кинематографу, кино, цирку*,

погорелому театру.

Образ политической жизни в Украине репрезентируется преимущественно при помощи коммуникативных тактик обвинения и очернения, а также развенчания и обличения.

2. Образ «организм и болезнь».

Образ больного организма используется для формирования представления об Украине как государстве, которое находится в плачевном состоянии: «Характерной особенностью русских политических речей является широкое употребление метафор, которые построены, преимущественно на военной и "больничной" лексике...» [Маслова 2008: 45]. Например:

*Самое страшное было для меня реакция той стороны, потому что, ну я хочу надеяться, не всего украинского общества, а самой **больной** его части. Но когда, в том числе и в украинских СМИ, радовались убийству ребят и ребят с ВГТРК, и с Первого канала, и с РЕА.... Какая-то странная звериная **иррациональная** радость. (17.06.2019)*

В данном фрагменте текста вводится представление об украинском обществе как *больном*. При этом оно делится на *больную* часть и самую *больную*. Сама болезнь является психической, за гранью разума, что связывается с неадекватной для человека реакцией на смерть журналистов, больше сходной с реакцией зверя:

«Иррациональный. 1. *Филос. Книжн.* Не постигаемый разумом; такой, который не может быть выражен в логических понятиях» [БТСРЯ 1998: 398];

«Звериный. 2. Жестокий, свирепый, дикий» [БТСРЯ 1998: 360].

Коммуникативная тактика обвинения и обличения усиливается контекстуальным противопоставлением «смерть – радость».

Образ психического заболевания развивается в следующих примерах:

*Искать там ну **здравый** смысл абсолютно **бессмысленно**, да. Господин Медведчук, которого технически оставили в меньше...*

одиночестве. Это тот, кто единственный хотя бы говорит то, что хотя бы **имеет отношение к реальности**. Ну там же господа Мураев, Шмураев – не хочу даже все фамилии перечислять. Они все каждый уже царек. И что движет этим **слабоумием**? Они все собираются таким образом завоевать место в Верховной Раде и выборах, которые будут осенью. (24.01.2019)

5 марта? На улицу выйдете? А у вас что? Все расцвело? Кроме **шизофрении**, что еще расцвело? (05.03.2018)

Действия украинских политиков характеризуются прямо как бессмысленные, слабоумие и шизофрения, а также при помощи косвенных форм, через противопоставление, второй компонент которого репрезентируется имплицитно, в форме имплицатуры: здоровый смысл → больной смысл, имеет отношение к реальности → не имеет отношения к реальности (тактика обличения).

Еще один пример:

В. Третьяков: *Нужно провести большую конференцию – **политическая психиатрия** и разобраться там. Я готов выступить с маленьким докладом, в меру своих скромных сил, русофобия как **патология**.* (02.03.2021)

«**Психиатрия**. Раздел медицины, изучающий психические заболевания, методы их профилактики и лечения» [СРЯ 1985-1988, т. 3: 553];

«**Патология**. 2. мед. Болезненные процессы отклонения от нормы в организме; 3. перен. книж. Отклонение от нормы, уродство, ненормальность в развитии чего-л.» [СРЯ 1985-1988, т. 3: 32].

Политическая жизнь представлена как что-то, имеющее патологию и нуждающееся в психиатрическом лечении.

В исследуемом дискурсивном пространстве неоднократно репрезентирован и образ врача, специальность которого даёт точное представление о характере и масштабе проблем в украинской политической

сфере (тактика обличения):

А. Лиелайс: *Здесь нужен **психолог**, который разберется, почему после смерти, после стольких лет сталинизма, люди осмеливаются его оправдывать... Это катастрофа, что сегодня из шести кандидатов в президенты двое – открытые сталинисты.*

П. Федеров: *Это не катастрофа, это ответ на **болезнь**.* (05.03.2018).

В. Соловьёв: *Но среди вас присутствует также и **доктор Сосновский**, потому что говоря об Украине без **психотерапевта** в последнее время совершенно невозможно.* (15.05.2019)

Образ *лихорадки*, предполагающей наличие у больного одновременно жара и озноба, точно указывает на непоследовательность и противоречивость действий украинской власти (тактика обвинения):

*На самом деле страну **лихорадит**, на Порошенко подал в суд нардеп Розенблат.* (15.05.2019)

«**Лихорадить**. 1. Чувствовать озноб, лихорадку» [БТСРЯ 1998: 500];

«**Лихорадка**. 1. Болезненное состояние, сопровождающееся жаром и ознобом» [БТСРЯ 1998: 500].

К. Шахназаров характеризует взаимодействие между Россией и Украиной как функционирование единого организма:

*Это все равно что вот из **организма**, вот Украина – это легкое, ... убрали вы его из **организма**. Легкое может жить без **организма**? Не может. Кстати, сам **организм** тяжело, но **выживет** все-таки.* (04.03.2019)

Данный образ направлен на реализацию коммуникативной тактики развенчания, которая нивелирует якобы положительное представление о соседнем государстве: «Украина не выживет сама, без России, как она об этом думает».

В некоторых случаях образ *открытой руки* символизирует возможность достижения согласия между двумя странами (тактика план):

Надо договариваться, садиться за стол переговоров, то есть это

открытая рука к дипломатическому диалогу. (01.03.2018).

В других случаях *рука* указывает на связь между страной и какими-либо её действиями, чаще – негативными (тактика обвинения):

*Вы знаете, ну, после озвученных некоторыми политиками тезисов в отношении того, что Майдан – это тоже **рука** Москвы, ну даже просто говорить не о чем. (05.03.2018).*

«**Рука**. 4. Почерк, творческая манера кого-л.» [БТСРЯ 1998: 1132].

Способы лечения предлагаются крайне редко (тактика обличения):

*Я очень не убеждён, что западное общество сегодня имеет **прививку** от такой русофобии. (29.03.2018)*

Итак, Украина и Россия представлены как единый организм, украинская часть которого тяжело больна, причём – психически. И этому способствуют русофобские настроения западных стран. Однако восстановление нормальных отношений возможно.

Образ «организм и болезнь» сформирован соответствующим микроконцептом, основные компоненты которого дают реальное представление о предмете речи:

Украина и Россия – *единый организм; Украина больна (есть больная часть и самая больная); болезнь – слабоумие, шизофрения; проявляется в лихорадке, звериной иррациональности, отсутствии здравого смысла, отсутствии связи с реальностью; лечащий врач – психолог, точнее – психотерапевт; прогноз – Россия выживет без Украины, а Украина не выживет без России; лечение – нужно договариваться, садиться за стол переговоров (открытая рука); меры по профилактике – западному обществу необходима прививка от русофобии.*

Описание состояния дел в украинской политике реализуется преимущественно при помощи коммуникативной тактики обличения, а также обвинения и развенчания. Изредка актуализируется тактика план, которая связана с обсуждением темы восстановления отношений между

двумя государствами.

3. Образ «криминальный мир».

Образ «криминальный мир» активно эксплуатируется в политическом медиадискурсе. Это обусловлено ростом речевой агрессии в международном политическом дискурсе в целом. Например:

Американцам говорят однозначно уже много лет – это наш двор, сунетесь – получите. (24.01.2019)

«**Соваться.** 2. Непрошено вмешиваться; назойливо навязываться с чем-л.» [БТСРЯ 1998: 1225];

«**Получить.** 4. Заслужить что-л; подвергнуться чем-л.» [БТСРЯ 1998: 911].

Россия заявляет, что мы – суверенное государство (тактика констатации факта). На любое вмешательство во внутренние дела страны последует силовой ответ (тактика угрозы).

Следующий пример:

В. Жириновский: *Нам надо залезть в чужой двор и напугать.*

В. Соловьев: *Сначала надо быть уверенным, что свой двор защищён.*

В. Жириновский: *В это время и в своем дворе наводит порядок.* (24.01.2019)

В. Жириновский призывает к более агрессивным действиям по отношению к западным странам (тактика угрозы). В. Соловьев делает оговорку (тактика предостережения). В. Жириновский поясняет свою позицию (тактика план).

Активно используются разнообразные литературные аллюзии на криминальную тему:

В. Вакаров (о М. Саакашвили): *Понимаете Володя, этот хомячок – Михо все-таки не дотягивает до гениального **Кисы Воробьянинова.*** (03.04.2019)

В данном случае образ *Кисы Воробьянинова*, который по команде Остапа Бендера надувал щеки, реализует коммуникативную тактику

развенчания. Этому же способствует домашнее имя *Михо*, а также образ-ярлык *хомячок* (у М. Саакашвили круглые щёки как у хомяка). К тому же лексема *хомячок* снабжена уменьшительно-ласкательным суффиксом. Два последних приёма реализуют коммуникативную тактику очернение.

Криминальный образ накладывается и на вполне реальных людей, причём даже из религиозной сферы:

В. Соловьёв: *Неугомонный раскольник Филарет – Мишка Денисенко – продолжает разрушать и без того несуществующее единство церкви.* (15.05.2019)

Михаил Денисенко является патриархом Православной церкви Украины, что считается высоким саном в церкви. Использование «домашнего» имени (тактика очернения) способствует актуализации презрительного отношения к высокопоставленному лицу и указывает на незаконность его действий.

Такой приём используется и по отношению к некоторым российским политикам:

В. Жириновский: *Что ваш Буш? Что ваш Барак Обама? Что ваш Трамп? Ставропольский мужичишка, Мишка Горбачев, все как полоснул. И без единого выстрела.* (27.09.2020)

В данном контексте применяется также тактика очернения бывшего высокопоставленного чиновника (первого и единственного президента СССР). Слово *мужичишка* указывает на простое происхождение М. Горбачева. Однако значимость его заслуг перед страной не идёт ни в какое сравнение с действиями последних президентов США, что способствует дискредитации образа Михаила Горбачева.

Криминальный образ примеряется даже к президенту России:

В. Соловьёв: *Выбрать какое-то кафе, сидеть, пугаться. Реакция у него какая-то неадекватная, чего-то он испугался, кого-то. Опять Путин ему снится, наверное. Слушайте, вот Владимир Путин, до чего он довел.* (3.04.2019)

Гротескное изображение воздействия образа В. Путина на М. Саакашвили указывает на необоснованность претензий к президенту России, а также на неадекватную реакцию М. Саакашвили на некоторые политические события (тактика развенчания).

В следующем примере В. Соловьев вводит прямой образ преступления:

С. Станкевич: *Это геополитическое **соперничество**. Нас снова – но я пытаюсь во всем увидеть позитивный смысл, да – вот вроде бы давит, но есть же позитивный смысл: нас снова признали **грозным и сильным геополитическим соперником**. И реагируют соответственно. Тоже позитивная новость, да? Давайте к этому так относиться...*

В. Соловьев: *Не понял, то есть если **на бабушку нападает насильник**, она должна отнестись к этому позитивно, что она еще кому-то кажется привлекательной? Я просто логику не могу эту понять, то есть как можно искать радость в **преступлении**.*

С. Станкевич: *Не надо распространять заявленный мной принцип на бабушку, пожалуйста, нет. Бабушку надо жалеть в любом случае. (14.02.2019)*

С. Станкевич называет агрессивные действия западных стран по отношению к России *геополитическим соперничеством* в связи с тем, что *нас снова признали грозным и сильным геополитическим соперником* (тактика смягчения оценки). В. Соловьев предпочитает называть вещи своими именами. Для того чтобы показать абсурдность данной смягчённой оценки, он прибегает к использованию утрированного образа криминального нападения на бабушку – максимально беззащитный объект (тактика обвинения, а также тактика управления процессом интерпретации).

В рамках образа «криминальный мир» используется и одна из его обязательных составляющих – образ тюремной камеры, точнее – самой неприятной её части – параши:

В. Ковтун: *Мы в рамочку повесим (речь идет о решении Совбеза ООН*

по газовому конфликту между Украиной и Россией), но жить будем так, как нам удобно.

В. Соловьев: ... и вас вообще спрашивать не будут. **Ваше место – вот там, где рамочки весят, стук в дверь, а оттуда все время: занято.** (05.03.2018)

Эвфемизм строится на замене устойчивого словосочетания из тюремного жаргона *ваше место у параши* (в том числе, литературная аллюзия):

«**Параша** жарг. 1. Большое ведро или кадка для испражнений и помоев в тюремной камере» [Квеселевич 2003: 577];

«**Параша.** 2) Унитаз в камере. Место у параши считается самым непрестижным. В камерах малолеток и первоходочников иногда существует правило, согласно которому опущенный должен есть, сидя на параше (или около нее)» [<https://www.trend.az/life/socium/1594967.html>].

В данном случае языковая игра строится на основе намека: *ваше место – у параши*, то есть положение адресата в политическом мире (через его криминальную интерпретацию) является самым плохим. Несмотря на вторичность формы, данный фрагмент текста реализует коммуникативную тактику очернение.

Микроконцепт «криминальный мир» делит глобальный мир на *наш двор* и *чужой двор*; описывает свой двор – *грозный и сильный геополитический соперник, наводит порядок*; называет стороны – *американцы, Киса Воробьянинов, Мишка Денисенко*; характеризует отношения между сторонами – *геополитическое соперничество, преступление*; называет агрессивные действия сторон – *соватьсь, напугать (пугать), на бабушку нападает насильник*, а также ответные действия – *защищать, получить*; указывает на реальное место украинской власти (политиков) в этом мире – «у параши».

Специфика данного образа обусловила наличие при его реализации доминирование коммуникативных тактик угроза и очернение, которые

сопровождаются также тактиками развенчания, обвинения, предостережения, констатации факта и план. Обсуждение данной темы преимущественно со своими единомышленниками объясняет наличие метакоммуникативных тактик смягчения оценки и управления процессом интерпретации.

4. Образ «животный мир».

Образ животного мира активно эксплуатируется в политическом медиадискурсе. Политики предстают в качестве животных, а отношения между ними сродни животным отношениям. Например:

В. Жириновский: *Вы не понимаете, что живете в зверинце.*

В. Соловьев: *Вот как жестко. Жестко, да.*

В. Жириновский: ***Чаща**, да. **Кругом хищные звери**. Давайте сядем за стол переговоров.*

С. Станкевич: *Ну какие **звери**, ну что вы.*

В. Жириновский: *С кем? В мире. Какие вы там **хищники** – вы ...вы **зайчики**.*

В. Соловьев: *Прервёмся на рекламу. Ряд **зайчиков** сейчас **ускочит**. После рекламы у нас будет Украина... (24.01.2019)*

В программе речь шла про Венесуэлу, где возможно было развитие разных вариантов: государственный переворот, революция или гражданская война. В стране создалось двоевластие: действующего президента Николаса Мадуро поддерживала армия и полиция, а самопровозглашенного Хуна Гуайдо – США и еще более десятка стран.

В. Жириновский характеризует глобальный мир как *зверинец, чащу*, в которой полно *хищных зверей*. При этом украинскую политическую элиту он квалифицирует не как *зверей* или *хищников* (это относится к западным странам; тактика обвинения), а как *зайчиков*, т.е. не представляющих собой никакой реальной силы или значимости в мире *хищных зверей* (тактика развенчания).

«**Зайчик**. Уменьш.-ласк. к Заяц» [БТСРЯ 1998: 324].

При этом некоторые повадки настоящих хищников украинским политикам всё же присущи: действие на уровне инстинктов, отсутствие разумности, жестокость, свирепость, дикость. Однако у *зайчиков* и *тараканов* эти качества настоящих хищников проявляются лишь по отношению к мёртвой жертве (тактика обвинения и обличения). Например:

Но когда, в том числе и в украинских СМИ, радовались убийству ребят и ребят с ВГТРК, и с Первого канала, и с РЕА.... Какая-то странная звериная иррациональная радость. (17.06.2019)

Иногда используется образ сказочных животных, например:

В мире сейчас есть растущий дракон – это Китай, который абсолютно четко и ясно ставит свою задачу и неслучайно мы видим его в Европе. В мире есть другой дракон – это Америка, который решает свои задачи. В этих задачах, понятно, не допустить существования союза России и Германии, что ослабляет Евросоюз. И моментально Украина играет роль, еще определенной Пилсудским вместе с Польшей, как буфера. И тогда Украина ясно, зачем нужна. (25.04.2019)

«**Дракон.** 1. Сказочное чудовище в виде крылатого огнедышащего змея, пожирающее людей и животных» [БТСРЯ 1998: 282].

Образ дракона по отношению к Китаю имеет положительные коннотации («большой, сильный» – тактика похвалы), по отношению к США – негативные («пытается удержаться на плаву за счёт подавления окружающих» – тактика обвинения). Этому способствует разное отношение к образу дракона в восточной и западной культурах. Дракон – это символ Китая, в китайской культуре символ доброго начала. Дракон в христианской культуре – негативный образ.

Всё же чаще используются негативные образы «животного» мира, например:

Наблюдать, как этот гадючник сейчас расползается. Как можно посмотреть на то, что сейчас происходит с блоком Петра Порошенко, побежали все, дружно. (30.05.2019)

«Гадючник; Гадюшник. Разг. 1. Место обитания, скопления гадюк. 2. Сниз. О коллективе, в котором преобладают отношения взаимной неприязни, вражды, ненависти» [БТСРЯ 1998: 191];

«Гадюшник. 1. Груб.-прост. Коллектив, где преобладают отношения вражды, злобных склок, аморальность» [Квеселевич 2003: 126].

Украинский политический бомонд – это взаимная неприязнь, вражды, ненависть, злобные склоки, аморальность (тактика обвинения и очернения).

Следующий пример:

В. Соловьев (о неонацистах в Украине): *Я, кстати, замечал, если не говорить о тараканах, они все равно никуда не деваются.* (15.05.2019)

Сравнение неонацистов с насекомым-вредителем помогает создать запоминающийся негативный образ (тактика очернение).

Реже используется образ отходов жизнедеятельности животных (тактика очернение), например:

Народ, не желая смешивать, как вы, Вадим, говорите, все в кучу. Но я понимаю, потому что народ Украины, конечно, устал от этих куч с навозом, да, он не хочет их смешивать. (25.03.2019)

Микроконцепт «животный мир» рисует картину современной политической жизни в мире и в Украине: политическая жизнь – это *чаща, зверинец*; западные политики – *хищные звери, драконы*, украинские политики – *зайчики*; повадки украинских политиков – *звериная иррациональная радость* по отношению к мёртвой жертве; украинские неонацисты – *тараканы, куча с навозом*.

Данный образ чаще всего реализуется при помощи коммуникативных тактик обвинения и очернения, а также развенчания и обличения; иногда встречается тактика похвалы в отношении партнёров России (например, Китая).

5. Образ «Библейский мир».

Библия ассоциируется в сознании людей с высокими моральными принципами, а потому изначально вызывает положительные ассоциации.

Образ Библейского мира, накладываемый на грязный политический мир Украины, на контрасте порождает не просто комический, но даже трагикомический эффект, реализуя тем самым коммуникативную тактику развенчание.

В. Соловьев о А. Турчинове: *Это ты цитируешь кровавого пастыря.* (30.05.2019)

«**Пастырь**, рел. Священник, руководитель паствы» [СРЯ 1985-1988, т. 3: 31];

«**Кровавый**. Запятнавший себя кровью многих жертв» [БТСРЯ 1998: 471].

Слово *пастырь* в первичном значении нейтрально, а в переносном, которое не отражается словарями («духовный наставник, учитель, помощник») имеет положительную коннотацию:

«**Учитель**. 2. Человек, обладающий высоким авторитетом для кого-л. В какой-л. Области, имеющий последователей» [БТСРЯ 1998: 1411].

В словосочетании же *кровавый пастырь* оно приобретает негативные коннотации (тактика обвинения, развенчания).

Используются и другие библейские образы:

В. Ковтун (о В. Соловьеве и его позиции по Украине): *Я, Владимир ээ.. (забыл отчество ведущего).*

В. Соловьев: *Рудольфович.*

В. Ковтун: *Рудольфович, Понтий Пилат.*

В. Соловьев: *А ты у нас Иисус?*

В. Ковтун: *Нет, я просто.*

В. Соловьев: *Ты просто что?*

В. Ковтун: *Я добрый самаритянин.*

В. Корнилов: *Иудушка.*

В. Ковтун: *Я добрый самаритянин.*

В. Корнилов: *Иудушка.*

В. Соловьев: *А ты точно уверен, что ты помнишь, чем прославились*

добрые самаритяне?

В. Ковтун: Он помогал *Иисусу нести крест*.

В. Соловьев: *Вот я про то же, то есть ты пойдёшь рядом. Я хочу понять, у тебя Иисус кто? Порошенко?*

В. Ковтун: *Я шел на, я был на Голгофе*.

В. Соловьев: *Я в курсе, да. Жаль, что оттуда ушел. Так ты мне скажи, так ты Порошенко? Так ты в Порошенко-Иисуса веришь? И вот ты поможешь Порошенко нести его крест?*

В. Ковтун: *Я не персонализирую. (30.05.2019)*

Понтий Пилат – римский прокуратор, который известен как жестокий руководитель, на руках которого было много крови (тактика обвинения). Однако в Библии при решении о распятии *Иисуса* только *Понтий Пилат* выступает против. Но он был вынужден подписать смертный приговор *Иисусу*.

В. Соловьев называет В. Ковтуна *Иисусом* (тактика развенчания). В. Ковтун принимает образ *доброго самаритянина* (тактика обеления). В. Корнилов вступает в беседу и называет В. Ковтуна *Иудушкой*, то есть предателем (тактика обвинения).

Далее образ *Иисуса* переносится на П. Порошенко с негативным оттенком. Дело в том, что в программе обсуждалась вероятность того, что после прихода к власти нового президента, П. Порошенко либо посадят, либо он сбежит (это его *Голгофа*). Получается *крест* П. Порошенко в этом и состоит. Значит, В. Ковтун тоже должен разделить участь *Иисуса*, в которого он верит (*нести его крест*).

В программе 25.03.2019 поднимался вопрос о том, что П. Порошенко был замешан в убийстве своего брата. Его самого называют *Каином* (тактика обвинения), а само действие – *грехом Каина*:

У вас Каин страной правит. Он брата своего убил. И я не хочу в это верить ни за что, потому что, ну, как бы я не относился к Порошенко, но грех Каина на себе носить, ну это просто за пределами. (25.03.2019).

Микроконцепт «Библейский мир» включает в себя все ключевые компоненты мира политического: политики – *Иисусы, Иудушки, Понтии Пилаты, Каины, добрые самаритяне, кровавые пастыри*; их деяния – *грех Каина*; их будущее – *нести крест, Голгофа*. Реализует он чаще всего коммуникативные тактики обвинения и развенчания, а также обеления.

6. Образ «ирреальный / загробный мир».

Образ загробного мира – популярная метафорическая модель в политическом медиадискурсе:

*Но есть какие-то пределы, которые нельзя переступить. Ну, идет избирательная кампания. Ну, ощущение, что просто **могильные плиты** сдвигаются в стороны. Вот прям-таки Николай Васильевич Гоголь. И действительно, какие-то **совершенные ужасы поднимаются с погоста**.* (25.03.2019)

«**Погост**. Сельское кладбище» [БТСРЯ 1998: 856].

Д. Куликов: *Это хитрый расчет: сидят головы в штабе и думают, когда надо вбрасывать компромат. Подсчитали – лучшие всего в последнюю неделю. Понимаете, что интересно: все это все знали, и на каждого есть чемодан, потому что это способ контролировать друг друга. Если ты рыпнешься.*

В. Соловьев: *А как их-то в Европу пускают?*

Д. Куликов: *Я про вот это, я вот это расскажу.*

В. Соловьев (не дожидаясь ответа собеседника): *У них у каждого такое **кладбище**, что они в Европу и не едут.* (25.03.2019)

*Как можно посмотреть на то, что сейчас происходит с блоком Петра Порошенко, побежали все, дружно. **Труп** Петра Алексеевича Порошенко еще даже не начал покрываться характерными пятнышками, а Кононенко, армейский друг, который отвечал за все его потоки, уже убежал...* (30.05.2019)

Политический мир Украины – это *кладбище, погост с могильными плитами*, а политики мертвецы, *трупы, совершенные ужасы*, т.к. за каждым

длинный хвост преступлений (тактика развенчания).

После просмотра видео с участием М. Саакашвили, в котором он обвиняет П. Порошенко в грязном пиаре, В. Соловьев говорит следующее:

Посмотрите, вот можно еще раз картинку вывести? Вот Дмитрий очень точно заметил: это же картинка из ада. У него за спиной вот плавают эти языки пламени. Петя смотри на Мишу – тебя тоже ждет ад. И звуки как в котле. Но Мишико предупредил и тут же последовал ответ, видео-ответ, видно машэ ужэ работает. (03.04.2019)

Во время видеообращения за спиной М. Саакашвили просматривался красный фон, на котором иногда мигал какой-то свет, что и породило ассоциации с *адом* и *языками пламени*. В. Соловьев обращается «подомашнему» [Иссерс 1999 а): 124] к политическим лидерам (*Петя* и *Миша*), что снижает их значимость и способствует реализации коммуникативной тактики угроза расплатой за содеянное. И в конце он имитирует речь М. Саакашвили, что усиливает конфронтационность коммуникативной тактики развенчания.

Общая картина загробного мира дополняется образом расплаты за грехи: *ад, языки пламени, котёл*.

В целом данный образ реализует коммуникативную тактику развенчания, которая усиливается тактикой угроза.

7. Образ «рабовладельческий мир».

Д. Куликов (о Ю. Тимошенко): *Первое, что нужно понять – это высокую степень контроля американцев за тем, что происходит. (03.04.2019).*

С.А. Багдасаров (комментирует позицию своего оппонента В. Ковтуна по Украине): *Украина – это не самостоятельное государство, точнее ее руководство не являются руководителями самостоятельного плана, это холоуи Соединенных Штатов. Вы даже посмотрите, как Слава себя ведет. При слове «Соединённые Штаты» начинает прыгать, целовать все в восторге и говорить: «О, США – это все, это все!». Это психология*

вассалов. (05.03.2018)

Политическое руководство, а потому и вся Украина находятся под полным контролем со стороны США, выполняют роль *холуёв* и *вассалов*:

«**Холуй.** Разг. 2. О раболепствующем, прислуживающемся человеке» [БТСРЯ 1998: 1056];

«**Вассал.** 2. Книжн. О том, кто (что) подчиняется кому-, чему-л., зависит от кого-, чего-л.» [БТСРЯ 1998: 112].

Данная оценка приобретает оттенок субъективной в силу нарушения сферы функционирования лексем (тактика обвинения и очернения): *холуй* (понижение стилистического регистра) и *вассал* (повышение стилистического регистра). На тактику очернения также работает приём гротескного изображения реакции оппонента (*При слове «Соединённые Штаты» начинает прыгать, целовать все в восторге*), а также приём преувеличения (...и говорить: «О, США – это все, это все!»).

Имплицитно репрезентированы и образ рабовладельца – США (*США – это все*), а также образ обобщённого представления данного явления в целом, причём через противопоставление: *рабство – свобода*.

В качестве контраргумента В. Соловьёв приводит Иосифу Райхельгаузу пример проявления рабской психологии из сталинских времён:

И напомним, интеллигенция не встала против Сталина, а лизала и целовала все, что давали лизать и целовать. (05.03.2018)

«**Лизать.** 3. пренебр. Целовать. ◇ Лизать пятки (ноги, руки) кому. Пресмыкаться, унижаться перед кем-то, подхалимствуя» [СРЯ 1985-1988, т. 2: 182];

«**Лизать зад кому, вульг.** Пресмыкаться, **холуйствовать** перед кем-л.» [БТСРЯ 1998: 239].

В данном фрагменте текста также представлено обвинение (тактика обвинения и очернения) в *холуйстве* (*холуйствовать*), которое адресовано, в том числе его собеседнику.

8. Образ «игра».

Образ «игра», как правило, реализуется через образ «театр». Однако в исследуемом дискурсивном пространстве он получает дополнительную интерпретацию, например:

Идет шахматная игра в Латинской Америке. Американцы играют ее лучше. У них лучшие карты, они удобнее» (24.01.2019)

«**Игра.** 5. Преднамеренный (обычно неблагоприятный) ряд действий, преследующий определённую цель; интриги, тайные замыслы. *Дипломатическая, политическая игра*» [БТСРЯ 1998: 373].

Политика США по отношению к Венесуэле представлена в образе *игры*, которая в данном значении имеет негативные коннотации, усиливающиеся за счёт мены в тексте *шахматной* игры на *карточную*, а также фразы *они удобнее*, что имплицитно дополняет образ *нечестной* игры (*США могут выбирать те карты, которые для них более удобны в каждой конкретной ситуации, т.е. США – шулер*). Именно поэтому *Американцы играют ее лучше* (тактика обвинения).

Образ *шахматной* игры прилагается и ко всей мировой политике:

Я. Кедми: *Это шахматы. Это огромная мировая шахматная доска, на ней надо играть. Для того, чтобы играть, надо иметь силу духа.*

В. Жириновский: *Русские всегда проигрывали в шахматы.* (24.01.2019)

Я. Кедми говорит о необходимости обладать определённым качеством для игры в шахматы, а В. Жириновский переключает тему на результат игры в шахматы. Данное коммуникативное поведение является типичным для ток-шоу и обусловлено коммуникативной тактикой контроля над инициативой, в данном случае – перехват инициативы.

9. Образ «субъект власти».

В. Соловьёв: *Ну там же господа Мураев, Шмураев – не хочу даже все фамилии перечислять. Они все каждый уже царёк.* (24.01.2019)

«**Царёк.** 1. Уничиж. к Царь» [БТСРЯ 1998: 1457].

Сниженная стилистическая помета, сопровождающая толкование значения данной лексемы в словаре, указывает на необоснованность притязаний со стороны большинства украинских политиков на место президента Украины (тактика развенчания).

По этой же схеме работает слово *президентик* (тактика развенчания):

К. Долгов: *Не нужно удивляться, если человек родного брата заказал, ну, о чем мы говорим!*

В. Соловьев: *Ну и у вас и президентик, скажу я вам! (25.03.2019)*

В следующем примере данная коммуникативная тактика реализуется при помощи лексемы *гетман*, которая называет историческую реалию, уже давно не существующую в современном мире, а потому и соответствующие притязания на власть также не обоснованы:

В. Соловьев: *А как, Вячеслав Николаевич (Ковтун)? Вот вы, человек мощный, решительный, давайте представим на секунду, что вы стали гетманом. И вот вы – руководитель Украины. Я совершенно не шучу. (06.06.2019)*

«Гетман. 1. На Украине в 16-17 вв.: выборный начальник казацкого войска. 2. На Украине в 1657-1664 гг.: верховный правитель Украины» [БТСРЯ 1998: 201].

Лексема *фараон* реализует такую же функцию:

Я вам обещал показать фараон. Я знаю, что она Фарион. (03.04.2019)

Исследованные метафорические образы, реализующие коммуникативные интенции конфронтационного типа, рассмотрены в данном параграфе с учётом частоты реализации в политическом медиадискурсе, а также интерпретационной эффективности.

Некоторые из этих образов уже изначально являются негативными: «организм и болезнь», «криминальный мир», «животный мир» (применительно к человеку), «ирреальный / загробный мир», «рабовладельческий мир». Другие – приобретают негативную значимость в исследуемом дискурсивном пространстве: «театр», «Библейский мир»,

«игра», «субъект власти».

Данные метафорические образы реализуют широкий набор коммуникативных тактик деструктивного плана. Самыми частотными выступают коммуникативные тактики обвинения, очернения, развенчания и обличения. Намного реже применяются тактики угрозы, предостережения и план. Тактики похвалы, обеления и смягчения оценки встречаются крайне редко. Относительно активно используются метакоммуникативные тактики управления процессом интерпретации и контроля над инициативой (перехват инициативы), направленные на регулирование коммуникации дискуссионного типа.

Установленные коммуникативные тактики реализуют, как правило, две основные коммуникативные стратегии. Первая направлена на дискредитацию предмета речи, а потому выполняет роль инструментальной: это, как правило, политическая власть Украины, действия США и подобное. Вторая предполагает формирование вполне определённого общественного мнения и выступает в качестве содержательной.

Несмотря на позитивные цели, которые преследуются в рамках политического ток-шоу В. Соловьёва, в целом данное коммуникативное пространство представляется чрезвычайно агрессивным, а потому деструктивным. В исследуемом политическом медиадискурсе чётко различается установка на конфликт, которая, однако, сочетается с применением коммуникативных инструментов и кооперационного типа. Любой коммуникативный конфликт предполагает применение средств речевой агрессии, которая с учётом формата политического ток-шоу В. Соловьёва изначально не задумывается в качестве переходной по отношению к зрителю. Однако коммуникативное поведение участников ток-шоу В. Соловьёва, в первую очередь, самого ведущего, воспринимается зрителем как превышение допустимого уровня речевой агрессии. Следствием этого является то, что непереходная агрессия ток-шоу

трансформируется в переходную: «как бы «переадресуется» конкретным окружающим людям, никак лично не повинным в состоянии агрессора» [Михальская 1996: 167-168; см. также: Чернышова 2000: 213].

Активное коммуникативное поведение конфронтационного типа В. Соловьёва делает его участником конфликта, что существенно отличается от роли ведущего ток-шоу «Пусть говорят» А. Малахова: «... в ток-шоу «Пусть говорят» ведущий не является участником речевого конфликта, а провоцирует конфликтную ситуацию между участниками программы. А. Малахов выполняет роль субъекта с деструктивной коммуникативной установкой» [Коверина 2015: 67].

2.4. Нарушение законов формальной логики как источник игрового эффекта

Коммуникативные намерения говорящих в рамках политического медиадискурса очень часто оказываются скрытыми, завуалированными. При этом «существует необозримое множество смыслов, передаваемых имплицитным образом речевыми единицами самых разных уровней» [Дементьев 2006: 13]. Эти свойства языка активно используются в политической сфере: «Политик, манипулируя словами, может доказать, что “черное – это хорошо замаскированное белое, т.е. строит свое доказательство по формуле “X – это Y”... .. Всё это может стать в речи политиков демагогическими злоупотреблениями» [Маслова 2008: 48].

Это требует применения специального лингвистического инструментария для установления истинной коммуникативной стратегии. Одним из наиболее эффективных представляется анализ «...предметно-логической основы текста, конструируемой так называемыми рационально-логическими структурами, непосредственно соотносящими текст с действительностью» [Чернышова 2002: 45]. Данный метод в практике

лингвистической экспертизы, к сожалению, используется крайне редко.

Логико-смысловой анализ текста направлен на выявление логических связей и цепочек и имеет целью, в первую очередь, установление фактов нарушения законов формальной логики: закона тождества, закона достаточного основания (причинно-следственной связи), закона противоречия и закона исключенного третьего. В исследуемом дискурсивном пространстве встречаются нарушения, как правило, только первых трёх законов формальной логики, поэтому остановимся именно на них.

Закон тождества утверждает, что «... в процессе рассуждения каждое осмысленное выражение (понятие, суждение) должно употребляться в одном и том же смысле» [Философский словарь 1991: 460]. Запрещается подменять понятия, актуализировать многозначность, омонимию и т.д. Закон достаточного основания утверждает, что «... положение считается истинным только в том случае, если для него может быть сформулировано достаточное основание» [Философский словарь 1991: 128]. Закон противоречия гласит, что «... два отрицания не могут быть одновременно истинными» [Философский словарь 1991: 372].

В поле нашего зрения находятся только случаи интенционального нарушения законов формальной логики, которые позволяют выявить механизм речевого воздействия на реципиента. Например:

В. Соловьев: *Я хочу вам показать политика, который сегодня впервые не соврал. Его зовут Клинкин. Мой любимчик. Мой маленький мальчик. Покажите нам этого курянина.* (25.04.2019)

«**Политик.** 1. Тот, кто занимается вопросами политики; политический деятель» [СРЯ 1985-1988, т. 3: 261].

В системе языка данное слово не имеет никаких коннотаций. Однако указание на парадоксальный факт (*впервые не соврал*) имплицитно репрезентирует пресуппозицию «*этот политик постоянно врёт*», что способствует наведению контекстуальной негативно-коннотативной семы

«плохой». Данный вид языковой игры построен на манипулировании (нарушении) законами логического мышления (нарушение закона тождества): *политик не может врать, а говорящий относится к данному факту как обыденному, как к норме*. Это, в свою очередь, активизирует импликацию: *«это вовсе не политик»* (тактика развенчания). На смысловом уровне языковая игра построена на основе актуализации многозначности, которая предполагает столкновение энантиосемических значений: *«политик»* – *«не политик»* (некоторые учёные такой тип противоположности трактуют как несимметричную энантиосемию или квазиэнантиосемию; см., например: [Меликян 1998: 84; а также: [Меликян В.Ю. 2010: 169-178; [Melikyan V.Y., Melikyan A.V., Vakulenko D.A. 2016: 128-134; Меликян В.Ю., Меликян А.В. 2018: 348-368]).

Еще один пример, в котором высмеивается прошлое В. Зеленского:

А. Кондратьев: *Почему мы вдруг должны сделать вид, что вот этот Порошенко, Тимошенко, из тюрьмы вышедшая, или клоун Зеленский. Или как комик, прошу прощения. Он не клоун, он не из цирка, он из кинематографа.*

В. Соловьев: *Клоун – это очень уважаемая профессия.* (04.03. 2019)

В данном примере реализуется имплицитное противопоставление: эксплицитный компонент: *клоун – это очень уважаемая профессия*; имплицитный компонент: *комик – это очень неуважаемая профессия*. Однако в данном случае имеет место нарушение закона формальной логики закона тождества, которое выражается в подмене положительной оценки профессии комика на негативную, что не соответствует действительности: обе профессии являются уважаемыми. По мнению говорящего, такая логическая модель должна была подчеркнуть, что В. Зеленский даже на роль *клоуна* не может претендовать, тем более не соответствует должности президента. Данный приём реализует коммуникативную тактику развенчания, а сами лексемы *клоун* и *комик* в переносном значении – коммуникативную тактику очернение. К сожалению, словари практически

не отражают переносное значение данных слов, а также их стилистические характеристики. Однако некоторая информация всё же присутствует:

«**Клоун.** О человеке, разыгрывающем в обществе роль шута» [БТСРЯ 1998: 433];

«**Комик.** 1. Актёр, играющий комические роли || *Разг.* Человек, обладающий способностью смешить окружающих» [СРЯ 1985-1988, т. 2: 82];

«**Комик разг.** Чудак» [Квеселевич 2003: 348];

«**Шут.** *Разг.* Тот, кто балагурит, кривляется на потеху другим, является общим посмешищем» [БТСРЯ 1998: 1508];

«**Чудак.** Человек со странностями, поведение, поступки которого вызывают недоумение, удивление окружающих || *глупый, тупой человек; дурак*» [БТСРЯ 1998: 1485];

«**Дурак.** 1. *Бранно.* Глупый, тупой человек» [БТСРЯ 1998: 288].

Стилевая маркированность данных лексем (*разговорное*), а также тех, которые были выявлены в результате компонентного анализа их семантической структуры (*бранно*), свидетельствует о том, что они неуместны в формате данного ток-шоу, а также по отношению к президенту страны. Но более высоким инвективным потенциалом обладает их семантическая сторона: президент Украины – *чудак, смешит окружающих, разыгрывает в обществе роль шута, балагурит, кривляется на потеху другим, является общим посмешищем; со странностями, поведение, поступки которого вызывают недоумение, удивление окружающих; глупый, тупой; дурак.*

В той же передаче слово *цирк* было реализовано с контекстуально обусловленными негативными коннотациями:

Вы помните точно эту фразу, которую приписывают и Ленину, хотя ее сказал Луначарский, что важнейшим из всех искусств для нас является... Нет, только вы помните, там была еще и вторая часть? Там было кино и цирк. Дело в том, что, когда речь идет об Украине – это к цирку, а не к

кино. (04.03.2019)

В данном фрагменте текста *цирк* оценивается как значительно более низкий вид искусства, а *кино*, наоборот, как более высокий, серьезный (нарушение закона тождества; коммуникативная тактика очернение).

Такой разный, даже противоположный, подход при создании игрового эффекта на основе образов *цирка* и *кинематографа* свидетельствует о том, что В. Соловьёва не интересует форма и содержание языкового знака, а лишь коммуникативная цель, которую он преследует: сформировать негативный образ украинских политиков. Это подрывает доверие к содержанию дискуссии, к авторитету ведущего и, по сути, приводит к противоположному результату: «когда кого-то незаслуженно или чрезмерно обижают, его становится жалко». В. Соловьёв использует чрезмерные ресурсы при реализации коммуникативной стратегии дискредитации, что не только служит фактом проявления речевой агрессии по отношению к зрителю, но и вызывает обратный эффект.

Приём подмены одного понятия другим (закон тождества) получает яркую иллюстрацию через отсылку к метафорическому образу игры, особенно карточной, например:

Идет шахматная игра в Латинской Америке. Американцы играют ее лучше. У них лучшие карты, они удобнее» (24.01.2019)

Политика США по отношению к Венесуэле оценивается негативно, что реализуется, в том числе, за счёт нарушения закона формальной логики закона тождества. Подмена одного факта другим (замена шахматной игры на карточную) репрезентирует идею нечестной игры со стороны США: «начинали вроде бы по правилам, честно (играть в шахматы), а оказалось играем в карты, т.е. соперник жульничает». Грубое нарушение закона формальной логики само по себе выступает в качестве иллюстрации нечестной игры американцев в политической сфере (тактика обвинения).

Подмена одного референта другим в предыдущих примерах была связана с одним и тем же метафорическим образом, к примеру, игра. Такая

замена может носить и более радикальный характер, хотя, безусловно, при условии наличия какой-либо связи, например:

В. Соловьев (В. Ковтуну): *Кстати, а ведь Путин слышал, что ты нашу экономику пигмеем назвал. Минуточку, минуточку, ты карликом нашу экономику назвал.*

В. Ковтун: *Я обратил внимание.*

В. Соловьев: *Ты как нас назвал?*

В. Ковтун: *Я не вас назвал, а вашу экономику. А отдельно великий русский народ...*

В. Соловьев: *А нашу экономику-то как назвал? **Сейчас как выйдет наша русская экономика, она тебе покажет.***

С. Клинкаров: *Я думаю, если бы ты Путина увидел, **даже язык свой сожрал бы.*** (06.06.2019)

«**Карлик.** Человек ненормально маленького роста» [СРЯ 1985-1988, т. 2: 34].

В. Соловьёв, используя намёк, переносит идею негативной оценки размера с одного референта, экономики, на другой – президента России, который, как известно, обладает небольшим ростом (нарушение закона тождества). В результате конфликт получает обострение. Участник программы С. Клинкаров поддерживает созданный образ и использует прямую отсылку к авторитету – *Путин*. При этом происходит актуализации исторической аллюзии, связанной с известной ситуацией, когда М. Саакашвили от волнения начал есть свой галстук. С. Клинкаров усиливает данный эффект за счёт приёма преувеличения: *даже язык свой сожрал бы* (тактика угрозы).

По данной модели может осуществляться подмена не только объекта негативной оценки, но и объекта воздействия, например:

В. Ковтун: *Владимир Владимирович, обратите внимание.*

В. Соловьев: ***Если на вас обратит внимание Путин – вам не понравится.*** (17.06.2019)

Для повышения авторитетности высказанной точки зрения в отношении существования большого миграционного оттока из России В. Ковтун обращается к фигуре президента России. В. Соловьеву не удалось нейтрализовать критику в адрес страны указанием на то, что отток сокращается, а значит российское правительство движется в правильном направлении. Поэтому ведущий меняет вектор развития предмета речи, придавая коммуникации конфликтный характер: *Если на вас обратит внимание Путин – вам не понравится*. Фокус внимания тем самым смещается с информации на самого говорящего. Данный коммуникативный ход реализует тактику угрозы.

В. Соловьев довольно часто смещает фокус с информации на В. Путина, который в следующем примере выступает в роли человека, который может решить любую проблему:

В. Трюхан: *Народ хочет, чтобы пришел кто-то, кто изменит в первую очередь экономическую ситуацию.*

В. Соловьев: ***Владимир Владимирович занят.*** (25.04.2019)

В. Трюхан имел в виду возможную кандидатуру президента Украины, а В. Соловьев перевёл фокус внимания на президента России. Это активизирует импликацию: в Украине нет достойных кандидатов на пост президента (тактика развенчания).

Ещё подобный же пример:

В. Соловьев: *И, кстати, у вас появились кружевные трусики? И все хотели в ЕС. Я просто буду теперь требовать...*

В. Вакаров (перебивает): *Слушайте, это как в том анекдоте, помните. Еврейского солдата спрашивали...*

В. Соловьев: ***Кстати, если вы помните, этот анекдот рассказывал Путин. Приятно, что вы слушаете нашего президента, а не своего.*** (04.09.2018)

В. Соловьев переключает внимание с содержания анекдота на фигуру его рассказчика – президента России. Данный коммуникативный ход

реализует одновременно две тактики: положительной презентации образа президента России и развенчания образа президента Украины.

В следующем примере происходит подмена реального факта вымышленным (нарушение закона тождества):

В. Ковтун (о речи Турчинова): *Я бы очень осторожно подходил к словам чиновника, который недавно потерял должность. Он просто эмоционален, в нем есть...*

В. Соловьев (перебивает): ***Тяжелые переживания, да?***

В. Ковтун: *Я думаю, да.*

В. Соловьев: *Вячеслав Николаевич, а у вас с какого момента наступило тяжелое переживание? После вашего гениального похода в Раду?*

В. Ковтун: ***Я, поминаете, не являюсь государственным чиновником.***

В. Соловьев: ***Да, вас никуда не взяли на работу, я помню.***
(30.05.2019)

Сначала В. Соловьев предмет речи переносит с одного лица (А. Турчинова) на другое (В. Ковтуна), затем подменяет тему об официальном статусе В. Ковтуна на тему о причине отсутствия данного статуса (нарушение закона тождества). Энантисемия (***гениальный поход в Раду***), актуализируемая правым контекстом (***вас никуда не взяли на работу***) усиливает иронию, реализуя тем самым коммуникативную тактику развенчания.

Еще один пример:

В. Соловьев: ***Главой ЦРУ скоро станет бывший посол США в России Уильям Бернс. Его еще называют экспертом по восприятию мира глазами Путина. Я не знал, что он офтальмолог.*** (17.01.2021)

Под фразой ***эксперт по восприятию мира глазами Путина*** подразумевается то, что У. Бернс хорошо понимает действия и поступки В. Путина и может прогнозировать его поведение.

«**Офтальмолог.** Врач – специалист в области офтальмологии» [СРЯ 1985-1988, т. 2: 727];

«**Офтальмология.** Наук о строении глаза, глазных болезнях и их лечении» [СРЯ 1985-1988, т. 2: 727].

В. Соловьев подменяет реальное толкование образа *У. Бернса* вымышленным. Перенос осуществляется на основе общего образа – «глаза». Это способствует значительному снижению значимости обсуждаемой персоны, его принижение, примитивизация: «специалист не по Президенту В. Путину, а специалист по обычным болезням».

В следующем примере происходит подмена реального факта также реальным (нарушение закона тождества):

О. Нилов: *Это было послание всему миру о приглашении, призыве, принуждении, если хотите, к миру...*

В. Соловьев: *Где-то опять вздрогнул Саакашвили. Принуждение к миру он хорошо помнит.* (01.03.2018)

«**Приглашение.** Просьба, предложение сделать что-л., принять участие в чем-л., заняться чем-л.» [СРЯ 1985-1988, т. 3: 400];

«**Призыв** → **Призвать.** 2. Обратиться к кому-л. с требованием, просьбой принять участие в каком-л. деле, присоединиться к какой-л. деятельности» [СРЯ т. 3: 410];

«**Принуждение** → **Принудить.** Заставить что-л. сделать [СРЯ 1985-1988, т. 3: 428].

В данном контексте слово *принуждение* приобретает несколько иное значение, которое не зафиксировано словарём, но детерминировано смысловой доминантой синонимического ряда: «*вербальное воздействие на адресата*». Сочетание же *принуждение к миру* стало активно использоваться в русском языке после вооружённого конфликта между Грузией и Южной Осетией в 2008 году: *действия, предпринимаемые для прекращения вооружённого конфликта, с использованием вооружённых сил или иные (политические, экономические, правовые, финансовые санкции).* В.

Соловьев подменяет слово *принуждение* на устойчивое сочетание *принуждение к миру*, а также соотносит последнее с новым лицом (М. Саакашвили) и другой ситуацией (2008 года), в результате чего градус конфронтационности значительно возрос (тактика угрозы): предмет речи сместился с события оглашения послания президента к событиям вооружённого конфликта, с акта коммуникации на акт вооружённого насилия (нарушение закона тождества).

В следующем примере происходит подмена реального факта ирреальным (нарушение закона тождества):

В. Вакаров: *Карен, вот я, как и вы, как и многие здесь присутствующие застал себя в Советском Союзе. В 91 году у меня не было выбора за кого голосовать. Советский Союз распался, мне сказали, что вот мы будем строить другое государство. Какое? Я не знал. А вот в 14 году на нас **напали**. Я не буду жестко говорить, кто **напал**, кто **агрессор**.*

В. Соловьев (перебивает): ***Блохи на вас напали на Майдане. Вы стали чесаться и кричать: «Хотим в ЕС и кружевные трусики!».*** (04.09.2019)

В. Вакаров имплицитно называет в качестве агрессора Россию (отсылка к событиям 2014 года в Крыму). В. Соловьев подменяет предмет речи другим событием – на Майдане. При этом придаёт второму сюрреалистический гиперболический характер, что порождает иронию, недоверие к точке зрения оппонента (тактика развенчания).

Подмена одного референта другим может осуществляться не полностью, например:

Я. Корейба: *Содержать империю – это дорого.*

В. Соловьев: *Скажите это американцам и Европе, чтобы они перестали содержать Польшу.*

Я. Корейба: *У американцев есть деньги на Польшу.*

В. Соловьев: *Дорого? Вы мне объясните, если вы такие дорогие, что вы даете взамен?*

Я. Корейба: *Они напечатают.*

В. Соловьев: *Но они же вас содержат? Становитесь самостоятельными.*

Я. Корейба: *Мы тоже не можем оплачивать им то, что они могут нам дать бесплатно.*

В. Соловьев: *Вас содержат. Вам не стыдно? Взрослый мужчина, а вас содержат.* (01.10.2018)

«Содержать. Обеспечивать средствами к жизни, иметь на своем иждивении» [СРЯ 1985-1988, т. 4: 181].

В данном примере говорящий смещает ракурс внимания с уровня международных отношений на уровень межличностных отношений (нарушение закона тождества): когда родители содержат взрослого сына-бездельника или когда женщина вынуждена содержать мужчину-лентяя. Тем самым Я. Корейба (в том числе Польша) обвиняются в иждивенчестве (тактика обвинения):

«Иждивенец. Тот, кто постоянно пользуется помощью со стороны, не используя свои силы, собственные средства и т.п.» [БТСРЯ 1998: 376].

С учётом того, что обвинения контекстуально предусматривают обоих объектов, можно говорить о приёме создания референциальной неоднозначности.

Еще пример подмены общего на частное:

В. Трюхан: *В такой ситуации, во время такой избирательной кампании, когда летят черные лебеди, когда вот такой компромат, люди готовы голосовать за черта лысого, лишь бы каким-то образом изменить ситуацию в стране. Это я утрирую.*

В. Соловьев: *Минутку. Ковтун не участвует в выборах, поэтому никакого черта лысого у вас в выборах нет. Ковтун не заявился.* (25.03.2019)

Выражение *за чёрта лысого* означает «за кого угодно». В. Соловьев использует формальное сходство чёрта, который лыс, и В. Ковтуна, который

также лыс. Подмена ирреального существа конкретным человеком (нарушение закона тождества) порождает комический эффект и реализует коммуникативную тактику развенчания надежд украинцев на какие-либо позитивные изменения в политической жизни страны.

Пример:

В. Жириновский: *Прослушав все, что нам обещали по семье, я уверен, что количество обратившихся в загсы резко увеличится, а в ноябре все они поедут в новые родильные дома.*

В. Соловьев: *То есть нам с вами пора возвращаться, да, в большой спорт? То есть уходим с тренировочной работы в большой спорт?* (25.03.2019)

Подмена образа россиян, которые готовы будут создать семьи, на образ В. Жириновского и В. Соловьева, которым, по мнению ведущего, стоит последовать их примеру (нарушение закона тождества), снижает уровень положительной оценки мер руководства страны по улучшению демографической ситуации. Предложение сменить статус – с тренера на действующего спортсмена – даже несколько опошляет предмет речи (тактика дискредитации идеи), что негативно влияет на достижение поставленных перед данным ток-шоу задач.

Нарушение законов формальной логики осуществляется по двум когнитивным моделям.

Рассмотрим пример:

В. Соловьев: *Сбылась мечта Петра Порошенко: он стал членом ЕС. У него даже членский билет есть, с каким-то сумасшедшим номером. Нет, в Евросоюз его, конечно, не взяли. Поэтому человек проявил изобретательность и вступил в свою личную маленькую ЕС партию – Европейская Солидарность.* (30.05.2019).

Говорящий предьявляет аббревиатуру ЕС, основным вариантом расшифровки которой является словосочетание *Европейский Союз*. Такому толкованию данной аббревиатуры способствует наличие пресуппозиции в

форме знания о том, что Украина давно и настойчиво стремится вступить в ЕС. Однако далее происходит актуализация совсем другого значения данной аббревиатуры (точнее – омонимичной аббревиатуры): *партия Европейская Солидарность*. Эффект обманутого ожидания, а также несоотнесенность по статусу, престижу и оценке двух объектов (*Европейский Союз – Европейская Солидарность*, член *Европейского Союза* – член партии *Европейская Солидарность*) приводят к продуцированию комического эффекта, а также осмеянию и развенчанию фигуры П. Порошенко.

Рассмотрим другой пример:

В. Соловьев (В. Ковтуну): *У вас какой космический корабль последний раз летал?*

В. Корнилов: *Сколько космонавтов украинских в космосе было?*

В. Соловьев: *У вас есть хоть один космический корабль?*

И. Коротченко: *Солоха на метле, вечера на хуторе близ Диканьки, вот ваш уровень, украинской космонавтики. Мы не отрицаем, что у нас есть проблемы, но они не носят системный характер. Мы – лидеры в области космоса и гражданского и военного. Украина – у разбитого корыта.* (16.10.2018)

Первые два высказывания формально выступают в качестве вопросительных и предполагают исключительно отрицательный ответ, который вытекает из соответствующей пресуппозиции и представлен имплицитно. Эти вопросы можно трактовать как риторические, т.е. не требующие ответа, а содержащие суждение в отрицательной форме: 1) *У вас ни одного космического корабля не летало. У вас вообще нет космических кораблей;* 2) *Украинских космонавтов вообще не было в космосе.*

Вполне естественно предположить развитие дальнейшего дискурса по этой же модели. Однако после третьего высказывания (предположительно риторического вопроса) следует ответная реплика, которая возвращает стимулирующей реплике статус вопросительного предложения. Этот ответ

репрезентирован в прямой развёрнутой эксплицитной форме. Данный ответ представляет собой литературную аллюзию на произведение Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», персонажи и реалии которого выступают в качестве оценки уровня развития космонавтики в Украине. Формально положительный ответ на вопрос *У вас есть хоть один космический корабль?* на самом деле оказывается отрицательным: *У вас нет ни одного космического корабля.* Эффект обманутого ожидания, а также несопоставимость сравниваемых объектов порождают комический эффект, который усиливается за счёт эксплицитного противопоставления: *Мы – лидеры в области космоса и гражданского и военного. Украина – у разбитого корыта* (тактика развенчания).

Таким образом, если в первом примере значения омонимичных слов представлены последовательно, то в данном случае отрицательный ответ предъявлен в форме утвердительного, т.е. одновременно. Хотя следует признать, что соответствующие мыслительные операции производятся тоже последовательно. Дополнительный эффект выразительности связан с энантиосемией по знаку: «+» – «-».

Гораздо реже нарушается закон достаточного основания (причинно-следственной связи), например:

В. Ковтун: *Это все пустые слова. Никакого другого пути экспортировать газ в Европу, кроме как через украинскую газотранспортную систему, нет. Если кто-то хочет зарядить, вот эти новые ракеты, которые нам показали, газом сжиженным, и отправлять его напрямую в Вашингтон, или там в Майами, как вы сказали, – это другой вопрос.*

В. Соловьев: *Слав, я не понял: а мы сейчас газ в Вашингтон и в Майами поставляем? Через украинскую...*

В. Ковтун: *Ну, знаете, я сейчас под впечатлением.*

В. Соловьев: *Нет, я не понял. То есть через украинскую газотранспортную систему мы поставляем газ в Майами и*

Вашингтон?

В. Ковтун: *нет, не поставляете.*

В. Соловьев: *Извините, я уже слышал ваши познания в географии. А в каких Европейских странах находится Майами и Вашингтон в вашем представлении?*

В. Ковтун: *Ни в каких. Они находятся в Америке.*

В. Соловьев: *А газотранспортная система... А то есть Украина протянулась до Амэрики, да? То есть Встрэчай у мене. Встрэчай у мене.*

В. Ковтун: *Знаете, это сарказм, но в данном случае он не уместен.*

В. Соловьев: ***Браво, Слава, вы стали понимать сарказм.***

(05.03.2018)

Из рассуждений В. Ковтуна В. Соловьёв делает вывод, который не является очевидным, но который необходим говорящему для реализации авторских интенций негативного плана.

Попытка ведущего «выставить собеседника полным идиотом» (тактика обличения), реализуемая сразу несколькими коммуникативными ходами, превращает политическое ток-шоу в балаган и препятствует достижению необходимых интенций.

Такая же попытка установить требуемые, удобные для говорящего причинно-следственные связи между фактами, усиленная приёмом преувеличения, мистификации, представлена в следующем примере:

С. Станкевич: *...Международными гарантами, проведения этих выборов могли бы выступить Китай, Россия, Турция, ну и, может быть, Мексика. Почему бы и нет. Которые могли бы образовать группу друзей Венесуэлы. Есть же группа друзей, европейских друзей Сирии. Вот будет группа друзей Венесуэлы.*

В. Соловьев (вздыхает): *О, господи.*

С. Станкевич: *Эта группа друзей Венесуэлы могла бы одновременно провести кампанию по мобилизации международной гуманитарной помощи народу Венесуэлы в преддверии выборов. По-моему, очень разумный*

и очень реалистичный план. А вот альтернатива этому – это гражданская, черный сценарий, это гражданская война с прямой внешней интервенцией. Вот не будет позитивного сценария и будет черный сценарий.

В. Жириновский: *Где так получилось? Есть примеры? Все это фантазии.*

В. Соловьев: ***Не хватает для плана Сергея хрустальный мостик построить из Москвы до Каракаса. Хрустальный мостик, а по нему пустить самоходную машину.***

В. Станкевич: *Что нереалистичного в этом плане?*

В. Соловьев: *В этом нереалистичном плане – все, потому что, если все-таки помнить регион, о котором мы говорим, и четко понимать, что мы говорим о товарище Монро, который никуда не делся, и который отнюдь не Мерлин, и который не женщина точно. И нравится вам или не нравится, но Американцы реализуют доктрину Монро четко и ясно. Поэтому никакой возможности ни у какой из стран просто так взять и сказать: а мы сейчас здесь будем – не получится. (24.01.2019)*

Хрусталь ассоциируется с чем-то легким, изящным. Очень часто прибегают к данной ассоциации в сказках: в «Золушке» – хрустальная туфелька, в «Волшебном кольце» – мост из хрусталя от дома героя до царского дворца. Аллюзия на сказки усиливает эффект нереальности, сказочности обсуждаемой идеи (тактика развенчания). Всё это способствует трансформации данного фрагмента текста в демагогический.

Так же редко встречается нарушение закона формальной логики (не-)противоречия, например:

В. Соловьев: *А нацгвардия – это они?*

Г. Белов: *Нет, нацгвардия – это другое.*

В. Соловьев: *Нацгвардия – кто сейчас?... Но они в структуре нацгвардии? И они борются с коррупцией при том, что вчера арестовали руководителя нацгвардии за коррупцию. Пчелы против меда что ли?*

(15.05.2019)

В данном фрагменте текста речь идёт о том, что нацгвардия коррумпирована, что подтверждается арестом её руководителя, т.е. она «за коррупцию». При этом нацгвардия арестовала своего руководителя, что означает, что она «против коррупции» (*Пчелы против мёда что ли?*). В данном случае нарушен закон противоречия, который гласит, что два взаимоисключающих суждения не могут быть одновременно истинными. В. Соловьёв использует алогизм, чтобы подчеркнуть нелепость обсуждаемой ситуации (тактика обличения). Комизм усиливается игровым приёмом, основанном на построении параллельно образу взаимоотношений между пчёлами и мёдом: «пчёлы не могут быть против мёда».

Анализ политического медиадискурса показал, что адресант чаще всего преследует коммуникативные цели, скрываемые от адресата. Причиной этого является то, что, во-первых, это делается в рамках острого противостояния политических идей и подходов. Во-вторых, прямое убеждение в политической сфере, как правило, не работает, т.к. политическая сфера ассоциируется в сознании граждан как нечто, не вызывающее доверия, а потому, по мнению адресанта, требует маскировки коммуникативных намерений и действий.

Случаи интенционального нарушения законов формальной логики позволили выявить наиболее частотные механизмы обхода критического мышления реципиента, позволяющие эффективно реализовывать речевое воздействие и обусловленные в определённой степени спецификой сферы применения: «Вербальное выражение намерений по отношению к собеседнику в некоторых ситуациях неприемлемо, поэтому важность имплицитного поведения возрастает в ситуациях, когда взаимодействуют незнакомые люди и один пытается оказать влияние на другого (как это происходит при чтении речей политиками или в рекламе)» [Меграбян 2001: 26].

Чаще всего коммуникантами нарушается закон тождества, что

связано с реализацией, как правило, коммуникативной тактики развенчания, а также тактик угрозы, обвинения, обличения, очернения (тактики перечислены по степени частотности реализации в тексте). Крайне редко встречаются тактики кооперационного типа, например, положительной презентации, что подтверждает неэффективность коммуникативных инструментов воздействия подобного рода в рамках исследуемого объектного пространства.

Выявлены также коммуникативные аномалии (неудачи), которые обусловлены непреднамеренным нанесением вреда (точнее – автовреда) коммуникативным намерениям говорящего, например, тактика дискредитации идеи.

Гораздо реже нарушаются законы достаточного основания и противоречия, которые, как правило, связаны с реализацией тактик обличения и развенчания.

2.5. Приёмы речевой игры

В данном параграфе рассмотрим некоторые речевые приёмы, основанные на языковой игре и по тем или иным причинам не получившие адекватной интерпретации в предыдущих параграфах. При этом сделаем акцент на исследовании нарушений норм коммуникации. «Коммуникативные правила не освещаются писанным законом, они вырабатываются в практике общения с учетом факторов результативности и принимаются, признаются на основе общего соглашения» [Кусов 2005: 42]. Таким образом, коммуникативные нормы, по сути, представляют собой нормы этико-коммуникативные, т.е. «нормы, ориентированные на обеспечение максимально возможной эффективности общения в любой коммуникативной ситуации с учетом всех ее особенностей» [Савова, 2009: 26]. Коммуникант, нарушающий коммуникативно-этические нормы

воспринимается аудиторией «как аморальный субъект, который стремится навязать обществу свои корыстные и вредоносные замыслы» [Волков 2009: 103].

Анализ речевых приёмов, основанных на языковой игре и обусловленных нарушением тех или иных этико-коммуникативных норм, будем осуществлять, прежде всего, с опорой на базовые принципы кооперации.

Обыгрывание постулата ясности (намёк), например:

В. Ковтун: *Зачем были программы по русскому ТВ, что это вредно, отравляет окружающую среду?*

В. Соловьев: *Потому что это реально крайне опасная технология, поэтому она запрещена в Европе, потому что она приводит к разрушению плодородного слоя и ко многим другим вещам. Слав, ну вы же глубоко изучили три цифры, добавьте к ним еще две книги.* (05.03.2018).

В данном примере ирония строится на переключении с одной темы (общественной) на другую (личную). При этом вторая тема формулируется приблизительно, нечётко. Коммуникативный постулат ясности предписывает говорить ясно и избегать неоднозначности. Такая интерпретация предмета речи призвана породить намёк, с учётом её содержания, на некомпетентность и даже необразованность собеседника (тактика обличения), что усиливается приёмом гиперболизации.

Высказывания, нарушающие постулат истинности (указание минимума) «... содержат оператор типа «хотя бы», по крайней мере» [Санников 1999: 418], например:

В. Жириновский: *Подсчитать же надо. Мы помогаем Венесуэле, теряем 100 миллиардов долларов. Если не помогаем, теряем по нашей нефти триллион. Вы немножко детскую арифметику понимаете? Сколько мы потеряем, если Венесуэла будет не нашей? И хлынет на мировой рынок. Потеряем триллион долларов. А если поможем – сто миллиардов долларов. Так что делать? Вам дети скажут, что надо*

делать. Дядя, спасай триллион, и пропади пропадом сто миллиардов!
(24.01.2019).

Отсылка к детскому (т.е. минимальному) уровню владения арифметикой призвано убедить собеседника в правильности излагаемой коммуникантом точки зрения (тактика убеждения).

Уход от ответа представляет собой нежелание собеседника давать прямой ответ (нарушение максимы такта). Тем самым нарушается целостность и информативность диалога, например:

В. Соловьев: *Правительство чье?*

В. Ковтун: *Правительство будет делать то, что ему скажут.*

В. Соловьев: *Правительство чье?*

В. Ковтун: *Украинское.*

В. Соловьев: *А руководит им кто?*

В. Ковтун: *Тот, кого назначили.*

В. Корнилов: *Украинец.*

В. Соловьев (кричит): *Зовут как?*

В. Ковтун: *Гройсман.*

В. Соловьев: *Молодец.*

В. Ковтун: *Вы мне дали ровно одну минуту, отвечая как на допросе.* (30.05.2019).

Ответной фразой *Правительство будет делать то, что ему скажут* В. Ковтун по сути производит подмену предшествующей вопросительной реплики, пытаясь переформатировать диалог и направить его в более благоприятное русло. Данные когнитивные трансформации очень похожи на нарушение логического закона тождества. Однако есть и отличие, которое заключается в подмене информации не в рамках своей тематической партии, а собеседника. То же самое имеет место и в двух последующих диалогических единствах. Подобные коммуникативные действия негативно характеризуют говорящего, причём это автохарактеристика (тактика вынужденной негативной самопрезентации).

В подобных коммуникативных условиях говорящий вынужден предпринимать защитные действия, от него ничего не зависит, он пассивен.

Вот еще один пример, когда В. Ковтун избегает прямо отвечать на вопрос:

В. Соловьев: *Скажите мне, пожалуйста, из этих парламентариев, они какие страны представляют.*

В. Ковтун: *535.*

В. Соловьев: *да, да, да. Из каких стран?*

В. Ковтун: *Да изо всех.*

В. Соловьев: *Вот эти все страны где были во время Великой Отечественной войны? На какой стороне?*

В. Ковтун: *Вы знаете. Мы живем в современном.*

В. Соловьев: *Еще раз спрашиваю. Они были на какой стороне?*

В. Ковтун: *По-разному.*

В. Соловьев: *Вячеслав Николаевич, на какой стороне они были?*

В. Ковтун: *По-разному. (08.04.2020)*

В. Соловьев хочет услышать от своего оппонента то, что эти страны сотрудничали с фашистской Германией во время Великой Отечественной войны. Такой ответ по понятным причинам не выгоден В. Ковтуну, поэтому он пытается избежать этого.

Увод от ответа представляет собой нежелание говорящего позволить собеседнику дать прямой ответ (нарушение постулата релевантности), например:

В. Вакаров: *Итак, у нас есть уже два президента: старый и новый. У нас есть два верховных суда в Украине: Верховный суд и Верховный суд Украины. Теперь у нас будет два Конституционных Суда. Ну, давайте еще возьмем двух главнокомандующих. Это что? Это знаете, о чем говорит?*

В. Соловьев: *Что вы просто бухаете? У вас все двоится?... Страна вечной белочки? (15.05.2019).*

На свой риторический вопрос В. Вакаров намеревался сделать вывод,

который был невыгоден организатору диалога. Последний сознательно переключает внимание зрителей на другой аспект предмета речи, выставяя своего оппонента в негативном свете (тактика обличения). Осмеянию собеседника способствует также приёмы гиперболизации и генерализации: *Страна вечной белочки* (т.е. алкоголики).

В подобных коммуникативных условиях говорящий по своей инициативе предпринимает защитные действия, всё зависит от него, он активен.

В отличие от приёма ухода от ответа в подобных случаях говорящий производит подмену одного предмета речи на другой на вполне законных основаниях, аргументируя свои коммуникативные действия.

Ещё подобный пример:

А в этом диалоге речь идет о Ю. Тимошенко:

В. Вакаров: *Вот видите, вам не подходит, потому что она (Ю. Тимошенко) в тюрьме сидела. А за что она сидела в тюрьме, кстати?*

В. Соловьев: *Да мне вообще наплевать, за что она сидела. Я не понимаю, за что ее выпустили.* (04.03.2019).

В. Вакаров задает вопрос, чтобы обвинить одну из сторон в незаконности уголовного преследования в отношении Ю. Тимошенко. Однако В. Соловьев переключает внимание на причину её освобождения, тем самым репрезентируя пресуппозицию законности её осуждения.

Приём ухода от ответа похож приём «перевода стрелок». Он применяется в тех случаях, когда негативная оценка предмета речи уже неизбежна, поэтому для сохранения контроля над развитием темы эта негативная оценка применяется по отношению к новому референту (нарушение постулата релевантности). В программе от 30.05.2019 г. В. Соловьев упомянул о появлении в Украине новой партии Ольги Поляковой, аббревиатурой которой, как заявила сама О. Полякова, является следующее сочетание: ПОПА. А если добавить слово *женская*, то получится еще более смешно. По этому поводу между ведущим и В. Ковтуном произошел

следующий диалог:

В. Соловьев: *Это деградация вашей политической системы.*

В. Ковтун: *Какая деградация? У вас все, если не сидит где-то в членовозе там, в галстук, и еще в кабинете вокруг увешенные этими своими заместителями, которые стоят и поддакивают – это государственный деятель, партийный лидер. Сейчас другие времена, люди хотят видеть молодых, активных, энергичных.*

В. Соловьев: *Вячеслав Николаевич, вы сейчас о ком говорите? Вы сейчас про Америку так обидно?* (30.05.2019).

В. Ковтун строит своё высказывание на противопоставлении негативного образа российского чиновника, который всегда в галстук и которого всегда все должны слушать, и украинского чиновника, молодого, активного и энергичного.

В. Соловьев же предпринимает попытку уйти от созданного негативного образа России и перевести его на США (тактика обличения): *Вячеслав Николаевич, вы сейчас о ком говорите? Вы сейчас про Америку так обидно?*

Приём «анализ-«минус» представляет собой репрезентацию предмета речи при помощи вторичных, косвенных форм (чаще всего негативной оценки через положительную или нейтральную). С этой целью используются разнообразные приёмы имплицитного выражения негативного отношения к предмету речи: «Создание повышенного эмоционального фона, сопровождающего отрицательную оценку, может быть осуществлено в различных, в том числе и косвенных, формах» [Доронина 2005: 31].

Одним из наиболее частотных является употребление имени собственного в роли нарицательного (морфологический приём), например:

В. Соловьев: *Хорошо, у нас это был Чубайс, а у вас кто?*

С. Килинкаров: *Ну, у нас тоже были.*

В. Соловьев: *Ваш Чубайс?*

С. Килинкаров: *Маленькие чубайсы, вот такие вот (показывает размер пальцами). Их было очень много.*

В. Соловьев: *У меня было такое ощущение, что они заводятся, а потом не выведешь. Если завелся чубайс (показывает руками, как будто давит тапком кого-то). (25.03.2019).*

В начале данного фрагмента текста фамилия *Чубайс* является именем собственным. В. Соловьев называет конкретного человека А. Чубайса – известного политического деятеля России. Во второй реплике фамилия *Чубайс* приобретает оттенок значения собирательности: *Ваш Чубайс?*. Тем самым В. Соловьев указывает на распространённость данного негативного политического феномена. Далее С. Килинкаров уже употребляет это имя собственное в значении нарицательного. Кроме того, оно совмещается со словом *маленький*, что призвано указать на мелкую природу таких людей, которых, однако, очень много. В результате возникают ассоциации с бытовыми насекомыми. Лексемы *заводиться* («**Завестись**. 1. только 3 л. Появиться, возникнуть, оказаться в наличии. В доме завелись мыши» [БТСРЯ 1998: 313]) и *выводить / вывести* («**Вывести**. 5. кого-что. Уничтожить, истребить. Вывести тараканов» [БТСРЯ 1998: 167]), а также характерное движение руками, имитирующее применение тапка против тараканов, не оставляют сомнений в выборе соответствующего образа.

Таким образом осуществляется импликация негативной характеристики обсуждаемых лиц, а также продуцирование комического эффекта: самого А. Чубайса, а также украинских политиков, выступающих в сходном политическом амплуа. Грубое нарушение норм лексико-семантической сочетаемости (о человеке как о насекомом / таракане) придаёт данному коммуникативному приёму высокий уровень речевой агрессии и может быть квалифицировано как коммуникативная тактика очернения (нарушение максимы одобрения).

Гораздо менее яркий образ (тактика развенчания) репрезентирован именем нарицательным *фарионы* (об Ирине Дмитриевне Фарион –

политическом деятеле Украины):

В. Соловьев: *Наконец-то, Василий. Мы вам уже год в студии рассказываем про то, что, да, у вас рулят такие вот **фарионы**. (03.04.2019)*

Ещё менее выразительны имена нарицательные, образованные от имён собственных, называющих неодушевлённые объекты, например, названия исторических событий (тактика обличения; нарушение максимы одобрения):

*Я вообще против института президента как такого в Украине, потому что каждые выборы, ну почти каждые, там 90 годы, ладно. А вот потом были и **Майданы**, и **война**. (03.03.2019).*

«**Майдан** – площадь, где происходят сходки, собрания, митинги, а также в торговые дни базары (в южных областях РСФСР, на Украине)» [СРЯ 1985-1988, т. 2: 216].

Интенциональное нарушение правил предложно-падежной сочетаемости может порождать комический эффект, имплицитно указывая на необоснованность позиции оппонента, например:

В программе от 25.03.2019 г. В.В. Трюхан высказал свое недовольство в отношении переговоров между премьер-министром России Д.А. Медведевым и оппозиционными политиками Украины В.В. Медведчуком и Ю.А. Бойко. Он считал, что эти люди не могли вести никаких переговоров без разрешения украинской власти, а прокуратуре Украины следовало бы завести уголовное дело по факту превышения ими должностных полномочий.

В. Соловьев: *А правильно я понимаю, что Тимошенко надо арестовать за то, что она туалетом подстерегала Трампа?*

Данный инцидент произошел 2 февраля 2017 года [<https://news.rambler.ru/world/36010150-yuliya-timoshenko-podkaraulila-donald-trampa-okolo-tualeta-vvs/>].

Нормативным является предложно-падежное сочетание *около / возле туалета* (родительный падеж вместо творительного). С точки зрения

логики данное выражение вообще не имеет смысла. Однако соответствующая пресуппозиция (знание о данном событии) позволяет его правильно интерпретировать. Речевая аномалия чётко коррелирует с поведенческой, точнее – комической ситуацией, когда Ю. Тимошенко поджидала Д. Трампа около туалета, существенно усиливая комический эффект и реализуя коммуникативную тактику обвинения своего оппонента в некомпетентности: оппонент также не прав, как неправа Ю. Тимошенко в указанной ситуации, как не прав говорящий, допустивший намеренное нарушение правил предложно-падежного согласования. Такая когнитивная модель репрезентации негативной оценки является косвенной, что позволяет адресанту дополнительно реализовать тактику развенчания (нарушение максимы согласия).

Имплицитное выражение негативного отношения к предмету речи может быть построено по модели обыгрывания лексико-грамматической категории одушевленности / неодушевленности, например:

В. Соловьёв: *А Зеленский о чем?*

А. Метлёв: *Зеленский о том, о чем все остальные...*

В. Соловьёв: *Нет, главный вопрос – Зеленский о чем? Нет, ну я серьезно спрашиваю. Зеленский – он о чём?* (04.03.2019).

Нарушение правил лексико-грамматической сочетаемости приводит к подмене одушевлённого предмета речи на неодушевлённый (сравнению человека с предметом), грубо нарушает коммуникативные принципы вежливости (нарушение постулата качества) и реализует тактику очернения. Высокий уровень речевой агрессии вынуждает собеседника применить тактику ухода от ответа.

Реализация данного приёма в отношении олигархов (изменение одного из дискурсивных условий) несколько снижает градус агрессивности, например:

В. Соловьёв: *А есть, извините, предмет, который не стал олигархом на Украине?* (25.03.2019).

Данный прием позволяет сформировать резко негативное отношение к подобным персоналиям.

Гораздо реже приём «анализ-«минус» реализуется за счёт средств словообразовательного уровня, например:

В. Вакаров: *К сожалению, у нас граждане Украины, разделившись на национал-патриотов, считают, что Порошенко – коррупционер, вор, мошенник, казнокрад, но он – их, поэтому ему положено. Ровно как были когда-то македонцы, которые говорили, что Янукович тот, тот, тот, но он – их. Ровно такое, ничего не поменялось, к сожалению...*

В. Соловьев: *Мы должны объяснить. Василь использовал термин «македонцы», небось подумали, Василь сейчас ищет историю древнего мира, македонская фаланга. Нет, это Украина так остроумно называла коллектив из **Макеевки и из Донецка – македонцы**, вот. (15.05.2019)*

Слово *македонцы* привлекает внимание коммуникантов благодаря необычности модели его образования – при помощи контаминации: «это «сплав» двух слов или частей слов» [Санников 2002: 164].

А.В. Журавлев выделяет два структурных типа, которые участвуют при контаминации: 1) агглютинация по формуле $A(=ab)+B(=cd)=C(=ad)$, *типа* мо-тоцикл+велоси-пед=мопед; или по формуле $A(=ab)+B(=cd)=C(=ac)$, *типа* бе-луга+стер-лядь=бестер. 2) междусловное наложение: $A(=ab)+B(=bc)=C(=abc)$, *типа* стрекоза+козел=стрекозел [Санников 2002: 164].

Слово *македонцы* образовано следующим образом: *Макеевка+Донецк+ц = македонцы*. Таким образом, произошла агглютинация по формуле №2 и суффиксация. Такая языковая игра помогает адресанту немного запутать слушателя, впервые слышащего этот термин, и тем самым привлечь внимание аудитории, заинтересовать ее (тактика управления / акцентирования внимания, а также самопрезентации через нарушение максимы великодушия). Толкование достаточно известного наименования косвенно указывает на неосведомлённость части аудитории, тем самым

негативно её характеризую (тактика обличения).

Данный приём реализуется и при помощи более традиционных словообразовательных средств, например:

В. Соловьев: *Да не существует сталинизма. Вы все время создаете пугалку для народа.*

«**Пугало**. 2. То, что пугает, внушает страх» [СРЯ 1985-1988, т.3: 555];

«**Пугалка**. 2. Разг., пренебр. То, что неоправданно используется для внушения страха, запугивания кого-либо» (<https://ru.wiktionary.org/wiki/пугалка>).

Необычный вид слова (*пугало* + -к) привлекает внимание к предмету речи; словообразовательный вариант позволяет репрезентировать необходимые говорящему смыслы, в частности сему «неоправданно», что служит способом косвенной реализации коммуникативной тактики обвинения в адрес оппонентов в том, что они вместо конструктивного анализа российской истории и оперирования достоверными фактами запугивают людей непонятными терминами; закреплённость лексемы за «сниженными» сферами функционирования (*разговорное*) понижает стилистический регистр и в сочетании с эмоционально-негативной семой «*пренебрежительное*» в имплицитной форме реализует коммуникативную тактику очернения (нарушение максимы согласия).

Приём «анализ-«минус» может реализовываться на основе энантиосемического переосмысления (лексико-семантический приём) коннотативного потенциала языковой единицы (слова либо словосочетания), например:

В. Соловьёв: *Разница в том, что американцам безразлично преданность местных царьков. Когда они хотят, они о них забывают и сдают, как показывает все последние годы. А проблема царьков то, что они почему-то верят. Да, конечно. Нет, они верят, что белый большой далекий царь обязательно выполнит свои обещания.* (24.01.2019)

Словосочетание *белый большой далекий царь* имеет в качестве

первичных положительные коннотации:

«**белый царь** – название, даваемое восточными народами турецкого и монгольского происхождения русским царям, начиная с Ивана IV. Герберштейн ("Rerum Moscovitarum commentarii") полагал, что это название происходит оттого, что русские цари носили белый клобук, в противоположность персидским шахам, носившим красные колпаки. Это объяснение не вполне верно – вернее предположить, что название это дано русским царям, как свободным, независимым, никому не платящим дани властелинам, согласно тому понятию, которое придавали слову «белый» восточные народы» [Энциклопедический словарь 1991, т.6].

На самом деле контекстуальное окружение данного выражения актуализирует противоположные, негативные коннотации (тактика развенчания; нарушение максимы одобрения).

Чаще всего энантиосемичное значение (лексико-семантический приём) актуализируется в контексте с отсрочкой, например:

В. Соловьёв: *Я не могу понять, вот мы вам можем показать выступление вашего генерального прокурора, где он в прямом эфире показывает удивительную скорость, точность и ясность в обработке депутатских запросов. Я вот просто хочу понять, это нормальная практика на Украине теперь? То есть так теперь можно?* (30.05.2019).

Обработать депутатский запрос означает – принять обращение к исполнению, разобраться в его сути и предпринять все необходимые действия. Однако данный глагол использован применительно к действиям генерального прокурора Украины Ю. Луценко, который в прямом эфире порвал запросы депутатов о нарушениях, т.е. фактически отказался их обрабатывать (тактика обвинения в непрофессионализме). Отсюда формируется противопоставление энантиосемического (точнее – квазиэнантиосемического) типа: «*обработка (обработать) – не обработка (не обработать)*».

Кроме того, быстрота обработки депутатских запросов всегда

оценивается в обществе положительно. Должностное лицо действительно всё выполнило очень быстро, но только действие, которое оказалось противоположным по смыслу. Отсюда положительные коннотации фразы *удивительную скорость, точность и ясность* вступают в противоречие с реальным смыслом слова *обработка*, точнее – его сигнификативным аспектом, что порождает модель построения семантической структуры слова по типу оксюморона. Всё это продуцирует иронический эффект (тактика очернения; нарушение максимы одобрения).

Приём создания «черно-белого» мира подразумевает использование взаимоисключающих категорий, которые «могут на самом деле представлять лишь часть возможных интерпретаций одного и того же явления действительности» [Иссерс 2011: 103]. Так как к одному объекту можно применить более одной классификации, то сужение значений до двух вариантов не обязательно, так как оно влечет за собой определенного рода конфликт. Если мы спрашиваем, что лучше делать в свободное время, читать или смотреть телевизор, то обозначаем данные понятия как взаимоисключающие, а вариантов занятий в свободное время гораздо больше. Такое сужение помогает манипулировать собеседником, пытаясь добиться выгодного нам ответа [Иссерс 2011: 103].

Оперирование такого рода фактами обусловлено существованием определённых логических схем противоположности. Так, установлено, что языковые единицы могут вступать в отношения противоположности, которые могут быть различных видов: контрарная (качественная / градуальная / ступенчатая противоположность), комплементарная (дополнительная противоположность), векторная (разнонаправленная противоположность) [Новиков 1982: 245–246] и конверсивная противоположность («...при которой одно и то же описывается с точки зрения противопоставленных друг другу участников ситуации» [Новиков 2001: 291–292]). Данные и другие виды отношений обусловлены спецификой устройства объективной действительности, отдельных

предметных областей и входящих в их круг предметов, которые объективно предполагают определённый набор отношений между собой: действие (процесс) может быть однонаправленным или двунаправленным. А язык просто это отражает.

Кроме того, по справедливому утверждению М.В. Никитина, понятийная и языковая оппозитивность не есть прямое отражение предметной противоположности вещей. В этой связи он выделяет два подхода к типологии противоположностей. С точки зрения предметно-логической типологии «оппозиции описываются по предметной принадлежности противоположаемых признаков. Это оппозиции пространства, движения, времени, формы, поверхности, состава, структуры, цвета, эмоций и т.д.», как *верхний – нижний, скоро – нескоро* и др. «При категориально-логическом подходе к типологии оппозиций... надо установить категориальный характер самого противопоставления [Никитин 1988: 99–100]. Здесь оппозиции могут быть четырех типов: «1) контрарные или контрадикторные; 2) чисто интенциональные или смешанные интенционально-экстенциональные; 3) количественные или качественные; 4) импликационные или классификационные» [Никитин 1988: 103]. Последний тип оппозитивов соответствует конверсивам и антонимам. «Разграничение импликационных и классификационных противопоставлений имеет результатом важное деление оппозитивов на конверсивы и антонимы» [Никитин 1988: 104].

Приём создания «черно-белого» мира реализуется при помощи антонимии, в том числе контекстуальной, а также – энантиосемии. Это позволяет адресанту чётко противопоставить сравниваемые предметы, маркировав одни как «хорошие», а другие – как «плохие». Например:

В. Соловьев: *Закон о языке – гениальный! Спасибо Раде за самый дегенеративный из возможных принятое решение. Спасибо, что подталкиваете соотечественников к нам, в Россию!* (25.04.2019).

«Гениальный. 3. Разг. Чрезвычайно удачный» [БТСРЯ 1998: 198];

«Дегенеративный. Обладающий признаками вырождения, дегенерации» [БТСРЯ 1998: 245].

В данном фрагменте текста речь идёт о принятом в Раде законе о языке, значительно ущемляющем права русскоговорящего населения в Украине. Лексема *гениальный* в системе языка имеет положительную коннотативную окраску («*очень хороший*»), но в данном контексте реализуется в контекстуально энантиосемичном значении («*очень плохой*»), которое актуализируется фразой *самый дегенеративный из возможных* и порождает иронический эффект. Однако фраза *Спасибо, что подталкиваете соотечественников к нам, в Россию!* вновь актуализирует первичное положительное значение. Речь идёт о различных системах оценочных координат: для Украины этот закон «*очень плохой*», для России – «*очень хороший*». Таким образом, реализуется сразу два вида противоположности – энантиосемического и антонимического плана. Данное противопоставление актуализирует еще одно контекстуально обусловленное: *Россия – Рада (Украина)*. В рамках имеющей место градуальной противоположности по качеству используются две крайние точки на шкале противоположностей: «*очень плохой*» – «*очень хороший*». Данный тип противопоставления переносится и на сами страны. Тем самым в тексте рисуется исключительно чёрно-белый мир взаимоотношений между Россией и Украиной: *Россия – очень хорошо, Украина – очень плохо*. Происходит сужение на самом деле градуальной шкалы оценки до двух крайних точек (третьего не дано): контрарная противоположность совершенно безосновательно подменяется на комплементарную (нарушение закона тождества). Это приводит к манипулированному воздействию, к принуждению реципиента принять выгодную для адресанта точку зрения или сторону (нарушение постулата качества).

И.О. Иссерс называет данное явление «двухценностной ориентацией», когда происходит сужение категорий и мира до чёрно-белого варианта: плохо – хорошо, свой – чужой [Иссерс 2008: 103].

В данном фрагменте текста реализуется коммуникативная тактика обвинения украинской власти в некомпетентности, а также тактика очернения, которая обусловлена сниженной стилистической маркированностью лексем *гениальный* и *дегенеративный*. Лексема *дегенеративный* реализована в несвойственной для неё лексико-семантической модели сочетаемости, в данном значении не зафиксирована словарями и репрезентирует контекстуально-обусловленное значение.

Еще в одном примере В. Соловьев противопоставляет Украину Великобритании:

Ирина, вы потому что приехали из дикой страны, из Великобритании, и еще вдобавок из консервативной партии. Вы поэтому привыкли к этим непонятным жестким уложениям, а украинцы чувствуют себя истинной самостийной Европой Древней Руси. (25.04.2019).

Данный фрагмент текста построен на противопоставлении *дикая Великобритания – истинная самостийная Европа Древней Руси*:

«**Дикий**. 1. Находящийся на ступени первобытной культуры» [БТСРЯ 1998: 258];

«**Истинный**. Подлинный, настоящий» [СРЯ 1985-1988, т. 1: 689];

«**Самостийный**. Независимый, самостоятельный» [СРЯ 1985-1988, т. 2: 444].

При этом определение *дикий* наделяет первый член противопоставления негативными коннотациями, а словосочетание *истинная самостийная* второй член противопоставления – положительными. Таким образом, формируется «антонимическая» пара по типу комплементарной противоположности «плохо» (*Великобритания*) – «хорошо» (*Древняя Русь*), хотя с точки зрения категориально-логического подхода к типологии оппозиций противопоставление «плохо» – «хорошо» является контрарным и градуальным. Тем самым адресант не оставляет адресату выбора в плане самоопределения.

Ироничная фраза *истинная самостийная Европа* построена на нарушении закона тождества, т.к. Украина не является ни Европой, ни самостоятельным государством, т.к. не входит в Европейский Союз и живёт под диктовку США (тактика развенчания).

Фраза *Европой Древней Руси* построена с нарушением закона тождества, т.к. *Европа* – это Европейский Союз, т.е. объединение европейских государств, а *Древняя Русь* – это государство, поэтому первое не может являться частью второго. Кроме того, *Древняя Русь* существовала в IX-XIII века, а Европейский Союз был создан в 1992 году. Столкновение понятий, противоречащих друг другу, создает комический эффект, реализующий коммуникативную тактику развенчания притязаний Украины на членство в Европейском Союзе. Таким образом формируется ещё одна «антонимическая» пара по типу комплементарной противоположности «плохо» (*Украина*) – «хорошо» (*Россия*), что нарушает постулат качества.

Приём создания «черно-белого» мира используется и по отношению к более мелким референтам, например выборам:

А. Кондратьев: *Вот для меня, как для русского, что интересно в целом: это действительно **легитимные выборы** или вот просто сделать вид, что мы верим в ваше **шоу**.* (04.03.2019)

Легитимные выборы противопоставлены *шоу*. Из этой пары имплицитно выводится более значимая референтная пара: *Россия* («хорошо») – *Украина* («плохо»); нарушение постулата качества.

Данный приём применяется не только в программах, посвященных украинским проблемам, но и для характеристики современной социальной реальности российского общества, например:

Я. Кузьмин: *У нас с вами **20 миллионов бедных**. Страна, которая осуществляет **космические запуски**. Страна, которая соревнуется с **Соединенными Штатами** в глобальной оборонной мощи. Страна, которая ставит амбициозные задачи: **транспортная инфраструктура там, мост на Сахалин** и так далее. Она не имеет право иметь **20***

миллионов бедных. (20.02.2019)

Говорящий противопоставляет *20 миллионов бедных* и *глобальные оборонные и инфраструктурные проекты*, которые Россия вполне успешно реализует. Данное противопоставление можно свести к оксюморонной модели: *«богатая бедная Россия»* (нарушение постулата качества). Противопоставление противоречащих друг другу понятий подчёркивает нелогичность существующего в стране социального неравенства, а также значимость решения социальных проблем (борьба с бедностью, помощь семьям и т.д.), обозначенных Президентом В. Путиным в послании, адресованном Федеральному Собранию.

По модели оксюморона построено и следующее противопоставление в рамках приёма создания «черно-белого» мира:

В. Соловьёв: *Вот такой президент – милашка, мимишный президент, только надо отметить, что он-то поехал, когда у него война идет. Он поехал, когда у него его бойцы ночью всю обстреливали Донецк и Луганск.* (06.06.2019).

«**Милашка.** 1. Фам. Милый, приятный человек; миловидная, приятная женщина» [БТСРЯ 1998: 541];

«**Мимишный.** 1. разг. Милый, нежный» [<https://ru.wiktionary.org/wiki/мимишный/>]

Говорящий характеризует В. Зеленского как *милого, приятного, нежного человека*. Прилагательное *мимишный* доводит данную оценку до абсолютной. При этом адресант упоминает о том, что его страна ведёт войну против своего собственного народа и президент руководит этим. Данный факт автоматически имплицитно подразумевает противоположную оценку данного лица: *грубый, жестокий, бесчеловечный и т.п.* (нарушение максимы одобрения). Такое противопоставление, в свою очередь, имплицитно подразумевает дополнительный вывод: *Президент Украины – лицемер; его словам нельзя верить* (тактика развенчания; нарушение постулата качества).

Если в предыдущем примере был представлен «черно-белый» мир

России, то в данном фрагменте текста сформирован образ «черно-белого» мира конкретного человека. При этом говорящий использует дополнительный приём воздействия на реципиента – доведения до абсурда: он избирает для противопоставления не реальные характеристики (*хороший – плохой*), а максимально усиленные (*очень хороший – очень плохой*).

Такой же приём используется при характеристике бывшего Президента Украины П. Порошенко:

В. Соловьёв: *У Порошенко снова только третье место в рейтинге. ЦИК заказал бюллетени в два раза больше, чем количество избирателей. Скупку голосов никто не отменял. А деньги на подкуп людей есть. Порошенко только за первые два месяца этого года заработал почти миллиард гривен. **Олигарх во главе нищей обманутой страны.*** (04.03.2019).

В данном случае противопоставляемые оценки, с одной стороны, имеют отношение к разным объектам (*Президент богатый – страна нищая*), с другой – совмещаются в одной точке, а именно – в лице Президента, который является олигархом, но руководит нищей страной. Такая модель противопоставления имплицитно выводит: *Президент, как и все остальные олигархи, обманывают, грабят свою страну* (тактика обвинения; нарушение постулата качества и максимы одобрения).

В некоторых случаях реализуется более сложная модель противопоставления:

В. Вакаров: *Это причина, мне кажется, является составным фактором, почему Петр Алексеевич все время хочет быть похожим на Путина. Он все время хотел работать в КГБ, быть сотрудником, но у него не получилось.*

В. Соловьёв: *Он хотел быть дзюдоистом, а не стал мастером спорта. Он хотел стать президентом, а нормальным не стал, стал какой-то криминальной гадиной.* (25.03.2019).

В данном фрагменте текста представлено два «чёрно-белых» мира: В.

Путин (*белый*) – П. Порошенко (*чёрный*), мечты П. Порошенко (*белый*) – реальность П. Порошенко (*чёрный*). Тем самым реализуется коммуникативная тактика развенчания (нарушение постулата качества и максимы одобрения).

В отдельных случаях адресант не называет конкретный объект оценки, что позволяет ему максимально расширить оцениваемое объектное пространство:

В. Жириновский: *Каждый день идут аресты. В Московской области, Дзержинск, две недели проработал подлец и уже взял взятку 20 000 долларов. Ну, две недели ему хватило быть честными. Но во Владимирской области, Смоленской и в Хабаровской никто взяток не берет. Там губернаторы от ЛДПР.* (20.02.2019).

В данном фрагменте текста также представлены две оппозиции, формирующие «чёрно-белый» мир. При этом их последовательность неслучайна, между ними устанавливаются отношения импликации: нечестный Губернатор (*чёрный*) – честный Губернатор (*белый*) → Губернатор не от ЛДПР (*чёрный*) – Губернатор от ЛДПР (*белый*). Оппозиция также строится на максимизации противопоставляемых точек на шкале оценки: Губернатор не от ЛДПР сразу начал брать взятки – Губернаторы от ЛДПР вообще не берут взятки.

Еще пример:

В. Соловьев: *Это такое счастье, когда (Ненси) Пелоси как раз рассказывала, что совершенно случайно ее отец был первым итальянским американцем, ставший избранным. И я подумал, какое счастье, что никакой семейственности. Никаких кланов. Никакого протаскивание своих. Никакого по триста лет занятия должностей, потому что стране не триста лет. Я подумал, какое счастье, есть все-таки абсолютно честные, не коррумпированные. Просто так выбирают. Просто так легла карта. Так случилось.* (17.01.2021)

В данном фрагменте текста противопоставлены два образа Америки:

«положительный» (эксплицитный) – «негативный» (имплицитный). Фразы *это такое счастье, совершенно случайно, какое счастье, никакой семейственности, никаких кланов, никакого протаскивание своих, никакого по триста лет занимания должностей, какое счастье; есть все-таки абсолютно честные, не коррумпированные; просто так выбирают, просто так легла карта, так случилось* характеризуются двойной интерпретацией смысла: прямой и переносной (энантисемичной). Такая подача информации порождает иронию, которая переходит в сарказм благодаря гиперболизации: *такое счастье, совершенно случайно, какое счастье, никакой..., абсолютно честные, просто так выбирают, просто так легла карта, так случилось*. Негативный образ Америки усиливается за счёт приёма развенчания: *никакого по триста лет занимания должностей, потому что стране не триста лет*. Малый возраст страны на международной арене всегда расценивается как некоторый недостаток – отсутствие глубоких корней, традиций, культуры и т.п.

Имеет место также скрытое противопоставление Америки и России, целью которого является обеление России, несмотря на интенсивную критику со стороны Америки, по принципу – «сам такой».

Как видно из примеров, такого рода противопоставление помогает очертить «свой круг» и разграничить «своих» и «чужих» (тактика обвинения, тактика самопрезентации; нарушение постулата качества и максимы одобрения). Приемы формирования семантики «своего круга» разнообразны: 1) абстрактные люди или ситуации, или «чучело», показывающие положительные или отрицательные полюсы той или иной ситуации; 2) конкретные люди, которым противопоставляются конкретные / абстрактные люди или ситуация.

Приём создания «чёрно-белого» мира иногда участвует в построении более сложных смысловых моделей, в том числе в сочетании с приёмом сближения далёких или диаметрально противоположных понятий, например:

И. Райхельгауз: *Если бы мы разобрались со своим **сталинизмом**, как они, вы знаете кто, разобрались со своим **фашизмом**, наверное, сегодня мы бы избежали очень многих ошибок...*

В. Соловьев: *Я не понял, а когда они разобрались со своим фашизмом?*

И. Райхельгауз: *Мы им помогли...*

В. Соловьев: *Значит получается вы, **народ-победитель и идеологию победителя, ставите на одну ступень с абсолютным злом?***
[<https://www.youtube.com/watch?v=HbdNeBtZJ3E>] (05.03.2018)

И. Райхельгауз попытался сблизить понятия *сталинизм* и *фашизм*, придав им статус контекстуальных синонимов, тем самым преследуя тактику обличения России (нарушение постулата качества).

В. Соловьев же перефразирует необоснованно сближаемые понятия, подчёркивая их кардинальные различия и выстраивая контекстуально обусловленный антонимический ряд: *народ-победитель и идеологию победителя (добро) – абсолютное зло* (тактика развенчания; нарушение максимы согласия).

Приём сближения далёких или диаметрально противоположных понятий может применяться и самостоятельно, например:

В. Соловьев: *Короче говоря, ситуация **обычная, хорошая, шизофреническая.*** (05.03.2018).

«**Шизофренический.** 2. Станный, нелогичный, абсурдный» [БТСРЯ 1998: 1497].

В системе языка лексема *обычная* является нейтральной в коннотативном аспекте, *хорошая* – положительно маркирована, *шизофреническая* – негативно маркирована. В данном контексте прилагательные *обычная, хорошая* и *шизофреническая* намеренно сближаются, формируя синонимический ряд.

Это приводит к актуализации многозначности и множественности интерпретации коммуникативного смысла текста. Во-первых, прилагательное *хорошая* в сочетании с прилагательным *обычная*

приобретает сходное с ним нейтральное значение, что обуславливает следующий вариант коммуникативного смысла высказывания: «*ситуация очень плохая, но она является обычной (нормой) для данного случая*». Во-вторых, прилагательное *шизофреническая* обладает более сильным негативным коннотативным потенциалом, что приводит одновременно к актуализации энантиосемичного значения прилагательного *хороший*:

«**Хороший.** 8. Разг. Употр. Для выражения неодобрительной или иронической оценки кого-, чего-либо» [БТСРЯ 1998: 1452]. Это всё равно приводит к негативной интерпретации коммуникативного смысла высказывания: «*ситуация очень плохая (странная, нелогичная, абсурдная)*» (тактика обличения; нарушение постулата качества и максимы одобрения).

Лексико-семантические ресурсы языка могут подвергаться игровому обыгрыванию и при помощи приёма нарушения правил лексико-семантической сочетаемости, например:

*Я просто к тому, что у вас такая **интересная жизнь** на Украине. У вас так и **бьёт демократия**.* (03.04.2019).

В данном фрагменте текста прилагательное *интересная* вводится в своём прямом положительном значении:

«**Интересный.** 1. Возбуждающий интерес; занимательный, любопытный. || Отличающийся необычностью, богатым внутренним содержанием» [БТСРЯ 1998: 395].

Однако далее следует интенциональное нарушение правил лексико-семантической сочетаемости: вместо *демократия процветает* – *демократия бьёт*. Фразеологическая единица *бить ключом* в системе языка обладает положительными коннотациями:

«**Бить ключом.** Бурно протекать, проявляться» [ФСРЯ 1987: 36].

Однако в таком сочетании фраза *демократия бьёт* приобретает противоположное значение, как в сигнификате, так и в коннотативной его части: «*демократия отсутствует*» (тактика обвинения). Демократия определяется как «признании народа в качестве источника власти, на его

праве участвовать в решении государственных дел и наделении граждан достаточно широким кругом прав и свобод» [СРЯ 1985-1988, т.1: 385]. Государства, в которых придерживаются принципов демократии, в цивилизованном обществе оцениваются положительно. Отсутствие демократии порождает негативные коннотации.

В результате этого прилагательное *интересная* актуализирует энантиосемичное значение («*скудная*»; тактика очернения; нарушение максимы одобрения), а также иронический эффект. Отсрочка в предъявлении актуального коммуникативного смысла высказывания порождает дополнительное напряжение, развенчание первичных ожиданий и повышает экспрессивность всего фрагмента текста.

По энантиосемической модели реализуется коммуникативный смысл и в следующем фрагменте текста:

В. Соловьёв: ***Что мне нравится в американцах, что они очень честные люди. Вот они сказали, что нехорошо, когда Россия вмешивается в американские выборы. И помню, когда во время телевизионных передач американская журналистка спросила бывшего большого начальника разведки, а мы сами-то вмешиваемся в дела? На что, тот ответил: «аббббббб». (03.04.2019).***

В начале данного фрагмента текста говорящий вводит положительную оценку объекта (*очень честные люди*), подтверждая её выражением личностного отношения к данному факту: *Что мне нравится*. Однако далее звукоподражательная фраза, указывающая на нежелание говорящего ответить честно, трансформирует первоначальную положительную оценку в негативную: «*честные – бесчестные*» (тактика обличения; нарушение максимы одобрения).

К приёмам лексико-семантического типа относится также приём гиперболизации (преувеличения; нарушение максимы количества), например:

Я. Кедми: *Сирийский народ, так же, как и египетский, так же, как*

иракский, так же, как и любой народ на Ближнем Востоке, не имеет никакого влияния на то, кто будет у власти. Это Ближний Восток. (С. Станкевич смеется при этих словах) Народ, народ, им правят.

В. Соловьев (пытается пародировать С. Станкевича): *Нет, не может быть.*

Я. Кедми (не понимая, что ведущий иронизирует над другим участником программы и пытаюсь доказывать свою точку зрения): *На Ближнем Востоке народ ничего не решает.*

В. Соловьев: *Подождите, но там находятся настоящие партнеры США, страны, освященные мировой демократией. Неужели и там? (улыбается) В этом оплоте демократии (смеется) и тоже народ ни на что не влияет. Неужели в Королевстве ни на что влияет народ? Это, говоря о двойных стандартах. (02.07.2018)*

«**Настоящий.** 3. Подлинный, истинный... || Соответствующий определённым требованиям, представляющий собой лучший образец, идеал кого-, чего-л.» [БТСРЯ 1998: 602].

Партнёр, как правило, оценивается как *хороший, надёжный*. Словосочетание *настоящий (идеальный) партнёр* содержит в себе избыточную, гипертрофированную информацию. По принципу гиперболы построена и следующая фраза: *освященные мировой демократией*:

«**Освященный** → **Освятить.** 2. книжн. Сделать почитаемым, священным» [БТСРЯ 1998: 728].

Фраза *освященные мировой демократией* означает, что в указанных странах демократия получила наивысшее развитие. Но оказывается, что на самом деле в этих странах *народ ни на что не влияет*, т.е. демократия отсутствует вообще.

Словосочетание *оплот демократии* также гипертрофически указывает на отсутствие каких-либо возможностей у граждан этих стран принимать участие в управлении своей страной:

«**Оплот.** *Высок.* Надежная защита, опора, твердыня» [БТСРЯ 1998:

717].

Таким образом, данный фрагмент текста выражает следующий коммуникативный смысл: *«указанные страны являются партнёрами США в подавлении демократии, в реализации американской модели демократии, основанной на отстранении народа от управления государством; в США также отсутствует демократия»* (тактика развенчания). Гипербола продуцирует иронию и способствует развенчанию существующего заблуждения.

Приём гиперболизации (нарушение максимы количества) может использоваться и с целью акцентирования внимания на предмете речи, например:

Я. Кедми: *Но в отношении Сирии, если уж говорить, то вот Болтон, опять-таки. Я вообще люблю слушать всех, и противников тоже, очень многому можно научиться. Болтон сказал сейчас фразу, от которой все демократы в мире содрогнулись. Он говорит: «А основная проблема на Ближнем Востоке – это не Асад. Основная проблема – это Иран». Это сказал Болтон. (02.07.2018)*

Дж. Болтон, государственный политический деятель США, высказал мнение, которое противоречит официальной позиции США. Последние утверждали, что на Ближнем Востоке они борются с режимом Б. Асада, а на самом деле оказывается, что это лишь способ подобраться к Ирану. Преувеличение *все демократы в мире содрогнулись* призвано обратить внимание на лживость политики США (тактика обличения), а также неожиданность поворота в развитии событий.

Анализ политического медиадискурса показал, что в нём регулярно нарушаются те или иные правила межличностного взаимодействия. Чаще всего нарушение норм коммуникации строится на основе нарушения норм языка и речи, т.е. собственно лингвистических правил, реже они реализуются самостоятельно.

Если говорить о нормах коммуникации, закреплённых в принципах

кооперации и вежливости, то следует отметить, что чаще всего коммуникантами в сфере исследуемого дискурсивного пространства нарушаются постулат качества и максима одобрения. Первое свидетельствует о том, что, к сожалению, в политическом медиадискурсе используется большое количество недостоверной информации, второе – о его исключительно конфронтационном характере. При этом коммуниканты вместо простого несогласия (нарушение максимы согласия) предпочитают переход на личности как более эффективный инструмент коммуникативного противоборства. Остальные принципы кооперации и вежливости нарушаются реже и используются в качестве вспомогательных. При этом максимы симпатии и скромности оказываются нерелевантными в исследуемом конфронтационном дискурсивном пространстве.

Всё это обусловило доминирование не прямой формы коммуникации в политическом медиадискурсе: «с повышением культурного уровня личности и общества прямые способы выражения агрессивности подвергаются порицанию и вытеснению» [Доронина 2002: 80]. Смыслы конфронтационного характера репрезентируются при помощи вторичных, косвенных речевых форм, в том числе иронии: «Скрытая агрессия прячется за иронией, подшучиваниями и “дружеской” критикой» [Литвак 1996: 102].

Они чаще всего строятся на основе морфологических (переход имени собственного в имя нарицательное, нарушение правил предложно-падежной сочетаемости, обыгрывания лексико-грамматической категории одушевленности / неодушевленности и некоторые другие), словообразовательных и лексико-семантических (энантиосемическое переосмысление (по сигнификативным семам, по коннотативным семам; по типу оксюморона = энантиосемическое противопоставление + актуализация многозначности), нарушение правил лексико-семантической сочетаемости и некоторые другие) ресурсов языка. Некоторые из них представляют собой более сложные манипуляции с языковыми средствами, что приводит к продуцированию соответствующих речевых приёмов. В качестве речевых

приёмов наиболее частотными являются приём «анализ-«минус», отсрочки реализации коммуникативного смысла высказывания, создания «черно-белого» мира (на основе необоснованной трансформации шкалы противопоставления), сближения далёких или диаметрально противоположных понятий, актуализации пресуппозиций, гиперболизации, генерализации и некоторые другие.

Такое разнообразие игровых приёмов и их активное применение создаёт эффект «карнавальности», в которой «целый мир смеховых образов противостоял официальной и серьёзной культуре» [Бахтин 1986: 294]. Суть игрового эффекта «заключается в подчеркнутой несерьёзности высказывания. Несерьёзность выражается в нарочитом искажении реальности, которое может быть создано с эмоциональным зарядом разной степени интенсивности, быть образным или нет, сочетаться с положительной и отрицательной оценкой» [Доронина 2005: 29].

Анализ коммуникативных тактик конфронтационного типа показал, что доминируют тактики развенчания, обличения, обвинения и очернения, намного реже используются тактики ухода от ответа, увода от ответа, «перевод стрелок», а также негативной самопрезентации. Коммуникативные тактики кооперационного типа встречаются редко: самопрезентации, убеждения, управления вниманием и некоторые другие.

Выводы

Исследование функционирования языковой игры в политическом медиадискурсе показало, что для реализации коммуникативных действий деструктивного типа активно используются игровые ресурсы различных уровней: фонетического, словообразовательного, морфологического, лексико-семантического. При этом наибольшую эффективность традиционно демонстрируют лексико-семантические единицы, а также разнообразные речевые приёмы: «анализ-«минус», отсрочки реализации

коммуникативного смысла высказывания, создания «черно-белого» мира, сближения далёких или диаметрально противоположных понятий, актуализация пресуппозиций, гиперболизации, генерализации и некоторые другие. Применяются также другие деструктивные приёмы коммуникации, в частности, нарушение законов формальной логики, которые значительно снижают качество репрезентируемой информации. Последним в значительной мере и обусловлено недоверие граждан к подобного рода ток-шоу, что влияет в целом на снижение доверия к политической коммуникации в целом.

Игровые манипуляции с данными ресурсами языка, как правило, основываются на тех или иных нарушениях норм языка. Это, в свою очередь, приводит и к регулярному нарушению правил коммуникации – принципов кооперации и вежливости.

Чаще всего коммуниканты нарушают постулат качества в связи с отсутствием достаточного количества достоверных фактов (аргументов), а также максимуму одобрения по причине агонального характера данного жанра коммуникации. Переход на личности является обычным делом для оппонентов. Это приводит к тому, что в исследуемом дискурсивном пространстве доминирует агрессивный тип речевого воздействия, направленный на эмоциональное подавление коммуникативного партнера. При этом наиболее агрессивным является коммуникативное поведение самого ведущего. Такой тип коммуникативного поведения реализуется преимущественно при помощи коммуникативных тактик очернения, развенчания, обличения и обвинения, а также коммуникативной стратегии дискредитации. В результате главная коммуникативная стратегия – формирование заданного общественного мнения – нейтрализуется, что иногда приводит к обратному эффекту, к примеру, дискредитации обсуждаемой темы либо самого ведущего. Таким образом, вопреки намерениям организаторов ток-шоу инструментальная коммуникативная стратегия дискредитации становится доминирующей.

В силу публичности и значимости для общества массмедийного дискурса, а также недоверия граждан к политикам основная часть конфронтационных коммуникативных действий реализуется имплицитно. Непрямая форма коммуникации, основным ресурсом которой выступает языковая игра, призвана нивелировать названные выше недостатки агрессивного речевого поведения коммуникантов и придать ток-шоу «приличный» вид. Однако в целом агрессивный характер политического медиадискурса остаётся очевидным. В нём превышает допустимый агональным характером передачи уровень речевой агрессии, нарушаются принятые в обществе правила коммуникации, что приводит к формированию переходящей агрессии. Это делает В. Соловьёва участником конфликта, что составляет специфику данной коммуникативной личности в отличие, к примеру, от ведущего ток-шоу «Пусть говорят» А. Малахова, который не является участником речевого конфликта, но, подчиняясь законам жанра, провоцирует конфликтную ситуацию между участниками программы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Речевая агрессия стала приметой современно коммуникации. При этом очень часто она не получает должной оценки со стороны общества. Результатом такой «терпимости» стало её активное проникновение в сферу публичной коммуникации, в том числе политический медиадискурс.

Программы «Вечер с Владимиром Соловьевым» и «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» относятся к политическому массмедийному дискурсу, для которого характерна особая среда существования – среда медиа, что обуславливает удвоенное системное давление – темы и среды обитания. По функциональной структуре жанрового пространства данные программы относятся к агональным жанрам, так как агональность детерминирует состязательность. Этот жанр политического дискурса предполагает дозированное использование агрессии по отношению к другим участникам теледискуссии. Ведущий программы и ее участники представляют интересы определенных политических сил. Их задача воздействовать не только на аудиторию в зале, но и на зрителей телепередачи, их цель – формирование заданного общественного мнения.

Исследование политического медиадискурса показало, что языковая игра представляет собой одно из самых распространённых явлений в подобного рода дискурсивных практиках. Она позволяет скучную для обывателя политическую тематику превратить в шоу, в котором бушуют нешуточные эмоции. Интенциональная эффективность языковой игры детерминирована её двойственной иллюкутивностью. С одной стороны, она направлена на кооперацию в рамках фатической и / или эстетической функции языка, с другой – представляет собой грозное оружие реализации целей конфронтационного плана (в зависимости от интенциональной обусловленности способна разрушать любые защитные порядки противника). Этому способствует также устная форма коммуникации и острая тематика дискуссии. Немаловажную роль играют особенности

языковой личности ведущего. Так, по мнению Е. Афанасьевой, передача «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым» на НТВ – это «шоу, в котором главное – не гости и не темы, а, как всегда и везде, сам Владимир Соловьёв» [Афанасьева 2005]. Всё это обуславливает высокую эффективность игрового потенциала языка.

Исследование данного дискурсивного пространства в игровом аспекте показало, что для реализации коммуникативных действий деструктивного типа в политическом ток-шоу В. Соловьёва активно используются фонетические ресурсы языка: пародирование чужой речи (чаще) и мена на звукоподражательное слово (редко). При этом пользуется данными приёмами исключительно В. Соловьёв. Особенностью фонетических ресурсов является то, что применяется лишь ограниченный их набор; отсутствуют многие другие традиционные приёмы.

Языковая игра на фонетическом уровне чаще всего используется для высмеивания собеседника и его дискредитации, чему способствуют коммуникативные тактики обвинения и очернения. Интенциональная специфика применения единиц данного уровня заключается в их позитивной направленности (поддержание баланса между различными точками зрения, а также восстановление коммуникативного контроля и доминирования ведущего), связанной с необходимостью нейтрализации деструктивных последствий коммуникативных действий оппонента.

Это позволяет выделить еще одну функцию языковой игры наряду с инвективной (конфронтационной), метаязыковой (эстетической – кооперационной) – нейтрализующую (конфронтационно-кооперационную). Нейтрализующая функция деструктивна по форме, но конструктивна по интенции, т.к. направлена на созидание в рамках острой политической дискуссии. Основанием для различения данных функций также является объект воздействия: объект первой – лицо, второй – язык, третьей – сфера коммуникации. Такой подход позволяет наряду с психологическими и семиотическими источниками языковой игры выделять также социальные

причины. Данный набор характеристик всегда реализуется в комплексе, однако при реализации каждой из трёх функций языковой игры акцент делается на одной из них: для конфронтационной функции ведущим выступает психологический аспект, для кооперационной – семиотический, для нейтрализующей – социальный.

Языковые средства морфологического и словообразовательного уровней также активно используются при продуцировании языковой игры в формате политического медиадискурса конфронтационного типа. Чаще всего применяется мена корневой морфемы, чуть реже – добавление уменьшительно-ласкательных суффиксов, редко – использование других суффиксов. Активно реализуются такие приёмы, как переход имени собственного в имя нарицательное, нарушение правил предложно-падежной сочетаемости, обыгрывание лексико-грамматической категории одушевленности / неодушевленности и некоторые другие. Языковая игра с применением ресурсов данного типа репрезентирует исключительно коммуникативную тактику очернения.

Наиболее эффективным инструментом порождения языковой игры являются лексико-семантические ресурсы языка. Чаще всего она опирается на лингвистический закон ассоциаций, на основе которого устанавливаются необходимые связи между сравниваемыми объектами. Благодаря этому механизму негативная оценка переносится из одной когнитивной сферы в другую. При этом обыгрыванию может подвергаться как форма языковой единицы (омонимическая и паронимическая аттракция), так и её содержание (актуализация внутренней формы (актуализация многозначности, актуализация только исходного значения, т.е. собственно внутренней формы; метафора, а также развернутые метафорические образы); энантиосемическое / квазиэнантиосемическое переосмысление (по сигнификативным семам, по коннотативным семам; по типу оксюморона = энантиосемическое противопоставление + актуализация многозначности); нарушение правил лексико-семантической сочетаемости и некоторые

другие).

В исследуемом дискурсивном пространстве были выявлены разнообразные метафорические образы. Некоторые из них уже изначально ориентированы на реализацию интенций конфронтационного типа, например: «организм и болезнь», «криминальный мир», «животный мир» (применительно к человеку), «ирреальный / загробный мир», «рабовладельческий мир». Другие – приобретают негативную значимость в специальном контексте: «театр», «Библейский мир», «игра», «субъект власти». Данные метафорические образы реализуют широкий набор коммуникативных тактик деструктивного плана: чаще всего – обвинения, очернения, развенчания и обличения; намного реже – угрозы, предостережения и план; крайне редко – похвалы, обеления и смягчения оценки. При этом достаточно активно применяются метакоммуникативные тактики управления процессом интерпретации и контроля над инициативой (перехват инициативы), направленные на регулирование коммуникации в условиях конфронтации.

В связи с крайне конфронтационным характером политической дискуссии, представленной в исследуемых ток-шоу, коммуниканты не пренебрегают и другими «запрещёнными» приёмами, в том числе нарушением законов формальной логики, проще говоря – подтасовки фактов. При этом использование игровых технологий призвано обеспечить маскировку деструктивных действий подобного рода (обход критического мышления реципиента, позволяющий эффективно реализовывать речевое воздействие), порождая непрямой тип коммуникации.

Установлено, что чаще всего нарушается закон тождества (тактики развенчания, угрозы, обвинения, обличения, очернения), иногда в сочетании с приёмом «доведение до абсурда». Крайне редко применяются тактики кооперационного типа (например, положительной презентации), что свидетельствует о неэффективности коммуникативных инструментов воздействия такого типа в раках исследуемого дискурсивного пространства.

Гораздо реже нарушаются законы достаточного основания и противоречия, которые, как правило, связаны с реализацией тактик обличения и развенчания.

В политическом медиадискурсе активно используются и более сложные формы языковой игры, которые относятся к речевым приёмам. Наиболее частотными являются приём «анализ-«минус», отсрочки реализации коммуникативного смысла высказывания, создания «черно-белого» мира (на основе необоснованной трансформации шкалы противопоставления), сближения далёких или диаметрально противоположных понятий, актуализация пресуппозиций, гиперболизации, генерализации и некоторые другие.

Анализ политического медиадискурса показал, что в нём регулярно нарушаются те или иные правила коммуникации (принципы кооперации и вежливости): чаще – в сочетании с нарушением норм языка и речи, реже – самостоятельно.

Чаще всего коммуниканты пренебрегают постулатами качества (в связи с наличием в политическом медиадискурсе большого количества недостоверной информации) и максимой одобрения (в связи с его преимущественно состязательным (конфронтационным) характером). При этом вместо простого несогласия (нарушение максимы согласия) предпочтение отдаётся переходу на личности как более эффективному инструменту коммуникативного противоборства. Остальные принципы кооперации и вежливости нарушаются реже. Максимы симпатии и скромности нерелевантны в исследуемом конфронтационном дискурсивном пространстве.

Анализ коммуникативного поведения участников ток-шоу показал, что примерно 70% их коммуникативных действий связаны с реализацией агрессивного речевого воздействия. Среди коммуникативных тактик конфронтационного типа в целом доминируют тактики очернения, развенчания, обличения и обвинения; намного реже используются тактики

угрозы, предостережения, план, ухода от ответа, увода от ответа, «перевод стрелок», а также негативной самопрезентации. Данные агрессивные речевые действия направлены преимущественно на эмоциональное подавление коммуникативного партнера. При этом наибольшей агрессивностью отличается коммуникативное поведение самого ведущего ток-шоу, что обусловлено его доминирующим положением.

Выявлены также коммуникативные аномалии (неудачи), которые обусловлены непреднамеренным нанесением «автовреда» коммуникативным намерениям адресанта, в результате чего происходит дискредитация продвигаемой идеи.

Коммуникативные тактики кооперационного типа встречаются крайне редко: убеждения, похвалы, положительной презентации, обеления, смягчения оценки, самопрезентации и некоторые другие. Достаточно активно применяются метакоммуникативные тактики, направленные на регулирование коммуникации конфронтационного типа: управления процессом интерпретации и контроля над инициативой (перехват инициативы), управления вниманием и некоторые другие.

Коммуникативные тактики, выявленные в политическом медиадискурсе, реализуют две основные коммуникативные стратегии. Первая направлена на дискредитацию предмета речи, а потому выполняет роль инструментальной: это, как правило, политическая власть Украины, действия США и подобное. Вторая предполагает формирование вполне определённого общественного мнения и выступает в качестве содержательной. Следует отметить, что в результате превышения меры допустимого законами жанра агрессивного речевого воздействия вспомогательная коммуникативная стратегия дискредитации трансформируется в доминирующую.

В силу деструктивного, аморального характера стратегии дискредитации её реализация облекается в имплицитную форму. Эксплицитно провозглашается лишь намерение обсудить важную для

современного общества тему. Данные правил принимаются всеми участниками ток-шоу. Такой «странный», на первый взгляд, подход обусловлен тем, что, во-первых, дискуссия происходит в условиях острого противостояния политических идей и подходов. Во-вторых, прямое убеждение в политической сфере, как правило, не работает, т.к. политическая сфера ассоциируется в сознании граждан как нечто, не вызывающее доверия, а потому требующее маскировки коммуникативных намерений и действий. Данный фактор, а также высокий уровень конфронтационности политического медиадискурса обусловил доминирование в нём не прямой формы коммуникации. Смыслы конфронтационного характера чаще всего репрезентируются при помощи вторичных, косвенных речевых, имплицитных форм, в том числе языковой игры. Последняя, с одной стороны, призвана понизить градус эмоционально-психологического напряжения, создать иллюзию игры, несерьёзности нападения, оправдать агрессивное речевое поведение прежде всего самого ведущего, установить корреляции между крайне конфронтационной коммуникацией и форматом общественно-политического ток-шоу; с другой – позволяет коммуникантам применить более широкий арсенал средств деструктивного воздействия на адресата, а потому максимально повысить эффективность коммуникации.

Всё это и обуславливает широкое использование языковой игры в коммуникативных практиках такого типа. Именно массмедийный политический дискурс в сочетании с языковой игрой обеспечивает высокую популярность ток-шоу данного жанра.

Таким образом, можно утверждать, что существует прямая зависимость между форматом дискурса и выбором типа коммуникативных стратегий и тактик, а также языковых ресурсов их реализации.

Несмотря на позитивные цели, которые преследуются в рамках политического ток-шоу В. Соловьёва (формирование общественного мнения), в целом данное дискурсивное пространство представляется

чрезвычайно агрессивным. В нём чётко различается установка на конфликт. Коммуникативное поведение участников ток-шоу В. Соловьёва, в первую очередь, самого ведущего, воспринимается зрителем как превышение допустимого уровня речевой агрессии. Большинство из проанализированных игровых форм нарушают не только нормы морали и этики, но и права. Следствием этого является то, что изначально непереходная агрессия ток-шоу трансформируется в переходную.

Дальнейшие исследования политического медиадискурса могут быть направлены на изучение иных жанров данного коммуникативного пространства, рассмотрение подобной проблематики в аспектах психолингвистики, когнитивной лингвистики, прагмалингвистики, а также описание лингвокультурных различий реализации деструктивных массмедийных политических практик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулфанова А.А. Семиотика дискурса как воплощение творческой индивидуальности // Политический дискурс в России – 3: Материалы раб. совещ. (Москва 27–28 марта 1999 года) / Под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева. Диалог-МГУ. М., 1999. С. 5–9.
2. Агеева Ю.В. Коммуникативные стратегии и тактики в русскоязычном рекрутинговом дискурсе): диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Казань, 2016. 317 с.
3. Акопова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2013. № 6. С. 403-409.
4. Алтунян А.Г. Власть и общество. Спор литератора и министра: опыт анализа политического текста // Вопросы литературы. 1993. № 1. С. 173-214.
5. Алтунян А.Г. От Булгарина до Жириновского. Идеино стилистический анализ политических текстов. Российск. гос. гуманит. ун-т. М., 1999. 263 с.
6. Антонова Ю.А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт). Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2007. 184 с.
7. Апресян Ю. Д. (ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. 910 с.
8. Аристотель. Политика. Афинская политика. М.: Мысль, 1997. 458 с.
9. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблемам языковой картины мира) // Вопросы языкознания № 3. 1987 а). С. 3-20.
10. Арутюнова Н.Д. Ненормативные явления и язык // Язык логическая теория. М., 1987б. С. 140-152.
11. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический

энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136-137.

12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999. 895 с.

13. Афанасьева Е. Много шоу из ничего // Независимая газета, 10.06.2005 - режим доступа - https://www.ng.ru/tv/2005-06-10/16_show.html

14. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. Изд. 2-е, стер. УРСС. М., 2005. 294 с.

15. Бабаева Р.Г. Языковые средства манипулирования при создании образа врага в западных и российских СМИ: Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. Махачкала, 2018. 190 с.

16. Баженова Е.Ю. Дискурсивные стратегии представления информации в новостных текстах британских СМИ (на материале качественных Интернет-газет): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Благовещенск, 2015. 181 с.

17. Баранов А.Н., Паршин Б.П. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986. 345 с.

18. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореферат дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1990а. 48 с.

19. Баранов А.Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание. М., 1990 б). 214 с.

20. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Знание. М., 1991. 315 с.

21. Баранов А.И. Язык как игра: жаргон и превращенная реальность // Юганов И., Юганова Ф. Русский жаргон 60–90-х годов: опыт словаря. М., 1994. 417 с.

22. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учебное пособие. Российская академия наук, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова -5-е изд. Флинта. М., 2013. 592 с.

23. Бардина Н.Е. Аксиологические стратегии аргументативного дискурса современного английского языка (на материале политической риторики и социально-бытового общения): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Иркутск, 2004. 180 с.
24. Барсукова М.И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Саратов, 2007. 141 с.
25. Бастун Е.В. Функционально-прагматические характеристик прямой и непрямой коммуникации в политическом дискурсе (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2020. 178 с.
26. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
27. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Походаев В. С. Искусство. М., 1986 а). 445 с.
28. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // Литературно-критические статьи. М., 1986б. 541 с.
29. Бачурка М.С. Прагматическая специфика оценочных речевых актов, стратегий и тактик в русскоязычном и англоязычном педагогических дискурсах): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2017. 184 с.
30. Белозерова Н.Н. Когнитивные модели дискурса: учеб. пособие для студентов и аспирантов лингвист. и филол. фак. вузов: Изд-во Тюмен. гос. ун-та. Тюмень, 2004. 254 с.
31. Беляева И.В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты: монография. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС. 2008. 244 с.
32. Белянин В.П. Лингвистический шок // *Rusistica Espanola*. Научный журнал по проблемам русского языка и литературы. Мадрид. 1995. №5. 226 с.
33. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.:

Прайм-Еврознак: Нева; Олма-Пресс. М., 2002. 510 с.

34. Берн Э. Психика в действии / Пер. с англ. П. Самсонова. Мн.: Попурри, 2007. 289 с.

35. Бессарабова Н.Д. Журналистика и слово. М.: Факультет журналистики МГУ, 2015. 261 с.

36. Бессарабова Н.Д. Политические метафоры в СМИ // Язык СМИ и политика / Под ред. Г.Я. Солганика. М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. С. 407-422.

37. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 88-125.

38. Болдарева Е.Ф. Язык как форма выражения эмоций: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград, 2002. 160 с.

39. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике: монография. Изд. 3-е, испр. М.: URSS, 2009. 286 с.

40. Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996. С. 21-48.

41. Борисова И.Н. Категория цели и аспекты тестового анализа // Жанры речи: Сб. науч. статей. Саратов: Из-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 81-97.

42. Бочарова Т.Р. Имя политика как объект языковой игры // Политическое поведение политические коммуникации: Психологические, социологические и филологические аспекты: тезисы и тексты докл. науч.-практ. конф. СПб.; Белгород, 2013. С. 27-35.

43. Бочарова Э.А. Политический дискурс как средство манипуляции сознанием: на материале президентских предвыборных кампаний в России и США 2007-2008 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата

филологических наук. Калининград, 2006. 232 с.

44. Бринев К.И. Лингвистическая экспертиза: Справочные материалы. Барнаул-Кемерово, 2009. 195 с.

45. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Методологические грани политической метафорологии. Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. С. 22-31.

46. Букиева Т.А. Аспекты языковой игры: аномальность и парадоксальность языковой личности С. Довлатова: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Краснодар, 2000. 18 с.

47. Булгакова, Н. Е. Словесные ярлыки как средство языкового насилия (на материале российского политического дискурса XX – начала XXI века): автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Абакан, 2013. 21 с.

48. Булыгина Т.А., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Прагматика. Семантика. Лексикография. Вид. Время. Лицо. Модальность. М., 1997. 476 с.

49. Быкова О.Н. Ложная аргументация. Речевая агрессия. Языковое манипулирование [Текст]. Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: научно-методич. бил. Вып. 1(8) / под. ред А.П. Сковородникова. Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1999а. С. 91-103.

50. Быкова О.Н. Языковое манипулирование // Вестник российской риторической ассоциации. Вып. 1(8); под. ред А.П. Сковородникова. Красноярск, 1999б. С. 88-103.

51. Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка: общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной. М.: Прогресс, 2000. 501 с.

52. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2001. 304 с.

53. Вахтин Н.Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка: учеб. Пособие. СПб.: Изд. Центр «Гуманитар. Акад.»: Европ. ун-т в СПб., 2004. 335 с.

54. Верещагин Е.М., Ротмайр Р., Ройтер Т. Речевые тактики «призыва откровенности» // Вопросы языкознания. 1992. № 6.

55. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. М., 1999. 84 с.

56. Верещагина Н.О., Булатова Э.В. Языковые средства непрямой коммуникации в медиатекстах Дм. Соколова-Митрича // Известия Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 4 (132). С. 19-28.

57. Веселова Н.В. Ирония в политическом дискурсе: автореферат дис. ... к-та филол. наук. Нижний Новгород, 2003. 16 с.

58. Витгенштейн Л. Философский исследования // Витгенштейн Л.: Избр. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч I. 347 с.

59. Владыкина Т. Сейчас взорвусь! // Российская газета. 10.12.2013. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/12/10/portret.html>.

60. Вознесенская Ю.В. Речевые стратегии конфликта в немецкой политической коммуникации (на материале парламентских дебатов в бундестаге): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб, 2010. 186 с.

61. Волков А.А. Теория риторической аргументации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 398 с.

62. Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Волгоград, 2014. 431 с.

63. Володина М.Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. Часть 1 / Отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 9-31.

64. Воробьева О.И. Политическая лингвистика: политический язык

как сфера социальной коммуникации. М., 2011. 295 с.

65. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Челябинск, 2006. 296 с.

66. Выготский Л.С. Психология развития ребенка. М.: Из-во Смысл. Из-во Эскиммо, 2004. 512 с.

67. Гаджиева Л.А. Языковые стратегии и тактики репрезентации авторской модальности в дискурсе деловых печатных СМИ (на материале изданий "Коммерсантъ", "Эксперт", "TheEconomist", "TheFinnacialTimes"): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тверь, 2017. 194 с.

68. Гайкова О.В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации: (на материале англ. яз.): автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград, 2003. 19 с.

69. Гак. В.Г. Языковые преобразования. М.: Шк. «Яз. рус. Культуры», 1998. 763 с.

70. Гальперин И.Р. Избранные труд. М.: Высш. шк., 2005. 254 с.

71. Ганзина О.С. Концептуальная метафора как средство вербализации имиджа политического деятеля: на материале немецкоязычных печатных изданий: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2011. 23 с.

72. Гегель. Сочинения. Т. 14. М.: Соцэкгиз, 1988. 440 с.

73. Гиндин Л.А. Цымбурский В.Л. Население гомеровской Трои: Наука: М., 1993. 206 с.

74. Голев Д.Н. Инвективная и манипулятивная функции языка // Юрислингвистика – 6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005 а.) 417 с.

75. Голев Н.Д. Обсценная лексика в игровом аспекте (на материале русского лингвистического фольклора) // Юрислингвистика – 6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка / под ред. Н.Д.

Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005 б). С. 185–223.

76. Гончарова Л.М. Стратегии и тактики рекламных текстов туристской сферы. Сервис в России и за рубежом. М., 2007. Вып. 7. С. 202-212.

77. Горбачева Е.В. Спор как лингвокультурный концепт: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Астрахань, 2007. 240 с.

78. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. 413 с.

79. Горячев А.А. Моделирование речевого воздействия в рекламной коммуникации: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Санкт-Петербург, 2010. Режим доступа: http://medialing.spbu.ru/upload/files/file_1394718605_3091.pdf

80. Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. 75 с.

81. Грейбер Д. Первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 528 с.

82. Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи. Явление языковой игры: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1996. 566 с.

83. Гулакова И.И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Орёл, 2004. 152 с.

84. Данилевская Н.В. Языковая игра // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / [Л.М. Алексеева и др.]; Под ред. М.Н. Кожинной. Наука: Флинта. М., 2003. С. 657-660.

85. Данилевская Н.В. Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста: Аксиологический аспект: автореферат дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Екатеринбург, 2006. 47 с.

86. Данилова Н.Ю. Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н.С. Лескова: на материале произведений 1860-1880-х гг. об иностранцах и инородцах: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб, 2011. 226 с.
87. Дейк ванн Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 331 с.
88. Дейк ванн Т.А. Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений (фрагмент) – режим доступа <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk1.htm>.
89. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
90. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1982. Т. 41. № 4. С. 327-337.
91. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. С. 116-133.
92. Демьянков В.З. Исследование текста и дискурса СМИ методами контрастивной политологической лингвистики // Язык СМИ и политика / Под ред. Г.Я. Солганика. М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2012. С. 77-120.
93. Денисов П.Н. Язык русской общественной мысли конца XIX – первой четверти XX вв. М.: Наука, 1998. 405 с.
94. Детеринг К. К вопросу о лингвистической типологии языковой «игры» // Общественные науки за рубежом. Серия 6. Языкознание. 1985. №1. С. 31-35.
95. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. М.: Флинта, 2008. 264 с.
96. Доронина С.В. Инвективная функция насмешки и проблема ее

экспертной оценки // Юрислингвистика – 3. Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под. ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 77-84.

97. Доронина С.В. Классификация инвективного потенциала текстов, содержащих приемы высмеивания и комического // Юрислингвистика – 6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 21–30.

98. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. М.: ЧеРо: изд-во МГУ, 1997. 342 с.

99. Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциологии: Пробл. семиосоциопсихологии / Отв. ред. И.Т. Левыкин. М.: Наука, 1984. 268 с.

100. Дудченко В.С. Трансформация конфликта // В контексте конфликтологии: диагностика и методология управления конфликтной ситуацией. М.: Изд-во Института социологии РАН. 2001. № 3. 176 с.

101. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. М., 2006. С. 42-43.

102. Естафьева М.А. Когнитивные стратегии языковой игры (на материале русскоязычных и англоязычных анекдотов): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Калининград, 2006. 199 с.

103. Ефимов А.И. Об изучении языка художественных произведений. М.: Учпедгиз, 1961. 144 с.

104. Желтухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2004. 723 с.

105. Жельвис В.И. Брань в зеркале права: взгляд из Америки // Юрислингвистика – 5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2004. С. 5-18.

106. Журавлева О.В. Когнитивные модели языковой игры (на

материале заголовков русских и английских публицистических изданий): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Барнаул, 2002. 207 с.

107. Залесова О.В. Языковая игра в творчестве В. Аксенова: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростов н/Д, 2002. 96 с.

108. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика, морфология, лексика, жест. М.: Наука, 1983. С. 172-214.

109. Зигманн Ж.В. Структура современного политического дискурса: Речевые жанры и речевые стратегии. автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2003. 24 с.

110. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 524 с.

111. Иванова Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград, 2003. 138 с.

112. Игнатъева Т.В. Языковая игра в художественной литературе: на материале русской прозы XX века: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Вологда, 2012. 22 с.

113. Илтубаева А.Г. Языковая игра как средство выражения антропоцентричности языка деловой прессы (на материале английского языка): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2016. 226 с.

114. Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ростов н/Д, 2002. 431 с.

115. Ильясова С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта, 2009. 296 с.

116. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской

речи: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Омск, 1999 а). 385 с.

117. Иссерс О.С. Свобода слова: две стороны медали (оскорбление в зеркале юриспруденции и лингвистики) // Юрислингвистика: проблемы и перспективы. Межвуз. сб. научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, изд-во Алт. ун-та, 1999 б). С. 110-126.

118. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Комкнига, 2006. 104 с.

119. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.

120. Иссерс О.С. Речевое воздействие. Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.

121. Кайда Л.Г. Позиция автора в публицистике. Стилистическая концепция // Язык современной публицистики: сборник статей / под ред. Г. Я. Солганика. М.: Флинта: Наука, 2005. С. 58 – 66.

122. Капишникова А.В. Лингвистические средства управления дискурсом (на материале американских радиопередач ток-шоу): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 23 с.

123. Каракулова С.Ш. Митигативные стратегии и тактики в политических интервью с германскими политиками: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград, 2016. 199 с.

124. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2008. 862 с.

125. Кара-Мурза Е.С. «Дева обида» политического дискурса: речевые преступления в парадигме лингвистической эмотиологии // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. С. 253-272.

126. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: «Перемена», 2002. 331 с.

127. Каргаполова И.А. Человек в зеркале языковой игры. Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб: Золотое сечение, 2007. 407 с.
128. Карякин А.В. Стратегемно-тактические способы реализации речевой агрессии в политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 163 с.
129. Кассиер Э. Познание и действительность: Понятие о субстанции и понятие о функции / Пер. с нем. Б. Столпнера, П. Юшкевича. СПб.: Алетейя, 1996. 454 с.
130. Качалова И.Н. Оценочная функция языковой игры в дискурсе СМИ: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: 2010. 190 с.
131. Кашпур В.В. Миромоделирующая функция жанров российского политического дискурса: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: 2011. 183 с.
132. Киселева Р.А. Структурные особенности авторских неологизмов и их стилистические функции (на материале англ. и америк. сатир. и комич. литературы XX века): автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ленинград, 1970. 20 с.
133. Кияшко Л.В. Языковая игра как одно из средств развития языковой компетенции учащихся: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростов н/Д, 2010. 29 с.
134. Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / Отв. Ред. М.Н. Володина М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 133 с.
135. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. М.: РИПОЛ классик, 2002. 317 с.
136. Клюев, Е. В. Речевая коммуникация: учеб. пособие для ун-тов и вузов. М.: Приор, 1998. 224 с.
137. Коверина М.С. Стратегии и тактики жанра телевизионного ток-шоу (на материале программы «Пусть говорят»): диссертация на соискание

ученой степени кандидата филологических наук. М., 2015. 186 с

138. Ковыляева Н.Е. Языковая игра как средство формирования семантики и прагматики дискурса (на материале текстов различных функциональных стилей): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Нальчик, 2015. 186 с.

139. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 12 (83). Выпуск 6. Белгород. С. 13-20.

140. Колесниченко С.А. Условия реализации стилистического приема игры слов в английском языке: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ленинград, 1985. 20 с.

141. Колосов С.А. Манипулятивные стратегии дискурса ненависти. Критика и семиотика. Вып. 7. Новосибирск, 2004. С. 248-256.

142. Кон И.С. Люди и роли // Новый мир. Вып. 12. 1970. С. 168-191.

143. Конецкая В.П. Социология коммуникации. М.: Межд. ун-т бизнеса и управления, 1997. 173 с.

144. Коновалова О.Ю. Лингвистические особенности игры слов в современном английском языке: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2001. 242 с.

145. Коновалова О.Ю. Языковая игра в современной русской разговорной речи/ монография: изд-во ВГУЭС. Владивосток, 2008. 195 с.

146. Коршунова А.В. Языковая игра в рекламном слогане: на материале английского языка: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Белгород, 2007. 23 с.

147. Костомаров В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики, 2005. 477 с.

148. Кошкарова Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Екатеринбург, 2015. 441 с.

149. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Лекционный курс. М.: Гнозис Кучково поле, 2001. 271 с.
150. Кудрявцева А.Ю. Речевые реализации стратегии доминирования в официальном полилоге (на материале ток-шоу): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2017. 184 с.
151. Кузьменкова Ю.Б. Материалы курса «Стратегии речевого поведения в англоязычной среде». Лекции 1-4. М., 2006. 117 с.
152. Куманицина Е.И. Лингвокреативный аспект англоязычной массовой коммуникации: языковая игра британских и североамериканских масс-медиа. Волгоград, 2006. 220 с.
153. Кусов Г.В. Диагностика оскорбления: постановка научной проблемы в праве и лингвистике // Юрислингвистика – 6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 417 с.
154. Кусов Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза: понятие, принципы, процессуальное значение. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2012. 225 с.
155. Кучерявых Ю.Н. Языковая игра в художественных текстах А.Т. Аверченко: прагматические характеристики и структурно-семантические формы реализации: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Краснодар, 2019. 202 с.
156. Лазарев А.И. Что есть игра? // Игры. Челябинск, 1995. 11 с.
157. Лазовская Н.В. Языковая игра в рекламном дискурсе (на материале русско- и англоязычной рекламы): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Саратов, 2007. 197 с.
158. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. 252 с.
159. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256

с.

160. Ларина Е.Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 171 с.

161. Левшина Н.Г. Косвенные речевые тактики в предвыборном дискурсе (на материале выборов Главы Администрации Псковской области): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб, 2005. 167 с.

162. Леонов А.А. Основы психолонгвистики. М.: Смысл, 2008. 256 с.

163. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Перевод с французского Н.А. Шматко. Институт экспериментальной социологии. М.: Издательство «АЛЬЕЙЯ», 1998. 159 с.

164. Лисенко М.В. Дуэль как экстремальная форма компенсации ущерба в ситуации ликоущемляющего действия // *Studia Linguistica*. СПб.: Тригон, 1998. Вып. 7. С. 125-132.

165. Лисенко М.В. Использование извинения в непрототипной ситуации // *Studia Linguistica*. СПб.: Тригон, 1999. Вып. 8. С. 139-145.

166. Лисихина М.А. Прагматическое исследование явления дискредитации в американской речевой культуре: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Хабаровск, 2008. 229 с.

167. Лисоченко Л.В. Языковая игра: когнитивный, прагматический и собственно лингвистический аспекты // *Филология на рубеже тысячелетий*. Материалы межд. науч. конф. Ростов н/Д, 2000. Вып. 2. С. 130-131.

168. Лисюткина И.С. Динамика реализации стратегии дискредитации в медиадискурсе 1950 – 2019 гг. (на материале русского и английского языков): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Саратов, 2021. 247 с.

169. Литвак М.Е. Психотерапевтические этюды. Учебное пособие. Ростов н/Д: Изд-во «Пайк», 1996. 224 с.

170. Литовченко М.А. Прагматические особенности вербальной атаки

в политическом дискурсе (на материале немецкого языка): автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тамбов, 2003. 26 с.

171. Лобас П.П. Лексические средства убеждения и манипулирования в политическом дискурсе (тропика, синонимика, топика): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростов н/Д, 2011. 178 с.

172. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство. СПб, 1998. 285 с.

173. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб., 2004. С. 150-391.

174. Лотман Ю.М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Лотман Ю.М. Об искусстве. Спб., 2005. С. 387 – 400.

175. Лохова С.К. Игра слов в политическом дискурсе (компьютерный анализ политической метафоры): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2007. 185 с.

176. Любимов А. Речевые стратегии. Режим доступа - <http://trenings.ru/materialy/stati/661-statya-rechevye-strategii.html>

177. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 273 с.

178. Макарова В.В. Наша партия лучше: способы убеждения в предвыборной. Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. Вып. 20. 112 с.

179. Малышева, О.П. Политический дискурс как средство манипуляции сознанием. Межвузовский сборник научных трудов. Краснодар, 2007. Вып. 1. 223 с.

180. Маслова В.А. Политический дискурс: языковая игра или игры в слова? // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2008. Вып. 1/24. С. 43-48.

181. Матвеева О.Н. К вопросу о юридикации конфликтного текста //

Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2004. 355 с.

182. Меграбян А. Психодиагностика невербального поведения. СПб.: Речь, 2001. 256 с.

183. Медведева А.В. Коммуникативные стратегии и тактики при выражении критического суждения в английской лингвокультуре (на материале современного английского языка): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Уфа, 2015. 190 с.

184. Меликян В.Ю. «Внутренняя антонимия» и способы её выражения в языке // Русский язык в школе. 1998. №2. С. 82-88.

185. Меликян В.Ю. Энантиосемия и энантиосемичные языковые единицы // Современный русский язык: система языка, речь, общение. Монография. Ростов н/Д: Ростиздат, 2010. С. 169-178.

186. Меликян В.Ю. Носит ли высказывание «я считаю, что она конченная стерва...» оскорбительный характер? // Мат-лы I-ой Международной научно-практической Интернет-конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (15 ноября 2011 г.). Ростов н/Д: Ростиздат, 2011. С. 143-162.

187. Меликян В.Ю. «Православие или смерть!»: речевая агрессия как способ решения задач духовного просвещения общества // Мат-лы III-й Международной научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (15 ноября 2013 г.). Ростов н/Д: Дониздат, 2013. С. 137-145.

188. Меликян В.Ю. Экология природы vs. экология языка // Мат-лы IV-й Международной научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (15 ноября 2014 г.). Ростов н/Д: Дониздат, 2014. С. 92-103.

189. Меликян В.Ю. «Оскорбление религиозных чувств верующих»: юрислингвистическое параметризирование // Мат-лы V-й Всероссийской

научно-практической конференции с международным участием «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (15 ноября 2015 г.). Ростов н/Д: Дониздат, 2015. С.34-57.

190. Меликян В.Ю. Текст гимна: «визитная карточка» или повод для конфликта? (из опыта члена конкурсной комиссии) // Мат-лы VI-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (15 ноября 2016 г.). Ростов н/Д: Дониздат, 2016. С. 31-39.

191. Меликян В.Ю. Методология и практика юридизации инвективной лексики // Мат-лы IX-й Всероссийской научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (15 ноября 2019 г.). Ростов н/Д: Дониздат, 2019. С. 5-26.

192. Меликян В.Ю. Провокация vs подстрекательство: нормы этики vs нормы права (юрислингвистическая интерпретация) // Мат-лы X-й Всероссийской научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (15 ноября 2020 г.). Ростов н/Д: Дониздат, 2020. С. 6-26.

193. Меликян В.Ю., Меликян А.В. Феномен синтаксической семиоимпликации // *Studia z Filologii Polskiej i Slowianskiej*. 2018. Вып. 53. С. 348-368. DOI: 10.11649/sfps.2018.021].

194. Меликян В.Ю., Посиделова В.В. Комплексный подход как основа для установления явной и скрытой речевых стратегий в конфликтных текстах СМИ (на материале одного судебного разбирательства) // Мат-лы VII-й Всероссийской научно-практической конференции «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия» (15 ноября 2017 г.). Ростов н/Д: Дониздат, 2017. С. 111-128.

195. Меликян В.Ю., Трофимова В.А. О лингвистическом статусе феномена «коммуникативное давление» // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы IX-й Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 9. Ростов н/Д:

Дониздат, 2019. С. 26-33.

196. Менджеричкая Е.О. Языковая игра в медиадискурсе // Культура народов Причерноморья. Серия: Филологические науки. 2006. № 82. Т. 2. Симферополь. С. 15-19.

197. Месропян Л.М. Речевое агрессивное манипулирование в юрислингвистическом аспекте: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростов н/Д, 2014. 177 с.

198. Миловская Н.Д. Немецкий языковой бытовой анекдот как специфический тип юмористического дискурса: автореферат дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Иваново, 2010. 40 с.

199. Минский М. Фреймы для представления знаний / Пер. с англ. О.Н. Гринбаума; Под ред. Ф.М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 151 с.

200. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 281–310.

201. Мироненко С.А. Выразительные возможности игры слов в русском и немецком языках: сопоставительный аспект: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Краснодар, 2006. 25 с.

202. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Кемерово, 2004. 252 с.

203. Михальская А.К. Педагогическая риторика.: Учеб. пособие: Для студентов пед. ун-тов и ин-тов. Изд. центр "Академия". М., 1998. 432 с.

204. Михальская А.К. Русский Сократ: лекции по сравн.-ист. риторике. Учеб. пособие для студентов гуманитар. фак. Изд. центр «Академия». М., 1996. 189 с.

205. Морева А.Н. Коммуникативные стратегии и тактики в медиажанре литературной рецензии (на материале «Литературной газеты»):

диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Нижний Новгород, 2015. 280 с.

206. Москальская О.И. Грамматика текста: пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков. Высшая школа. М., 1981. 183 с.

207. Муль И.Л. Механизмы языковой игры в малых фольклорных жанрах: на материале скороговорки и частушки: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2000. 22 с.

208. Мулькеева В.О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб, 2006. 19 с.

209. Мулькеева В.О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб, 2005. 190 с.

210. Мурашев Т.И. Языковая игра в текстах песенного жанра: на материале английского языка: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Уфа, 2007. 15 с.

211. Мыркин В.Я. Язык-речь-контекст-смысл: Учеб. пособие. Архангельск: Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1998. 97 с.

212. Негрышев А.А. Языковая игра в новостном медиатексте: референциально-прагматический аспект // Медиастилистика. 2010. №4. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/669> 124.

213. Нестерова Ю.О. Языковая игра в современной русской разговорной речи: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Владивосток, 2001. 225 с.

214. Никаноров С.А. Ментальные ориентиры языковой игры в детской художественной литературе: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2000. 23 с.

215. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения: Учеб. Пособие. М.: Высш. школа, 1988. 165 с.
216. Николаева Т.М. О грамматике неязыковых коммуникаций. Языки славянской культуры. М., 1990. 347 с.
217. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высш. школа, 1982. 274 с.
218. Новиков Л.А. Избранные труды. М.: Изд-во РУДН, 2001. Т. 1. 672 с.
219. Норманн Б.Ю. Грамматика говорящего. Изд-во Санкт-Петербург. ун-та. СПб, 1994. 227 с.
220. Нухов С.Ж. Языковая игра в английском словообразовании: имя существительное: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Уфа, 1997. 198 с.
221. Нухов С.Ж. Языковая игра в словообразовании. На материале лексики английского языка: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1997. 370 с.
- а. Падучева Е.В. Семантические исследования: (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). Школа «Языки русской культуры». М., 1996. 464 с.
222. Парастаев Г.Н. Лексико-семантические особенности американского политического дискурса: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2012. 209 с.
223. Паршин Б.П. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции. Системные исследования. М., 1999. 403 с.
224. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Саратов, 2005. 325 с.
225. Патрушева Е.В. Лингвокультурологический и функционально-прагматический аспекты афоризмов в политическом дискурсе: на материале публичных выступлений В.В. Путина и Дж. Буша мл.: диссертация на

соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ставрополь, 2011. 247 с.

226. Первак Т.В. Языковая игра в теледискурсе: лексический и стилистический аспекты (на материале немецкого комедийного телесериала «Штрюмберг»): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2018. 219 с.

227. Пиаже Ж. Психология интеллекта. Питер. СПб, 2004. 294 с.

228. Пирогова Ю. К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования. Проблемы прикладной лингвистики. Дрофа. М., 2001. С. 209–227.

229. Пищальникова В.А. Языковое бытие человека и этноса. Вып. 2. МГЛУ. М., 2000. 139 с.

230. Плотникова О. А. Стратегии контроля диалогического взаимодействия в интервью: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Омск, 2007. 22 с.

231. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. М., 2004.

232. Попова Е.С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2002. № 24. С. 276-288.

233. Приходько В.К. Каламбур и приемы его создания в произведениях И.А. Тэффи: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1998. С. 6-29.

234. Проскуряков М.Р. Дискурс борьбы: Очерк языка выборов. Вестник Московского университета. Серия 9. Филология № 1. М., 1999. С. 34-49.

235. Раскопова Л.П. Языковые игры и их интерпретации в художественном тексте: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Краснодар, 2003. 158 с.

236. Рахимкулова Г.Ф. Игровая поэтика и игровая стилистика // Филологический вестник РГУ. 2002. №1. Ростов н/Д. С. 5-10.

237. Рахимкулова Г.Ф. Языковая игра в прозе Владимира Набокова: К проблеме игрового стиля: дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ростов н/Д, 2004. 329 с.

238. Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации / В.М. Амиров, Л.В. Енина, Н.А. Купина и др. Екатеринбург: УрГУ, 1997. 117 с.

239. Рублева Е.В. Лингвопрагматические аспекты политической теледискуссии: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2006. 183 с.

240. Рыбакова Е.А. Лингвистические аспекты игры слов в языке современной немецкой молодежи: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2015. 205 с.

241. Рюмшина Л.И. Манипулятивные приемы в рекламе: учеб. пособие. Ростов н/Д, 2004. 240 с.

242. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 639 с.

243. Савельев С.В. Социокультурные особенности языковой игры в современных англоязычных печатных СМИ: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Коломна, 2009. 207 с.

244. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. Языки славянской культуры. Изд. 2-ое. М., 2002. 541 с.

245. Сапрыкина Е.В. Способы репрезентации речевого действия «обвинение» в парламентском дискурсе (на материале парламентских дебатов бундестага ФРГ): автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Уфа, 2007. 18 с.

246. Седов К.Ф. О манипуляции и актуализации в речевом воздействии. Проблемы речевой коммуникации. Межвуз. сб. науч. тр. Изд-во Сарат. ун-та. Саратов, 2003. Вып. 2. С. 20-27.

247. Седов К.Ф. «Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии». Сборник «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». М., 2002. 315 с.

248. Седов К. Ф. Речевое поведение и типы языковой личности. Культурно-речевая ситуация в современной России. Изд-во Урал. ун-та. Екатеринбург, 2000. С. 298–312.

249. Секретарева Е.В., Чернущенко О.А. К проблеме суггестии в СМИ (на материале средств криминализации общественного сознания). Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2004. С. 75-79.

250. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Зарубежная лингвистика. Т. 2. М.: Прогресс, 1999. С. 229–253.

251. Сигов К.Б. Игра. Современная западная философия: словарь. Сост. Малахов В.С., Филатов В.П. М., 1991. С. 110-115.

252. Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. Речь. СПб., 2001. 256 с.

253. Симутова О.П. Языковая игра в словообразовании: на материале немецкого и русского языков: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Уфа., 2008. 206 с.

254. Сковородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюл. Выпуск 2(2) / Краснояр. ун-т, Лаб. лингвоэкологии и речевой культуры СО Междунар. акад. наук высш. школы; отв. ред. А.П. Сковородников; Ачин. пед. колледж; науч.рук. Гос. ком. РФ по высш. образованию. Красноярск – Ачинск: Краснояр. ун-т, 1997. С. 10-15.

255. Сковородников А.П. Фигуры речи в современной российской прессе // Филологические науки. 2001. №3. С. 74–80.

256. Сковородников А.П. О необходимости разграничения понятий

«риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика. Лингвистика. Вып. 5: сборник статей. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 5–11.

257. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. Горьковский пед. ин-т. иностр. яз. им. Н.А. Добролюбова. Горький, 1975. 175 с.

258. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): Научное издание. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. 383 с.

259. Солганик Г.Я. О языке и стиле газеты // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Под ред. М.Н. Володиной. Ч. 1. М., 2003. С. 261-268.

260. Соломатина А.О. Содержательно-информативные показатели текстов политической коммуникации в аспекте реализации стратегий положительной и отрицательной презентация: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Краснодар, 2016. 166 с.

261. Сорокин Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. М.: Наука, 1990. 240 с.

262. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Пер. с французского А.М. Сухотина, под редакцией и с примечаниями Р.И. Шор. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

263. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Воронеж, 2012. 178 с.

264. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Изд-во Воронеж. ун-та. Воронеж, 2001 а). 252 с.

265. Стернин И.А., Стернина М.А. Очерк американского коммуникативного поведения. Истоки. Воронеж, 2001 б). 207 с.

266. Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагматическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар, 1998. С. 22-29.

267. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира.

М.: Наука, 1988. С. 173-176.

268. Теория метафоры: сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.

269. Третьякова В.С. Конфликт как феномен языка и речи. Проблемы образования, науки и культуры. Екатеринбург: Изд-во. урал. гос. ун-та, 2003. 301 с.

270. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2003. 306 с.

271. Трофимова В.А. Логос как источник конфронтационности коммуникативного давления в различных типах дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики №1. 2021 а). С. 268-279.

272. Трофимова В.А. Риторические и нериторические виды речевого воздействия // Modern science. 2021 б). №2-2. С. 281-286.

273. Трофимова В.А. Этос как источник конфронтационности коммуникативного давления // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. №1. 2021 в). С. 112-123.

274. Трощенко Е.В. Социокультурное знание в когнитивно-коммуникативной деятельности: стратегии воздействия в американском общественно-политическом дискурсе: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб, 2016. 28 с.

275. Труфанова И.В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // Филологические науки. СПб. 2001. № 3. С. 56–65.

276. Туманова Г.А. Коммуникативная стратегия убеждения и особенности ее реализации в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2015. 196 с.

277. Уварова Н.Л. Логико-семантические типы языковой игры (на материале английской диалогической речи): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Горький, 1986. 191 с.

278. Факторович А.Л. Стилистическое оформление речевых стратегий: Теоретико-лингвистические и теоретико-журналистские аспекты: автореферат дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Краснодар, 2000. 34 с.

279. Философский словарь под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд. Политиздат. М., 1991. 560 с.

280. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. «Университетская книга» АТС. М., 1998. 318 с.

281. Фрумкина Р.М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра. Известия АН. Серия литературы и языка. М, 1999. С. 28–38.

282. Фуко М. Археология знания: Пер. с фр. / Общ. ред. Бр. Левченко. Ника-Центр. Киев, 1996. 208 с.

283. Хабермас Ю. Коммуникативное действие и дискурс. М., 2002. 154 с.

284. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Наука. СПб, 2001. 190 с.

285. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. Никколо-Медиа. М, 2002. 188 с.

286. Хёйзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерланд. В. Ошиса. АСТ. М., 2004. 313 с.

287. Ходакова Е. П. Из истории русского каламбура. (Вторая половина XVIII - первая треть XIX века): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1974. 250 с.

288. Храброва Е.С. Роль и функции метафоры в создании портрета политического деятеля в российском и американском политическом дискурсе: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Курск, 2011. 21 с.

289. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под. ред. М.В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002.

290. Чемезова И.А. Прецедентная модель языковой игры в газетном заголовке: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2008. 24 с.

291. Чернышова Т.В. Стилистический анализ как основа лингвистической экспертизы конфликтного текста // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. Барнаул, 2000. С. 207-214.

292. Чернышова Т.В. Юрислингвистическая экспертиза газетно-публицистических текстов с неявной коммуникативной функцией высказывания // Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Изд-во Алт. ун-та. Барнаул, 2002. 42-54 с.

293. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2001. 238 с.

294. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Издательство «Флинта: Наука». 2006. 255 с.

295. Чуриков М.П. Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения (на материале текстов немецких политических интервью): диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростов н/Д, 2005. 168 с.

296. Шапочкин Д.В. Когнитивные аспекты политического дискурса (на материале британских, американских и немецких публичных политических речей): автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тюмень, 2005. 27 с.

297. Шарифуллин Б.Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы // Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права: межвуз. сб. науч. трудов. Изд-во Алт. ун-та. Барнаул, 2004. 370 с.

298. Шарифуллин Б.Я. Речевая инвектива на randevу лингвистики и юриспруденции: pro et contra // Юрислингвистика – 6: Инвективное и манипулятивное функционирование языка / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 417 с.

299. Шатрова Т.И. Языковая игра в текстах комической направленности: Процессы кодирования и декодирования: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Белгород, 2006. 21 с.

300. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. Гнозис. М., 2008. 414 с.

301. Шаховский В.И. Эмотивный код языка и его реализация в языковой игре. Волгоград, 2003. 108 с.

302. Шашурина А.Ю. Лингвистическая основа и текстовая функция игры слов во французском языке: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1988. 23 с.

303. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 434 с.

304. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: автореферат дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Челябинск, 2009. 30 с.

305. Шерковин Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. Мысль. М., 1973. 215 с.

306. Шостром Э. Человек-манипулятор: Внутрен. путешествие от манипуляции к актуализации. (Пер. с англ. Н. Шевчук, Р. Римской). Апрель-Пресс: Изд-во Ин-та Психотерапии. М., 2004. 190 с.

307. Шустова Е.Н. Сферы использования стратегии мистификации в

речевом общении: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. СПб, 2007. 190 с.

308. Щербинина Ю.В. Русский язык. Речевая агрессия и пути ее преодоления: Учеб. пособие. Флинта: Наука. М., 2004. 221 с.

309. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. 2-е изд. ЛКИ. М., 2008. 360 с.

310. Ыйм Х.Я. Прагматика речевого общения // Теория и модели знаний: Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1985. С. 196-207.

311. Ыйм Х.Я. Эпизоды в структуре дискурса // Представления знаний и моделирования процессов понимания. Новосибирск, 1980. 178 с.

312. Эльконин Д.Б. Психология игры. Издание 2-е. М.: Владос, 1999. 361 с.

313. Эпштейн М.Н. Идеология и язык // Вопросы языкознания. 1991. №6. С. 19-33.

314. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. Советский писатель. М., 1988. 416 с.

315. Юдина Т.В. Дискурсивное пространство немецкой общественно-политической речи: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1990. 233 с.

316. Ярославцева А.Е. Коммуникативные стратегии и тактики агитационного текста и их стилистическая репрезентация: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Томск, 2004. 211 с.

317. Ярославцева А.Е. Репрезентация речевых стратегий и тактик в агитационном тексте: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск, 2007. 22 с.

318. Attardo S. Irony as relevant inappropriateness // Journal of Pragmatics. 2000. 826 p.

319. Augarde T. Oxford guide to word games. Oxford University Press. New York, 1986. 250 p.

320. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge, 1983. 216 p.
321. Chaffe W. Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. The University of Chicago Press. Chicago, 1994. 365 p.
322. Crystal D. Language play. Penguin books. London, 1998. 249 pp.
323. Grice P. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3 Speech Acts. Ed. by Peter Cole and Jerry L. Morgan. Academic Press. New York, 1975. 317 p.
324. Grüner G. Spielformen der Poesie. Leipzig. 1995. 215 p.
325. Harris Z. Discourse analysis // Language. V. 28. № 1. Linguistic society of America. New York, 1952. 223 p.
326. Haverkate H. Speech Acts, Speakers and Hearers. John Benjamin Publishing Company. Amsterdam, 1984. 417 p.
327. Infante D. & Wigley, C. Verbal aggressiveness: An interpersonal model and measure // Communication Monographs. V.53. 1986.
328. Johnson-Laird P. N. Mental Models: Toward a Cognitive Science of Language, Inference and Consciousness. Harvard University Press, 1983. 513 p.
329. Kierkutegaard S. The concept of irony. Harper & Row. New York, 1966. 278 p.
330. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford Univ. Press. Stanford (Ca.), 1987. 217 p.
331. Leech G. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.
332. Leets L. & Giles, H. Words as weapons – when do they wound? // Human Communication Research. V.24. №2. 1997.
333. Meadow R.G. Politics as Communication. Norwood (New Jersey): Ablex Publ. Co., 1980. 269 p.
334. Melikyan V.Y., Melikyan A.V., Vakulenko D.A. Enantiosemy phenomenon: system and speech parameterization // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 1. С. 128-134. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-1-128-134.

335. Nowak J., Rotunda R. & Young J. Constitutional law. St. Paul, MN: West, 1986.
336. Nunan D. Language Teaching Methodology: A Textbook for Teacher. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1993. 139 p.
337. Piirainen E. Lexicon of Common Figurative Units. Widespread Idioms in Europe and Beyond Vol. II. Peter Lang. New York, 1999. 778 p.
338. Saad H. The case for prohibitions of racial epithets in the university classroom // Wayne Law Review. 1991. №37. P. 1351-1362.
339. Sedler R. The unconstitutionality of campus bans of "racist speech": The view from without and within // Wayne Law Review. 1991. №37. P. 1325-1349.
340. Wood J. T. Interpersonal Communication. Everyday encounters. Wadsworth, 1998. 429 p.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994. 351 с.
2. БОСРЯ – Большой орфографический словарь русского языка: 106000 слов / [Под ред. С. Г. Бархударова и др.]. ОНИКС: Альянс-В. М, 1999. 478 с.
3. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. Норинт. СПб, 1998. 1534 с.
4. История философии. Энциклопедия. Под ред. А.А. Грицанов: Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. М., 2002. 1376 с.
5. Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. «Астрель». М., 2003. 1021 с.
6. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Иванова Л.Ю., Сковородникова А.П., Ширяева Е.Н. и др. М., 2003. 840 с.

7. Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва "Сов. энцикл.", Ин-т языкознания АН СССР]; Гл. ред. В. Н. Ярцева. Сов. энцикл. М., 1990. 682 с
8. СРЯ – Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Русский язык. М., 1985–1988. Т. 1. 696 с.; Т. 2. 736 с.; Т. 3. 752 с.; Т. 4. 800 с.
9. Методология... – Методология исследований политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2 / Сост. и общ. ред. Ухвановой-Шмыговой. БГУ. Минск, 2001. 479 с.
10. ПЭ – Политическая энциклопедия: В 2 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; [Науч.-ред. совет: пред. Г. Ю. Семигин и др.]; Рук. науч. проекта Г. Ю. Семигин. Мысль. М., 1999. 1446 с.
11. Теория и практика риторики... – Теория и практика риторики массовой коммуникации. Научно-аналитический обзор. М., 1989. 39 с.
12. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. Олма-Пресс: Крас. Пролетарий. М., 2004. 700 с.
13. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка [Глав. ред.: чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышев]; Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР. М., 1963. 14 т.
14. СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / [Л.М. Алексеева и др.]; Под ред. М.Н. Кожинной. Наука: Флинта. М., 2003. 694 с.
15. ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1987. 543 с.
16. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. М.: Астрель, 2013. 417 с.
17. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах / Макс Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. Астрель: АСТ. М., 2007. Т. 1 576 с.; Т. 2 672 с.; Т. 3 832 с.; Т.4 864 с.

18. Энциклопедический словарь: биографии: в 12 т. / Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Репр. изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1991. Т. 6. 478 с.